

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 5 (71). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Апатова Н. В. – д-р экон. наук, д-р пед. наук, проф.;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Дадашев В. А. – д-р экон. наук, проф.;

Звонова Е. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Нижегородцев Р. М. – д-р экон. наук, проф.;

Панков Д. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Цехла С. Ю. – д-р экон. наук, проф.;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 4 от 02 ноября 2019 г.

Подписано в печать 09.11.2019. Формат 70х100 1/16.

9,1 усл. п. л. Тираж 50. Заказ № 88. Бесплатно.

Отпечатано в отделе редакционно-издательской деятельности КФУ.

Пр. Академика Вернадского, 4,

г. Симферополь, 295007.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2019 г.

УДК 338.2:004.9

ЦИФРОВЫЕ И НЕЦИФРОВЫЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ СЕВАСТОПОЛЯ

Балашов Е. Л., Zubovich K. E.

*Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова, Симферополь, Российская Федерация
E-mail: balashov_j@mail.ru*

В данной работе представлены результаты оценки текущего состояния развития цифровой экономики в городе Севастополе. Рассматривались нецифровые факторы, которые оказывают влияние на развитие цифровой экономики в регионе. Это, в первую очередь, государственная политика и регулирование, лидерство и институты, человеческий капитал, экономическая среда и пр. При оценке исследовались также цифровые факторы: основные направления цифровой трансформации общества, бизнеса и государственного сектора Севастополя.

Ключевые слова: цифровая экономика, ИКТ (информационно-коммуникационные технологии, социально-экономическое развитие, «Умный город».

ВВЕДЕНИЕ

За последние несколько лет, начиная с 2014 г., в городе Севастополь наблюдается прогресс в рамках развития электронного правительства, который характеризуется увеличением количества предоставляемых электронных услуг, ростом числа зарегистрированных пользователей Единого портала государственных услуг, а также созданием регионального портала, созданием специального регионального сегмента системы межведомственного электронного взаимодействия и пр. Несмотря на некоторые успехи в данной сфере, для дальнейшего перехода к более высокому уровню цифровой зрелости необходимо реализовать целый ряд инициатив, в том числе необходимы значительная трансформация текущей архитектуры электронного правительства, упор на использование официальных баз данных, проактивное предоставление услуг по жизненным и деловым ситуациям и пр. На данный момент Правительством Севастополя были определены стратегические цели цифровой трансформации. Законодательным Собранием города Севастополя 18 июля 2017 г. принят Закон города Севастополя «Об утверждении стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» [1]. В утвержденной стратегии одной из трех главных целей является создание высокоэффективной экономики, которая будет ориентирована на производство продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью. В соответствии с данной целью также ставится стратегическая задача, направленная на создание условий для развития ИКТ. Для ее решения необходимы реализация проекта создания технопарка в сфере ИКТ, а также некоторые меры регулирования:

- содействие легализации хозяйственной деятельности;
- разработка механизмов для вывода ИТ–предприятий на региональные и глобальные рынки, продвижение услуг на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона;
- содействие привлечению в город крупных российских корпоративных клиентов для оказания аутсорсинговых услуг в сфере ИКТ [1].

На долгосрочную перспективу в Стратегии развития региона среди направлений экономической политики определены шесть приоритетных направлений развития ИКТ в Севастополе. Непосредственное отношение к развитию цифрового сектора имеет направление «обеспечение конкурентоспособности и технологического развития ИКТ», которое включает в себя помимо стимулирования использования ИКТ также и создание условий для развития конкурентоспособной ИКТ-индустрии.

Несмотря на положительные тенденции, намеченные в развитии региона, в данной сфере существует ряд ограничений, которые затормаживают продвижение: в стратегических документах не указаны целевые показатели развития цифрового бизнеса, отсутствует план мероприятий и дорожные карты по достижению стратегических целей, не утверждены региональные механизмы для стимулирования цифровой трансформации бизнеса [1, 2]. Также существенным недостатком является то, что в Севастополе доля предприятий, которые используют модели цифровых компетенций работников, еще очень мала, а также недостаточна активность предприятий по повышению ИКТ-компетенций работников, плюс в регионе ощущается нехватка ИКТ-специалистов. В регионе уровень применения цифровых технологий потребителями по сравнению с Россией в целом находится на среднем уровне. Также важно отметить высокие показатели по ШПД домохозяйств к интернету и наличию компьютеров дома, использованию населением платежных карт, получению населением государственных услуг. Однако в то же время на данный момент показатели, характеризующие деятельность, осуществляемую через интернет, осуществления онлайн-покупок и использования в домохозяйствах технологий «умного дома» находятся на низком уровне.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Перейдем к рассмотрению нецифровых факторов, влияющих на развитие цифровой экономики в городе Севастополе. К сильным сторонам Севастополя относится детальная стратегия социально-экономического развития и утверждение Концепции «Умный город», которая выполняет функции стратегии цифровой трансформации и определяет цели и задачи по широкому кругу условий и направлений развития цифровой экономики [2]. Вместе с тем, социально-экономическая стратегия нуждается в модернизации и учете возможностей и рисков, связанных с использованием современных цифровых технологий. К недостаткам документов стратегического планирования можно отнести отсутствие измеримых целевых показателей в сфере развития цифровой экономики, непроработанность вопросов цифровой трансформации ряда приоритетных для города отраслей экономики и отсутствие взаимоувязанной системы программных документов по реализации цифровой стратегии. Вовлеченность губернатора и руководства Севастополя в разработку и контроль реализации политики цифровой трансформации обеспечивает необходимый уровень лидерства в развитии цифровой экономики со стороны власти. В регионе формируется система управления, действуют институты, позволяющие представителям заинтересованных сторон принимать участие в управлении цифровой трансформацией, используется механизм

ГЧП, есть диалог с представителями ИКТ–бизнеса и научно-образовательного сообщества. Тем не менее, необходимо расширить участие представителей бизнеса и гражданского общества в обсуждении цифровой повестки и планов действий правительства. Правительство Севастополя только начинает использовать регуляторные механизмы для стимулирования производства, использования цифровых технологий и привлечения ИТ–специалистов к работе на предприятиях города. Правительство Севастополя, приняв концепцию «Умный город», в которой есть направление, связанное с нормативным регулированием, показывает стремление к развитию собственной нормативной правовой базы цифровой экономики на основе федерального законодательства и федеральных программ, что в дальнейшем должно положительно сказаться на темпах развития цифровой экономики в Севастополе. Однако в настоящее время эти планы реализуются преимущественно на уровне концептуальных документов и не получили воплощения ни в законодательстве (кроме налоговых льгот), ни в практике его применения. Есть несколько взаимосвязанных проблем человеческого капитала Севастополя как важного условия развития цифровой экономики: дефицит ИКТ–специалистов, их недостаточное количество среди занятых в организациях и на предприятиях города, недостаточный объем подготовки кадров в учреждениях профессионального образования Севастополя. Эти проблемы отрицательно сказываются на процессах цифровой трансформации, особенно в бюджетной сфере. Проблемой города является и удержание талантливых людей в регионе, отток которых также является сдерживающим фактором для его развития. На миграцию ИКТ–специалистов и целых компаний в другие регионы и страны сильное воздействие оказывает действующий санкционный режим. Несмотря на то, что в Севастополе существуют определенные научные заделы в сфере цифровых технологий, сложившиеся научные коллективы, а также некоторые элементы инновационной инфраструктуры, в целом регион существенно уступает среднероссийскому уровню. Среди наиболее значимых факторов, препятствующих становлению цифровой экономики в городе, необходимо отметить влияние санкций зарубежных государств, дефицит финансовых ресурсов, пока не выстроенную цепочку трансфера технологий и, наконец, небольшую емкость локального рынка. Вместе с тем, ряд показателей и экспертных оценок позволяют говорить о достаточно большом нереализованном потенциале инновационного развития города. Состояние бизнес–среды в Севастополе по всем приведенным параметрам уступает среднероссийскому уровню. Наиболее проблемными зонами являются интенсивность конкуренции на региональном рынке и защита прав на интеллектуальную собственность. Если второй показатель свидетельствует о недостаточной эффективности работы судебной системы, то первый показатель демонстрирует и дополнительные возможности по развитию экономики в стране, включая сектор ИКТ. Учитывая, что международные санкции имеют своеобразный протекционистский эффект для местных компаний, в Севастополе существуют условия для появления и развития высокотехнологичного бизнеса, ориентированного именно на локальный рынок. Правительство Севастополя не ведет достаточно активной деятельности по обеспечению информационной безопасности и в основном следует федеральной политике и инициативам. Уделяется много внимания работе по

обеспечению информационной безопасности детей. При этом вовлечению в этот процесс населения и его информированию, напротив, уделяется недостаточно внимания.

Далее рассмотрим цифровые факторы, которые оказывают влияние на развитие цифровой экономики в Севастополе. На сегодняшний день в регионе сформирована достаточно развитая цифровая инфраструктура (ЦИ). К сильным сторонам данной ЦИ относятся высокий уровень покрытия городского пространства мобильной сотовой связью (в том числе 3G и 4G); ценовая доступность ШПД, а также состояние кибербезопасности. Однако в городе менее развит фиксированный ШПД, кроме того, на данный момент в регионе слабо развит рынок услуг облачных вычислений и уровень городской индустрии аналитики данных. Платформенная инфраструктура, особенно в части присутствия глобальных и национальных онлайн-платформ в Севастополе сравнима со среднероссийской. Региональные онлайн-платформы представлены всего лишь в нескольких секторах экономики. К сожалению, на сегодняшний день национальных или глобальных компаний в сфере цифровых платформ среди компаний в Севастополе нет. В соответствии с проведенным экспертным опросом, уровень осведомленности, а также мотивации севастопольских предприятий к применению нарождающихся цифровых технологий, оценивается как недостаточно высокий. В городе очень мало компаний, которые начали применять эти технологии или предлагать их своим клиентам, а по некоторым технологиям региональные производители вообще отсутствуют.

Для наглядности рассмотрим следующую схему [3]:

Рис. 1. Схема сопоставления цифровых факторов в России и городе Севастополе.

ВЫВОДЫ

Исходя из проведенной оценки уровня развития цифровой экономики города Севастополя, можно заключить, что регион находится на среднем уровне и добился немалых успехов в этой области. Кроме того, есть сформированные предпосылки для последующего развития, однако присутствует ряд ограничений, которые блокируют имеющийся потенциал и возможности.

В заключении хотелось бы сказать, что в Севастополе наблюдается нарастающее влияние применения цифровых технологий на экономический рост и наблюдается повышение доступности и качества предоставляемых услуг. Эксперты отмечают наличие большого потенциала для дальнейшего развития. По определенным параметрам социально-экономических эффектов цифровой трансформации регион соответствует общероссийскому уровню, а по некоторым даже немного опережает их, например, в сфере улучшения качества предоставления государственных услуг. Однако существуют и проблемные зоны. Например, к слабым местам можно отнести отсутствие целевых показателей социально-экономических эффектов, которые должны быть отражены в документах стратегического планирования в сфере цифровой экономики, а также слабое развитие новых моделей бизнеса на основе цифровых технологий.

Список литературы

1. Стратегия социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.gov.ru/files/strategy/357-zs.pdf>
2. Концепция формирования цифровой среды Севастополя «Умный город». Утверждена Распоряжением Правительства Севастополя № 16–РП от 25 января 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sevastopol.gov.ru/docs/253/46715/>
3. Оценка уровня развития цифровой экономики в городе Севастополе / Под ред. Т. В. Ершовой, Ю. Е. Хохлова. М.: Институт развития информационного общества, 2018. 98 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/328465526>

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 338.2

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Бармута К. А.

*Донской государственный технический университет, Ростов–на–Дону, Российская Федерация
E-mail: b_karina@mail.ru*

В статье выявлены современные проблемы развития промышленности Ростовской области. Обоснована необходимость интеграции предприятий реального сектора экономики региона с научными, инфраструктурными и некоммерческими организациями в виде создания инновационных промышленных кластеров. Сформированы основные направления повышения синергетического эффекта от их функционирования в условиях развития современной пространственной экономики.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, промышленный кластер, инновационная активность, пространственная экономика, регион, синергетический эффект, государственная поддержка, интеллектуальная собственность.

ВВЕДЕНИЕ

Реализация в России инновационной модели развития взамен ресурсозависимой предполагает достижение устойчивых темпов роста, прежде всего, для промышленных предприятий как главной составляющей реального сектора экономики.

Эта проблема является актуальной как для страны в целом, так и для отдельных ее регионов, в частности Ростовской области. Промышленность занимает ведущее место в экономике Ростовской области, является основным сектором создания материальных благ, товарно-денежной массы, новых рабочих мест. На промышленных предприятиях региона производится более четверти всей промышленной продукции ЮФО [17]. Наиболее развитыми отраслями являются машиностроение и металлообработка, металлургическая и химическая. Ростовская область удерживает лидирующие позиции в ЮФО по производству оборудования для тепловых и атомных электростанций, вертолетов, котлов и электроводов. В регионе работают такие широко известные в стране и за рубежом предприятия, как ООО «КЗ Ростсельмаш», ООО ПК «НЭВЗ», ОАО «Тагмет», ОАО «Красный котельщик», ПАО «Роствертол», ОАО «Стройфарфор» и другие. Химическая промышленность представлена таким предприятием, как ОАО «Новошахтинский завод нефтепродуктов» с номинальной мощностью переработки сырья около 2,5 миллионов тонн в год [12, 17].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В посткризисный период в Ростовской области, достигнута положительная динамика развития промышленных предприятий (таблица 1).

Прирост объема отгруженных товаров собственного производства и сальдированного финансового результата в целом за 2012–2017 годы составил соответственно 77,0 % и 227,2 %, что свидетельствует о том, что промышленные

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ...

предприятия миновали острую стадию финансового кризиса, что позволяет им добиться в дальнейшем устойчивого роста.

Таблица 1
Основные показатели работы промышленных предприятий Ростовской области
за 2012–2017 годы

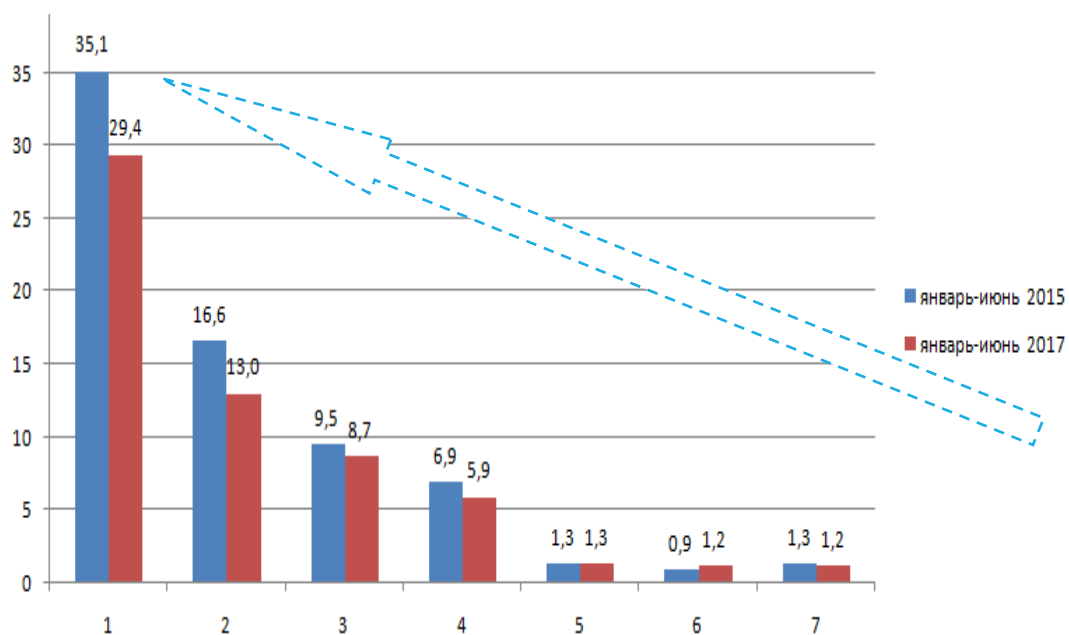
Показатели	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Объем отгруженных товаров собственного производства, млн руб.	489847,7	509011,9	518994,9	606578,3	718359,6	867060,03
базисные темпы роста, %	100,0	103,9	105,9	123,8	146,6	177,0
цепные темпы роста, %	-	103,9	102,0	116,9	118,4	120,7
Сальдированный финансовый результат, млн руб.	20860,1	31192,3	18279,7	23912,7	55487,4	68254,381
базисные темпы роста, %	100,0	149,5	87,6	114,6	266,0	327,2
цепные темпы роста, %	-	149,5	58,6	130,8	232,0	123,0

Рассчитано автором по данным Ростовстата

Вместе с тем, несмотря на сложившуюся положительную тенденцию, все еще остается комплекс проблем, оказывающих негативное воздействие и сдерживающих дальнейшее развитие промышленности Ростовской области [17]:

- отсталость техники и технологии от уровня мировых производителей;
- недостаточная инновационная активность в секторах промышленности;
- высокая конкуренция на внутреннем рынке как со стороны легального, так и нелегального импорта продукции промышленного сектора;
- увеличение числа убыточных производств;
- кадровая проблема, представленная в дефиците высококвалифицированных специалистов, основных и вспомогательных рабочих по всем технологическим процессам;
- ограниченный доступ к энергосберегающим мощностям;
- недостаточность промышленных зон, оснащенных инженерно-техническими коммуникациями, для организации новых и развития традиционных производств;
- неустойчивое финансовое положение значительной части производителей.

Несмотря на позитивную динамику количественных показателей, характеризующих развитие промышленных предприятий региона, уровень их инновационной активности все еще остается низким: в январе–июне 2017 года он составил 13 % и снизился по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 3,6 процентных пункта (рисунок 1) [15].

- 1 – деятельность в сфере научных исследований и разработок
 2 – обрабатывающие производства
 3 – деятельность в сфере коммуникаций
 4 – обеспечение электроэнергией, газом и паром
 5 – деятельность в сфере архитектуры и инженерно-технического проектирования
 6 – водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
 7 – добыча полезных ископаемых

Рис. 1. Инновационная активность организаций, осуществляющих технологические инновации, по видам экономической деятельности (в процентах)

Источник [15]

Основная причина сложившейся ситуации состоит в низком уровне научных разработок, генерируемых промышленными предприятиями. Основное направление сложившейся ситуации состоит в организации в регионе инновационных промышленных кластеров как основных экономических агентов современной пространственной экономики, осуществляющих свою деятельность при активной государственной поддержке [2, 11].

Кластерное развитие региональных экономик – это приоритетное направление модернизации российской экономики [1]. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусматривает создание сети территориально-производственных кластеров,

промышленных кластеров, реализующих потенциал инновационных высокотехнологических промышленных предприятий региона.

Преобразование существующей модели хозяйствования, ориентация на инновационную экономику продиктованы задачей интенсификации экономического роста. Кластеры становятся точками роста, обеспечивающими устойчивое развитие отраслей и регионов.

Исследование показало, что в экономической литературе отсутствует единое определение как кластера, так и отдельных его видов (промышленного, инфраструктурного, инновационного, образовательного, туристического). Анализ различных подходов показывает обоснованность определения инновационного промышленного кластера как совокупности предприятий, инфраструктурных объектов и учреждений сопутствующих видов экономической деятельности, объединенных общностью цели и деятельности, для которых характерна производственная активность, выраженная в непрерывном процессе разработки и производства продукта с использованием инновационных технологий, обмена научными разработками и технологиями, а также в наличии взаимосвязи между бизнес–процессами данных предприятий и жизненными циклами инновационных производственных продуктов [6].

Инновационные промышленные кластеры, как правило, концентрируются на базе совокупности предприятий и организаций одной отрасли, обеспечивая реализацию той или иной «цепочки ценностей», заканчивающейся производством и реализацией конечной продукции.

Рассматривая инновационные промышленные кластеры для разных цепочек ценностей, можно сделать вывод, что в каждом конкретном случае состав участников данного партнерства предприятий может быть разнообразным, хотя его основу («ядро кластера»), как правило, составляют организации НИОКР, промышленного производства и сбыта продукции (рисунок 2).

Основные предпосылки создания региональных инновационных промышленных кластеров состоят в следующем [8]:

- необходимость перехода промышленных предприятий в регионе к инновационной деятельности;
- выраженная коммерческая направленность инновационной деятельности промышленных предприятий;
- недостаток у промышленных предприятий собственных возможностей для организации эффективного производственного процесса на основе инновационного развития;
- отсутствие выраженного доминирования любого отдельного регионального промышленного предприятия.

Рис.2. Состав основных участников инновационного промышленного кластера
Составлено автором на основе [13]

Эффекты от деятельности инновационных промышленных кластеров имеют комплексный характер и включают в себя составляющие, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Эффекты от формирования инновационных промышленных кластеров

Эффект	Проявление в промышленном кластере (внутренние эффекты)	Проявление в регионе (внешние эффекты)
Эффект снижения транзакционных издержек	Взаимодействие участников кластера носит постоянный характер, это позволяет увеличить безопасность сделок	Кластерообразование в регионе позволяет органам государственной власти снизить транзакционные издержки
Эффект масштаба производства	Развитие специализации промышленного кластера повлечет за собой развитие его остальных участников, следствием чего является расширение области «покрытия» кластера	Расширение области «покрытия» промышленного кластера позволяет выходить на новые рынки, что повлечет за собой обогащение региона. В свою очередь, это повлияет на развитие других отраслей
Эффект охвата	Кооперация участников кластера позволяет использовать многокритериальный фактор на различных предприятиях при минимизации транзакционных издержек, связанных с его передачей	Использование многофункционального фактора на различных предприятиях связано со снижением части бюджетных средств региона, направляемых на финансирование этого фактора производства
Антитриггерный эффект	Возникает за счет софинансирования нововведений участниками кластера	Региональные органы государственной власти могут выступать координатором кластера, что позволяет контролировать использование финансовых ресурсов
Эффект экологической ответственности	Снижение отрицательного воздействия кластера на экологию за счет создания условий для внедрения новейших достижений в области охраны окружающей среды	Снижение отрицательного воздействия на экологию региона приведет, во-первых, к снижению заболеваемости населения, а, во-вторых, к сокращению затрат на экологические программы региона
Синергетический эффект	Возрастание эффективности деятельности участников кластера в результате их интеграции	Динамичное развитие региона в результате формирования в нем кластеров

Составлено автором на основе [4, 5]

Следует отметить, что в экономической литературе широко освещается зарубежный опыт создания и функционирования промышленных кластеров [10].

Во многих странах с развитой экономикой инновационные производственные кластеры стали обыденной формой организации бизнес-сообществ. Можно сказать, что именно развитие отдельных кластеров привело к высокому уровню международной конкурентоспособности этих стран. Кластеры оказывают

положительный эффект не только на внешнеэкономическую деятельность отдельной страны, но и способствуют оптимизации национальной экономики. США, Финляндия, Япония, Германия, Китай, Нидерланды, Франция, Португалия, Канада являются наиболее яркими представителями организаций инновационных промышленных кластеров [9, 10].

Следует отметить, что в Ростовской области уже созданы и функционируют региональные кластеры различной направленности (таблица 3).

Таблица 3

Характеристика кластеров Ростовской области

№ п/п	Наименование кластера	Отраслевая направленность кластера	Отраслевой орган исполнительной власти, курирующий кластер
1.	Инновационно-технологический кластер «Южное созвездие»	Промышленность (авиакосмическая отрасль, приборостроение, радиоэлектроника, новые материалы, системы управления, навигации и связи)	Министерство промышленности и энергетики Ростовской области
2.	Инновационный территориальный кластер морского приборостроения «Морские системы»	Судостроительная промышленность и морская техника	Министерство промышленности и энергетики Ростовской области
3.	Кластер информационно-коммуникационных технологий	Информационно-коммуникационные технологии	Министерство информационных технологий и связи Ростовской области
4.	Инновационный территориальный кластер «Донские молочные продукты» по производству и переработке молочной продукции в Ростовской области	Производство и переработка молочной продукции	Министерство сельского хозяйства и продовольствия Ростовской области
5.	Территориальный кластер «Долина Дона»	Виноградарство и виноделие, наука, образование, туризм	Департамент потребительского рынка Ростовской области
6.	Волгодонский промышленный кластер атомного машиностроения	Обрабатывающая промышленность (электроэнергетика, в т.ч. атомная и нефтегазовая промышленность)	Министерство промышленности и энергетики Ростовской области
7.	Национальный промышленный кластер сельскохозяйственного машиностроения	Сельскохозяйственное машиностроение	Министерство промышленности и энергетики Ростовской области

Составлено автором на основе [14, 16].

Мебельный кластер в Ростовской области находится в стадии своего формирования, его ядром является ОАО «ВКДП».

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ...

Для повышения инновационной активности промышленных кластеров Ростовской области необходимо реализовать комплекс взаимосвязанных мер, основными среди которых, на наш взгляд, должны стать:

- ускоренное развитие научных и технических разработок за счет использования потенциала не только исследовательских структур, входящих в кластер, но и крупнейших научных центров Российской Федерации;
- локализация стоимостной цепочки создания инновационных видов продукции на территории региона с учетом требования рынка;
- активизация маркетинговой компоненты региональной и внутрифирменной инновационной инфраструктуры с целью обеспечения промышленных кластеров достоверной конъюнктурно-коммерческой информацией;
- формирование специализированной системы регионального инновационного образования;
- государственное стимулирование процесса формирования инновационных промышленных кластеров;
- развитие региональных центров трансфера технологий и инноваций для обеспечения эффективного взаимодействия промышленных кластеров с внешней научно-исследовательской средой;
- предоставление максимально возможного объема преференций и льгот в рамках государственной поддержки промышленных кластеров;
- создание нормативно-правовой среды, обеспечивающей соблюдение прав на интеллектуальную собственность.

ВЫВОДЫ

Формирование региональной стратегии на базе принципов инновационной кластеризации промышленного сектора позволит повысить конкурентоспособность региона, увеличить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, обеспечить переход к высокотехнологичному производству, сформировать территориальные точки экономического роста, что в целом обеспечит рост синергетического эффекта для всех экономических агентов пространственной экономики.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662–р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 41 «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров.
4. Бекмансурова О. О. Мультипликативный и синергетический эффекты как экономический результат от создания промышленных кластеров // Вестник Самарского Университета. 2014. № 4 (118).

5. Буянова М. Э., Дмитриева Л. В. Оценка эффективности создания региональных инновационных кластеров // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Экология. 2012. № 2 (21). С. 54–62.
6. Воронина Л. А., Яворский Э. В. Развитие инновационных промышленных кластеров // Региональная экономика: Теория и практика. 2013. № 20 (209).
7. Данилов А. А. Формирование промышленного кластера, как необходимое условие его устойчивого развития // Управление экономическими системами. 2015. № 4.
8. Ермолаев Д. В. Кластеризация как фактор промышленного развития // Вестник Тульского государственного университета. 2016. № 5.
9. Ксенофонтова О. Л. Опыт зарубежных стран по созданию и функционированию кластеров: модельный подход // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. Иваново, 2015. № 2. С. 36–42.
10. Мима М. Ю., Кизимова К. В. Зарубежный опыт развития промышленных кластеров и оценка возможности его применения в России // Экономика и предпринимательство. 2013. № 3.
11. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.
12. Новиков А. И. Региональные кластеры: определение, признаки, предпосылки создания в Ростовской области // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2010. № 3. С. 101–111.
13. Носова А. С. Стратегическое развитие промышленных предприятий Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sienceforum.ru/2016/article/2016023206>.
14. Реестр кластеров Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donland.ru/economy/Klastery/Reestr/?pageid=128999>.
15. Уровень инновационной активности организаций Ростовской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=124063&mic=127363>.
16. Цветкова С. Н., Лисицин А. Г., Павликова Д. А. Особенности развития региональных промышленных кластеров в современных условиях // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: проблемы, пути решения: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (26 ноября 2018 г.): в 3-х ч. Ч. 1, Ростов–на–Дону: Изд-во Южного университета ИУбиП, 2018. С. 80–83.
17. Шурупова О. В. Состояние, проблемы и направления развития промышленности Ростовской области // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. 2014. № 4 (151).

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 004.738.5:339

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Бойченко О. В., Гунько А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: boleak61@mail.ru

В статье рассмотрены основные аспекты информационной безопасности в цифровой экономике Республики Крым на современном этапе. Проанализированы показатели развития цифровой экономики Республики Крым, а также угрозы, сопровождающие цифровую трансформацию. Разработаны системные подходы по обеспечению информационной безопасности с развитием цифровизации экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационная безопасность, информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, информатизация.

ВВЕДЕНИЕ

Переход к цифровым технологиям принципиально изменил отношение к информации, ее носителям, что существенно изменило отношение к экономической безопасности, перенося приоритеты с физической защиты личности и имущества на обеспечение устойчивого поступательного развития. Информационная безопасность страны в XXI веке стала важнейшей составляющей современной цифровой экономики любого государства. Её развитие и укрепление возможно только при условии использования наиболее актуальных ИТ-технологий и применения комплексных мер по просвещению населения об основных опасностях, которые подстерегают неосведомленных участников цифрового пространства. Следует отметить недостаточную изученность проблемы информационной безопасности в условиях цифровизации экономики Республики Крым, что обусловлено новизной решения задач формирования цифровой платформы экономики России, с учетом региональных особенностей экономического потенциала Крыма. В связи с изложенным, в работе поставлена проблема по решению задач защищенности коммерческих и пользовательских данных в условиях создания и усовершенствования цифровой платформы экономики Крыма.

Цель работы состоит в оценке основных показателей развития цифровизации Республики Крым в процессе реализации программы «Цифровая экономика» с учетом аспектов информационной безопасности государства.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Термин «цифровая экономика» подразумевает под собой такую экономику, которая основана на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также системе экономических, социальных и культурных отношений, ориентированных на использовании цифровых технологий [1, с. 429].

В 2017 г. Правительственная комиссия по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности утвердила план мероприятий по направлению «Информационная безопасность» программы «Цифровая экономика Российской Федерации на 2018–2024 годы». План содержит меры, которые позволяют препятствовать киберпреступлениям на современном технологическом уровне. Это касается не только безопасности в информационном пространстве, но и правовой защиты в условиях цифровой экономики. Одна из главных задач данного плана – повышение грамотности пользователей при использовании сетевых информационных ресурсов и Интернет [2, с. 72].

Рассмотрим методы определения уровня информационной безопасности государства, применяя цифровизацию с позиции проведения анализа реализации мер по развитию цифровой экономики в Республике Крым, среди которых основные направления развития цифровой экономики, потенциал IT-компаний региона, меры необходимой государственной поддержки.

Республика Крым вошла в состав Российской Федерации с низким уровнем развития сетевых технологий доступа к информации. По данным Российской ассоциации электронных коммуникаций, в 2014 г. охват сетью Интернет был равен менее 27 %, в то время как проникновение Интернета в регионах России достигло более 50 %, а в крупных городах – более 70 %. Было значительное отставание и в степени информатизации процессов управления на различных уровнях хозяйствования. Поэтому в регион были направлены значительные финансовые инвестиции с целью преодоления такого разрыва (табл. 1) [3, с. 12].

Таблица 1

Объемы финансирования мероприятий по информатизации в Республике Крым в сравнении с другими субъектами Российской Федерации в 2015–2018 гг.

Наименование региона РФ	Объем финансиров. в 2015 г., тыс. руб.	Объем финансиров. в 2016 г., тыс. руб.	Объем финансиров. в 2017 г., тыс. руб.	Объем финансиров. в 2018 г., тыс. руб. (плановые показатели)
Республика Крым	66129	627277	445736,7	501597,4
г. Севастополь	100001	300000	558283	549638,3
г. Москва	13838543	14602357	41165865,7	49932183
Республика Дагестан	65998	70902	187897,9	238222,9

Составлено авторами на основе [3, с. 11].

Как видно из таблицы 1, объем финансирования в Республике Крым в 2017 г. составил 445736,7 тыс. руб., что больше на 257838,8 тыс. руб. или на 37,2 % по сравнению с Республикой Дагестан, но меньше на 112546 тыс. руб. или на 25,2 % чем у г. Севастополя, и на 40720129 тыс. руб. или на 235,4 %, чем у г. Москвы, соответственно.

Также отметим, что в 2017 г. объем финансирования уменьшился на 181540 тыс. руб. или на 29 % по сравнению с 2016 г., и увеличился на 379607,7 тыс.

руб. или на 74 %, по сравнению с данными за 2015 г. Согласно плановым показателям, в 2018 г. наблюдается рост, который составляет 55860,7 тыс. руб., или 12,5 % (рис. 1).

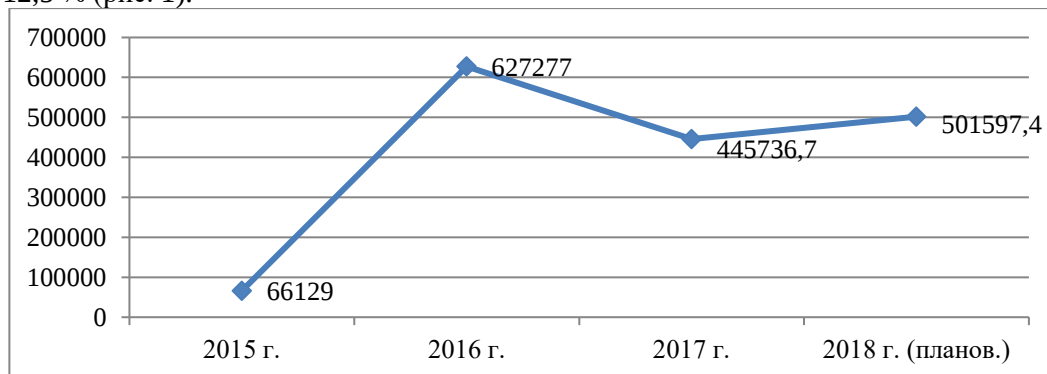

Рис. 1. Динамика объемов финансирования цифровой экономики в Республике Крым в 2015–2017 гг. и плановом 2018 г., тыс. руб.

Источник: [3, с. 12].

Проанализируем объем финансирования информатизации в Республике Крым в 2016–2017 гг. на тысячу человек населения (табл. 2).

Таблица 2

Объемы финансирования информатизации Республики Крым на душу населения в сравнении с другими регионами Российской Федерации в 2016–2017 гг.

Наименование региона РФ	Численность населения, тыс. чел. в 2016 г.	Численность населения, тыс. чел. в 2017 г.	Объем финанс. в 2016 г., тыс. руб./тыс. чел.	Объем финанс. в 2017 г., тыс. руб./тыс. чел.	Отклонение, %
Республика Крым	1896	2285	331	195	59
Севастополь	399	429	752	1301	173
г. Москва	12198	12381	1197	3325	278
Республика Дагестан	2990	3064	24	61	254

Составлено автором на основании данных: [3; 4].

Из анализа таблицы видно, что Республика Крым и Республика Дагестан в 2017 г. по численности населения имеют схожую динамику. Объем финансирования на душу населения соответственно составил 195 и 61 тыс. руб. При этом по сравнению с Республикой Крым (далее – РК), объем финансирования на душу населения в г. Севастополь больше на 1,1 млн руб. Вместе с тем, оба значения существенно выше, чем в Республике Дагестан (61 тыс. руб.). Кроме того, в РК в 2017 г. в объемы финансирования на душу населения снизились на 41 %, в то время как в г. Севастополь наблюдает рост в 73 %. В целом, если сравнивать с динамикой 2015 г., наблюдается положительная тенденция, объем финансирования в Республике Крым и г. Севастополь увеличился более, чем в 5 раз соответственно.

Немаловажным является то, что рейтинг Республики Крым по уровню информатизации в 2017 г. изменился с 85-го места в 2016 г. на 83-е в 2017 г., в то же время, Республика Дагестан изменила свое положение в рейтинговой таблице за этот же период с 82-го места на 75-е. Рейтинг г. Севастополя поднялся с 84-й позиции на 80-е место. Рейтинговая оценка произведена по семи субиндексам: человеческий капитал (наличие профессиональных кадров в сфере ИКТ), использование ИКТ в домохозяйствах и населением (степень информатизации населения), использование ИКТ в основных сферах социально-экономической деятельности (в культуре, в сфере предпринимательства и торговле и в здравоохранении), наличие развитой инфраструктуры ИКТ и функционирование электронного правительства. Представленные регионы смогли значительно улучшить позиции в рейтинге за счет реализации одной из двух стратегий: реализация проектов по информатизации наиболее социально значимых сфер и равномерное развитие проектов по всем направлениям [5, с. 333].

Угрозы информационной безопасности представляют собой проблему межотраслевого взаимодействия. То, что происходит в малом (или, к примеру, частном бизнесе), может повлиять на крупный бизнес (или государственные организации) и на всех других участников цепочки создания стоимости. Организации, независимо от того, функционируют ли они в государственном или частном секторе, несомненно, выигрывают от такой тесной взаимозависимости благодаря распространению инноваций и лучших управленческих практик, что в конечном итоге приводит к повышению эффективности работы организаций.

Удельный вес организаций, осуществляющих деятельность в области информации и связи, в 2017 г. составил 2 % от общего числа организаций, что на более чем 3 п. п. меньше показателя организаций в сфере сельского хозяйства, гостиничного бизнеса и общественного питания, обрабатывающего производства и т. д. (рис. 2).

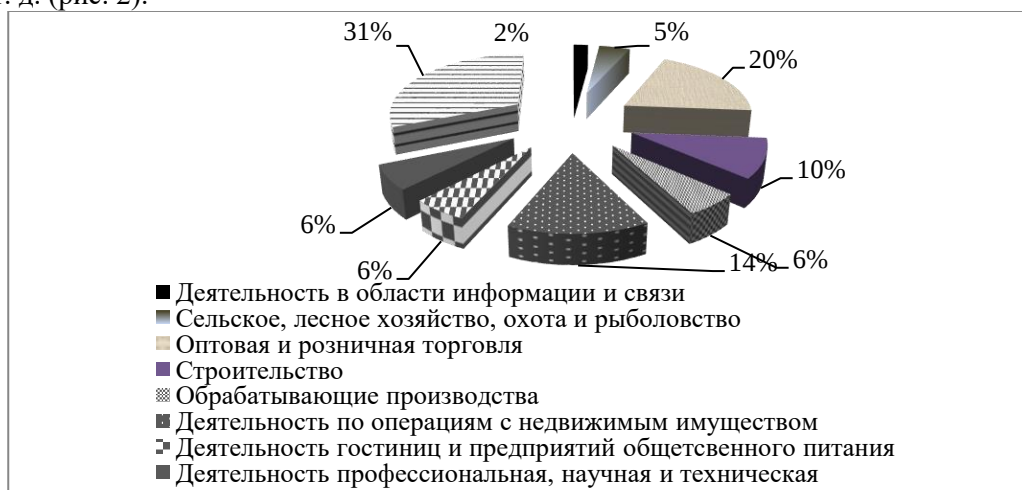

Рис. 2. Удельные веса организаций Республики Крым по видам экономической деятельности в 2017 г., %.

Источник: [5, с. 332].

В сравнении с общероссийским значением удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации в сфере цифровой экономики Крыма, меньше на 6,1 п. п.

Проанализируем динамику среднего оборота IT-компаний, имеющих офисы и представительства, расположенные на территории Крыма и Севастополя (рис. 3).

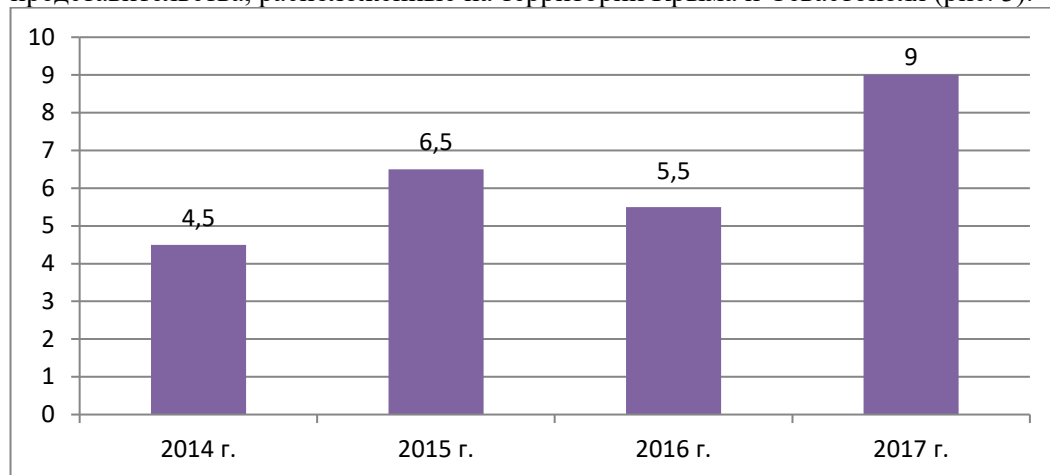

Рис.3. Средний оборот IT-компаний в 2014–2017 гг., млн руб.

Источник: составлено авторами.

Так, в 2017 г. средний оборот IT-компаний Республики Крым достиг 9 млн руб., что на 3,5 млн руб. больше, чем в 2016 г., и на 4,5 млн руб. больше, чем в 2014 г. Это достаточно высокий показатель, который составляет 2,6 % от ВРП, что на 0,4 п. п. больше среднего показателя по России. Кроме того, оборот компаний, основная деятельность которых связана с информацией и технологиями, в 2017 г. составил 4 % от общего оборота организаций Республики или 1036,4 млн руб. При этом лишь 9 % IT-компаний зарегистрированы в свободной экономической зоне, 27 % компаний пользуются льготой IT.

Чтобы определить размер цифровой экономики региона, как правило, необходимо учитывать не только вложения в нее именно локальными компаниями, т. е. экспорт национальных компаний в зарубежные страны, но и учитывать импорт продуктов информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и услуг на внутренний рынок. Официальный сайт Крымстата не предоставляет нам данных в этой области. Однако, по экспертным оценкам, их значения составляют доли процента, что связано, в частности, с режимом санкций. В этой связи целесообразно определить, какие зарубежные страны являются ключевыми клиентами Республики Крым в сфере ИКТ (рис. 4).

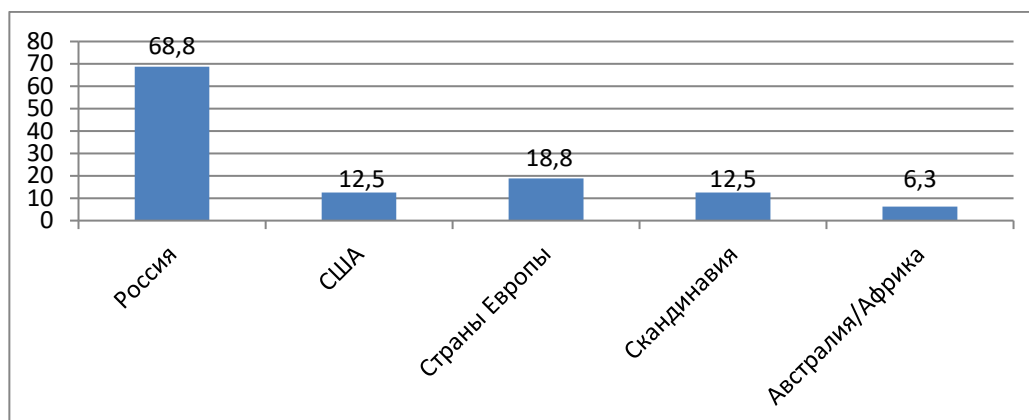

Рис. 4. Удельные веса ключевых клиентов Республики Крым в сфере ИКТ, %
Источник: составлено авторами.

График показывает, что IT-отрасль Крыма практически полностью переключилась на отечественный рынок, около 70 % компаний работает с клиентами из России. Страны Европы на 2-м месте среди ключевых клиентов (18,8 %).

Доля организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, высока, и составляет 94 % из 100 % организаций, что лишь на 1 п. п. меньше, чем в г. Москве, и на 29,7 и 35,5 п. п. больше соответственно, по сравнению с г. Севастополем и Республикой Дагестан. При этом значение выше среднего по России (83,2 %) – на 10,8 п. п., что является позитивным фактором в сфере информатизации общества.

По итогам 2017 г. в Республике Крым ограничено взаимодействие с другими странами в области развития цифровой экономики. Тем не менее, эффективность системы управления развитием цифровой экономики оставляет желать лучшего, что объясняется низкой инвестиционной привлекательностью Республики до присоединения к Российской Федерации, неразвитостью инфраструктуры, НИОКР в указанном периоде. Однако, что касается персональной ответственности руководителей высокого уровня за развитие цифровой экономики и наличия и использования механизмов государственно-частного партнерства (далее – ГЧП) в процессах развития цифровизации, то по данным показателям Республика Крым опережает средние значения по Российской Федерации.

Согласно данным глобального мониторинга предпринимательства по индексу инноваций, который рассчитывается как доля начинающих предпринимателей, выходящих на рынок с новыми продуктами и услугами и не имеющих или имеющих мало конкурентов, Россия занимает предпоследнее место из 64 стран, участвовавших в обследовании (5,4 %), уступая на порядок странам-лидерам рейтинга по этому показателю. В Республике Крым и г. Севастополе доля начинающих предпринимателей, которые выходят на рынок с новыми продуктами и услугами, не имеют или имеют мало конкурентов с аналогичным предложением, оценивается экспертами как очень низкая (менее 10 %) [5, с. 332].

В ходе исследования выявлены следующие проблемы (угрозы), сопровождающие информационную и экономическую безопасность Республики Крым:

- проблема с кадровым обеспечением «цифровой революции». Существует острая нехватка как IT–специалистов, так и пользователей, способных правильно и эффективно применять инновационные технологии;
- малый объем инвестиций и низкая предпринимательская активность в этой отрасли;
- недостаточно развитая инфраструктура (низкая пропускная способность каналов связи, отсутствие доступа к мобильному Интернету, недостаток центров обработки данных и др.);
- риск кибер–угроз и кибер–атак;
- разрыв в цифровом образовании, в условиях доступа к цифровым услугам и продуктам.

В связи с тем, что международное сотрудничество Республики Крым в области развития цифровой экономики затруднено, что обусловлено общим санкционным режимом, введенным после вхождения Крыма и г. Севастополя в состав Российской Федерации (это касается деятельности выхода на рынки многих развитых стран предприятий ИКТ–сектора; создания совместных предприятий; заключения соглашений Правительством РК с целым рядом развитых стран), предлагается внедрить новую модель экономического роста в Республике Крым за счёт изменения экономической структуры, для чего требуется решить как минимум 2 центральные задачи:

- 1) осуществить развёртывание высокотехнологичных производств, создающих базис (в виде средств производства) для цифровой экономики;
- 2) в рамках государственной программы цифровизации, принятой в августе 2017 г., сформировать мультиплицирующие цепочки производства с обоснованным выделением ресурсов под них, сразу с замещением импорта по целому набору поступающих в страну приборам и оборудования, компьютерной техники.

Такой подход позволит сделать программу цифровизации элементом обоснованной структурной политики экономического роста на новых факторах. Нужно отметить, что управление переливом ресурсов между секторами должно стать основным направлением для макроэкономической политики, которая бы учитывала наличие задач в рамках принятых государственных программ развития.

Несмотря на имеющиеся преимущества Республики Крым в виде особого налогового режима в рамках свободной экономической зоны, позволяющего получить резидентам приоритетные условия по налогу на прибыль и страховым отчислениям, а также нулевую налоговую ставку при применении упрощенной и патентной системы налогообложения (для индивидуальных предпринимателей на территории субъекта), специальных налоговых льгот для производства и использования цифровых технологий не предусмотрено.

В то же время цели и задачи развития цифрового сектора экономики представлены в Стратегии социально-экономического развития Республики до 2030 г. Между тем, целевые показатели развития цифрового сектора не

определены - в Стратегии есть только общий показатель доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте. Поэтому неотъемлемым элементом к Стратегии и Программе, по нашему мнению, должен являться перечень и методика расчета индикаторов, с помощью которых можно оценить слабые и сильные стороны развития ИКТ, инноваций и НИОКР в регионах количественным и качественным путем.

При этом для создания условий развития ИКТ необходима поэтапная и системная реализация следующих мероприятий:

- формирование технопарка в сфере ИКТ на территории РК;
- содействие легализации хозяйственной деятельности;
- разработка механизмов продвижения услуг компаний на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона;
- содействие привлечению в Республику крупных российских корпоративных клиентов для оказания аутсорсинговых услуг в сфере ИКТ;
- стимулирование государственных закупок, обеспечивающих возможность для малых/средних предприятий конкурировать за предоставление ИКТ-продуктов и услуг государству;
- решение проблемы отсутствия скоординированности при введении льгот, их слабой силы, сложности администрирования налоговых льгот на федеральном уровне.

В целях стимулирования инвестиционной привлекательности региона с позиции развития информатизации и цифровизации, можно выделить следующие векторы развития цифровой экономики в Республике Крым и в России в целом:

- повсеместная интернетизация всех сфер экономики (Интернет всего);
- интеллектуальные решения для бизнеса и городов;
- формирование условий для развития цифровой инфраструктуры, подготовки кадров, исследовательских компетенций и технологических заделов, информационной безопасности;
- совершенствование и доработка портала открытых данных РК и г. Севастополя;
- стимулирование бизнес-форумов, конференций и семинаров, в т.ч. и федерального уровня.

Кроме того, в условиях санкций, по мнению аналитиков, актуально принятие законопроекта «Об НДС для зарубежных IT-компаний», который предоставлял бы им соответствующие преференции по данному виду налога, отечественным компаниям, в свою очередь, целесообразно предоставление пониженной ставки НДС в 10 % для отдельных печатных СМИ и книжной продукции, связанной с образованием, наукой и культурой, на все виды СМИ, включая цифровые медиа, согласно предложенному в 2017 г. законопроекту Минкомсвязи России [5, с. 333].

Таким образом, Правительством Республики Крым определены стратегические цели развития цифрового сектора экономики. Однако, что касается детальной программы развития сектора, то ее еще только предстоит разработать. Правительство Республики нацелено на обеспечение высокого уровня конкурентоспособности в этом направлении, финансовые ресурсы для достижения стратегических целей и

показателей развития цифрового сектора экономики имеются, необходима лишь реализация этого потенциала. В целом, в настоящее время уровень развития цифрового сектора экономики региона на фоне международных сопоставлений можно оценить как низкий, прежде всего, из-за отсутствия проработанных планов развития цифрового сектора и низкого уровня развития сектора контента и СМИ.

ВЫВОДЫ

Таким образом, современная цифровая экономика опирается на сложную систему, состоящую из множества тесно связанных между собой элементов, которая технологически основывается на ИКТ и обработке больших потоков данных, а также на мобильных соединениях и использовании сети Интернет.

Цифровая экономика на данном этапе развития оказывает положительное влияние на состояние экономики Республики Крым и Российской Федерации в целом. Активное развитие данной сферы экономики является одним из ведущих направлений развития экономики страны.

Республика Крым опережает средние значения по показателям Российской Федерации, что касается среднего оборота IT-компаний, доли организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, индикатора персональной ответственности руководителей высокого уровня за развитие цифровой экономики и наличия и использования механизмов ГЧП в процессах развития цифровизации. Исследование показало, что основными причинами, сдерживающими развитие ИКТ в Республике, являются небольшая емкость локального рынка, трудности доступа на внешние рынки, связанные с санкциями, малый объем инвестиций и низкая предпринимательская активность в этой отрасли.

Список литературы

1. Углова И. А. Цифровая экономика: информационная и экономическая безопасность // Проблемы развития национальной экономики на современном этапе: материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 428–436.
2. Бойченко О. В., Апатова Н. В., Гайдатов А. В. Информационная безопасность в цифровой экономике // Цифровая экономика: информационные технологии и модели. 2018. С. 52–74.
3. Абрамова М. В. Проблемы развития Республики Крым в контексте цифровой экономики // Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. К 100-летию Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2018. С. 10–12.
4. Официальный сайт Крымского IT-Кластера [Электронный ресурс]. URL: <http://itccrimea.ru/it-kryima-i-sevastopolya-v-2017/>
5. Князькова В. С. Управление информационной безопасностью в цифровой экономике // Информационно-коммуникационные технологии: достижения, проблемы, инновации (ИКТ-2018). 2018. С. 331–333.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 796.034.2

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Енченко И. В.

*Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья
им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ir.gerasina2010@yandex.ru*

Автором проводится исследование развития физической культуры и спорта в Республике Крым, анализируются ключевые показатели развития данной отрасли. В статье приводятся данные по численности занимающихся физической культурой и спортом, обеспечению Республики Крым спортивными сооружениями, уровню сдачи Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», финансированию физической культуры и спорта, а также развитию физической культуры и спорта для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, адаптивная физическая культура, экономика спорта, комплекс «Готов к труду и обороне».

ВВЕДЕНИЕ

Развитие физической культуры и спорта на сегодняшний день является одной из ключевых задач, которые ставит перед собой наше государство. В последние годы наблюдается значительный подъем интереса к физической культуре и спорту со стороны населения нашей страны. Несомненно, данный факт связан с проведением целого ряда крупномасштабных спортивных соревнований на территории нашей страны, таких как Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи в 2014 году, Кубок Конфедераций по футболу в 2017 году, Чемпионат мира по футболу в 2018 году, Универсиада в Красноярске в 2019 году, а также с проведением серьезной работы со стороны государства по разработке программ и стратегий, направленных на развитие физической культуры и спорта как на уровне спорта высших достижений, так и на уровне массового спорта. Республика Крым входит в состав Российской Федерации с 2014 года и, несомненно, вносит существенный вклад в развитие физической культуры и спорта в нашей стране. Сегодня, по прошествии 5 лет с момента вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации, важным представляется исследование динамики ключевых показателей развития физической культуры и спорта в Республике. Для проведения анализа используются статистические отчеты, представленные на сайтах Министерства спорта Российской Федерации, Министерства спорта Республики Крым, официальном сайте ВФСК «Готов к труду и обороне».

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По данным Министерства спорта Российской Федерации численность населения от 3 до 79 лет в Республике Крым на 2018 год составляет 1 776 589 человек, в том числе в возрасте от 3 до 29 лет – 562890 человек (288077 мужчин и 274813 женщин), от 30 до 59 лет – 745500 (395390 мужчин и 350110 женщин), от 60 до 79 лет – 468199

(162909 мужчин и 374880 женщин) [13]. Как мы видим, самой многочисленной категорией являются люди от 30 до 59 лет. Именно данная категория, как правило, меньше всего вовлечена в сферу физической культуры и спорта. На рисунке 1 представлены данные по численности населения Республики Крым, занимающихся физической культурой и спортом.

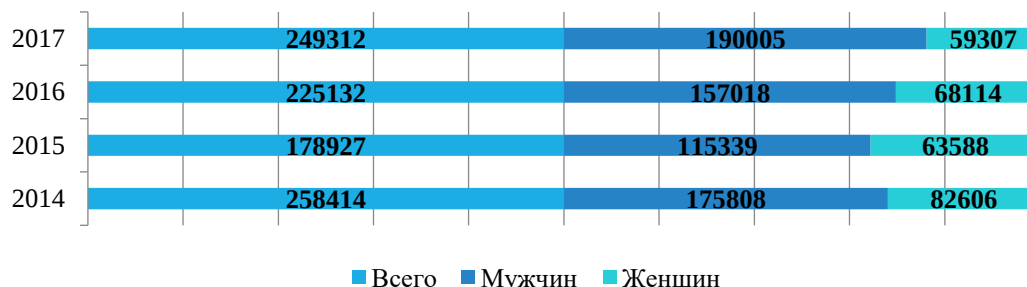

Рис. 1. Численность населения Республики Крым, занимающегося физической культурой и спортом [2–5]

Мы видим, что наиболее высокие показатели наблюдаются в 2014 году. В 2015 году отмечается серьезный спад данного показателя на 79487 человек. Однако с 2016 года снова наблюдается рост числа занимающихся, и в 2017 году показатель равен уже 249312 человек. В 2014 году физической культурой и спортом занимались 14,2 % населения Республики Крым, в 2015 году показатель снизился до 10,1 %, в 2016 году возрос до 12,7 %, в 2017 году практически сравнялся с показателем 2014 года – 14 %. Отметим, что до вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации показатели вовлеченности населения в сферу физической культуры и спорта были следующие: 2011 год – 9,6 %, 2012 год – 12,6 %, 2013 год – 11,6 %. Таким образом, можно сказать, что с 2014 года отмечается рост данного показателя.

С 2014 года увеличилась численность мужчин, занимающихся физической культурой и спортом, с 175808 человек в 2014 году до 190005 человек в 2017 году. Число женщин, занимающихся физической культурой и спортом, наоборот снизилось. В 2014 году данный показатель был равен 82606 человек, а в 2017 году составил 59307 человек.

Проанализируем возраст занимающихся физической культурой и спортом в Республике Крым с 2015 по 2017 годы (рисунок 2).

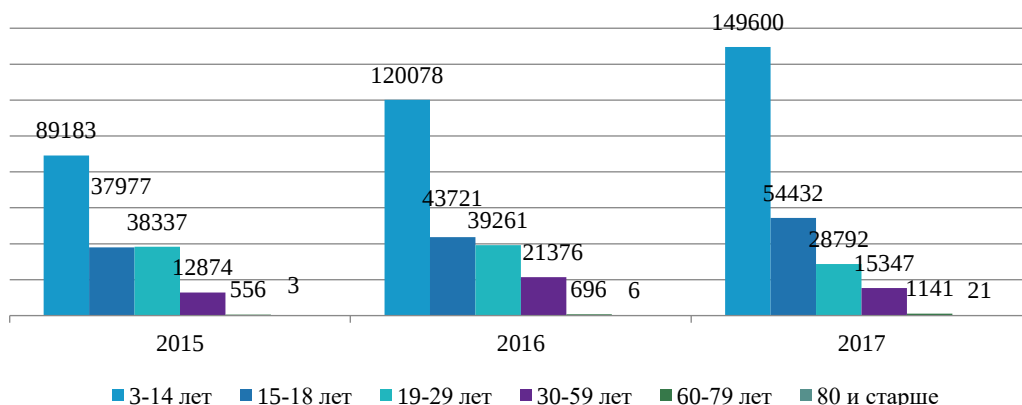

Рис. 2. Возраст занимающихся физической культурой и спортом в Республике Крым [7–9]

Самой многочисленной является категория от 3 до 14 лет. С 2015 года наблюдается существенный рост числа занимающихся физической культурой и спортом в данной возрастной категории с 89183 человек в 2015 году до 149600 человек в 2017 году, то есть на 60417 человек. Отметим снижение в 2017 году числа занимающихся в возрастной категории с 19 до 29 лет, в 2017 году показатель снизился на 10469 человек. Снижение наблюдается и в возрастной категории от 30 до 59 лет, показатель в 2017 году снизился на 6029 человек. В то же время наблюдается рост численности занимающихся в возрастных категориях от 60 до 79 лет и старше 80 лет.

На рисунке 3 представлены данные по учреждениям, в которых занимаются физической культурой и спортом жители Республики Крым.

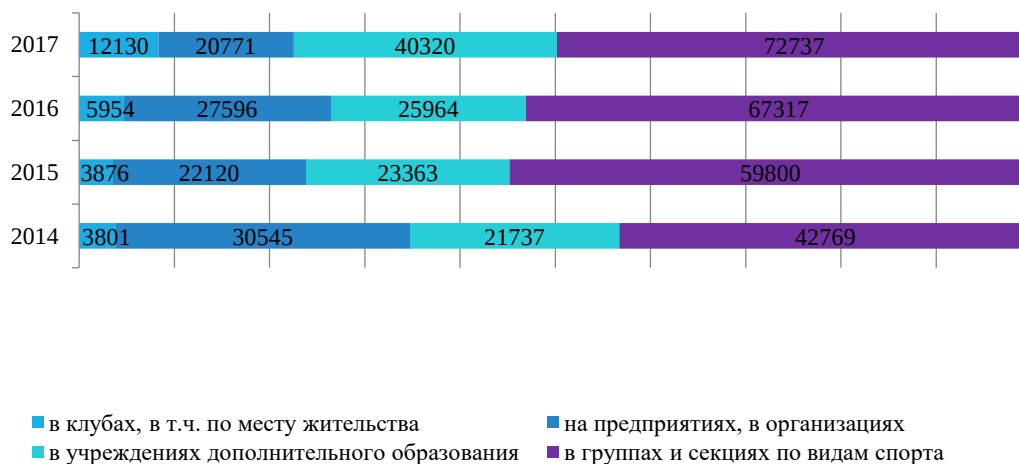

Рис. 3. Учреждения, в которых занимаются физической культурой и спортом жители Республики Крым [2–5]

С 2014 года значительно увеличилось число лиц, занимающихся физической культурой и спортом в клубах. В 2014 году данный показатель был равен 3801 человек, в 2017 году возрос на 8329 человек и составил 12130 человек. Наблюдается снижение численности занимающихся на предприятиях и в организациях, с 2014 года показатель сократился на 9774 человек. Численность занимающихся в учреждениях дополнительного образования с 2014 года увеличилась практически вдвое. В 2014 году показатель был равен 21737 человек, в 2017 году увеличился на 18583 человек и составил 40320 человек. Еще больший рост численности занимающихся мы наблюдаем в группах и секциях по видам спорта – на 29968 человек с 2014 года.

Анализируя показатели развития физической культуры и спорта, нельзя забывать о такой категории занимающихся, как люди с ограниченными возможностями здоровья. На рисунке 4 представлены данные по численности занимающихся адаптивной физической культурой.

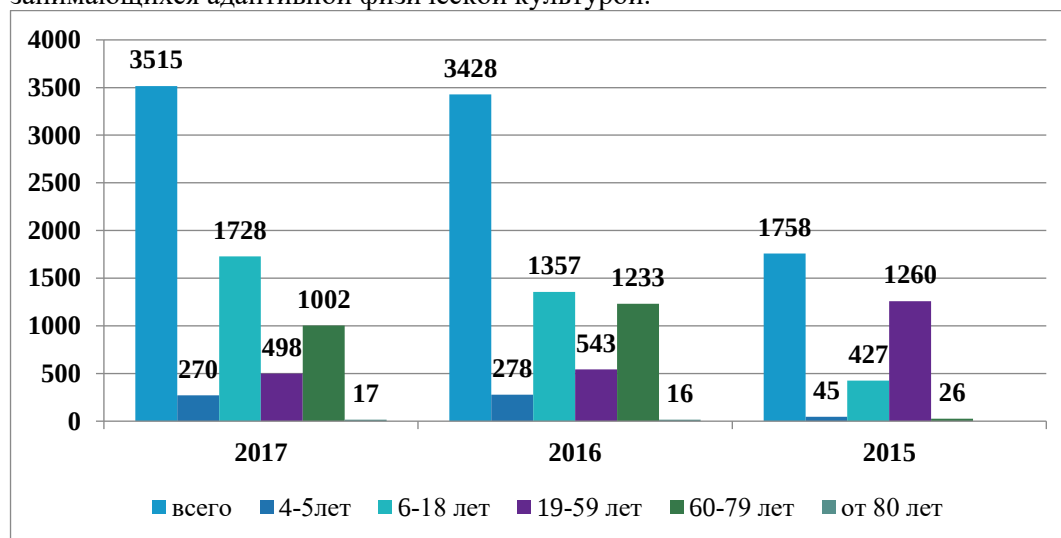

Рис. 4. Численность занимающихся адаптивной физической культурой и спортом в Республике Крым с 2015 по 2017 год [10–12]

На рисунке 4 мы видим, что с 2015 года значительно возросло число лиц с ограниченными возможностями здоровья, занимающихся физической культурой и спортом. В 2015 году данный показатель был равен 1758, в 2017 году возрос на 1757 человек и составил 3515 человек. Анализируя численность занимающихся по возрасту, можно сказать, что с 2015 года произошло увеличение в возрастной категории от 19 до 59 лет. В то же время произошло падение показателя по числу занимающихся в возрастной группе от 4 до 5 лет, показатель снизился с 278 в 2016 году до 45 в 2017 году, от 6 до 18 лет, произошло снижение с 1357 в 2016 году до 427 в 2017 году, от 60 до 79 в 2017 году показатель упал до 26 человек.

Рассмотрим такой показатель развития физической культуры и спорта, как обеспечение отрасли спортивными сооружениями. На рисунке 5 представлены данные по количеству спортивных сооружений в Республике Крым.

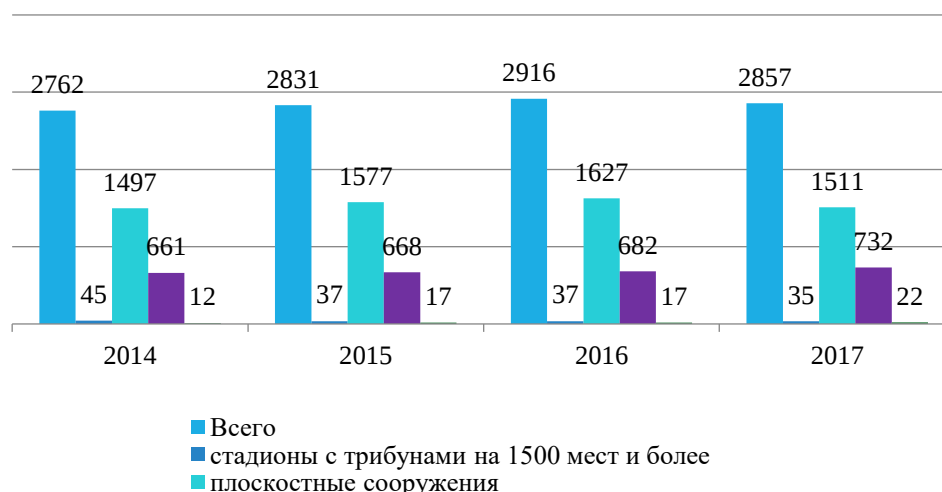

Рис. 5. Количеству спортивных сооружений в Республике Крым [2–5]

Максимальный показатель по количеству спортивных сооружений в Республике Крым наблюдался в 2016 году. В 2017 году показатель уменьшился на 59 сооружений. С 2014 года на 10 сократилось число стадионов с трибунами на 1500 мест и более. По остальным типам сооружений наблюдается рост показателей. Максимальное число плоскостных сооружений наблюдается в 2016 году – 1627, в 2017 году показатель снизился до 1511. Число спортивных залов стабильно увеличивается и с 2014 года возросло на 71. Аналогичная тенденция наблюдается и с числом бассейнов, с 2014 года их количество увеличилось на 10 единиц.

На рисунке 6 представлены данные по фактическим и нормативным показателям единой пропускной способности (ЕПС) спортивных сооружений в Республике Крым.

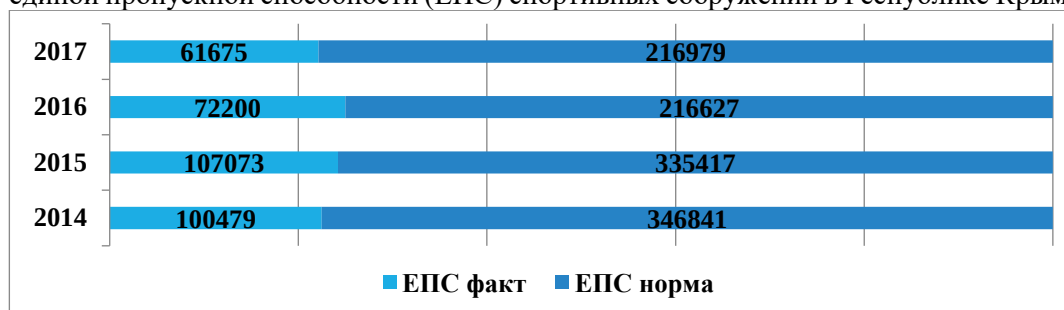

Рис. 6. Фактические и нормативные показатели единой пропускной способности (ЕПС) спортивных сооружений в Республике Крым [2–5]

В 2017 году процент от норматива единой пропускной способности в Республике Крым составлял 28,4 %, в 2016 году – 33,3 %, в 2015 году – 31,9 %, в 2014 году – 29 %. Таким образом, можно сказать, что максимальный показатель наблюдается в 2016 году, в то время как в 2017 году показатель упал ниже уровня 2014 года – 28,4 %.

РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ...

На рисунке 7 представлены данные по числу учреждений, которые предоставляют услуги в сфере адаптивной физической культуры.

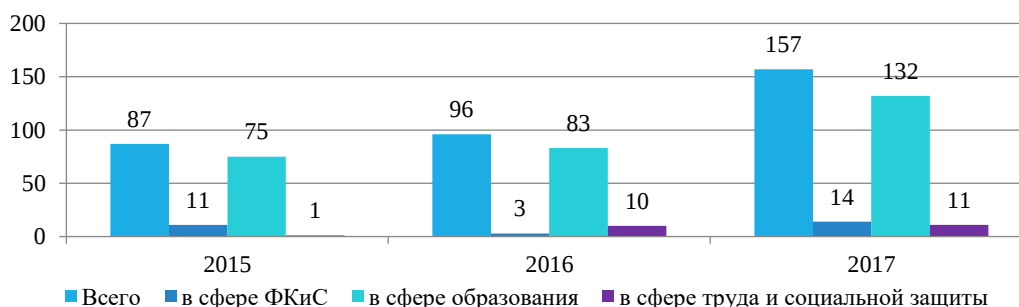

Рис. 7. Количество учреждений, предоставляющих услуги в сфере адаптивной физической культуры в Республике Крым [10–12]

С 2015 года на 70 единиц возросло число учреждений, предоставляющих услуги в сфере адаптивной физической культуры в Республике Крым. Произошло увеличение числа учреждений, которые осуществляют работу с людьми с ограниченными возможностями здоровья в сфере физической культуры и спорта. В 2015 году данный показатель был равен 11, в 2017 году возрос до 14. Существенный рост отмечается в количестве учреждений в сфере образования, осуществляющих работу с людьми с ограниченными возможностями здоровья. В 2015 году число учреждений в сфере образования было равно 75, в 2017 году увеличилось на 57 единиц до 132. Кроме того, в 2017 году в Республике Крым функционировало 11 учреждений, осуществляющих работу с людьми с ограниченными возможностями здоровья в сфере труда и социальной защиты.

На рисунке 8 представлены данные по видам сооружений, приспособленных для занятий физической культурой и спортом людей с ограниченными возможностями здоровья.

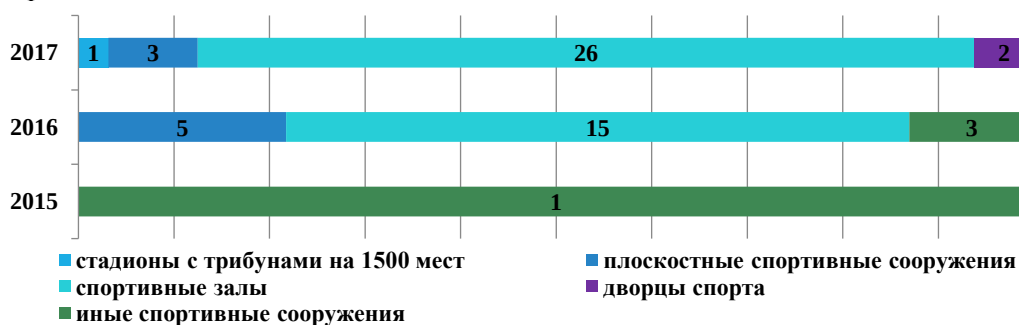

Рис. 8. Число спортивных сооружений, приспособленных для занятий физической культурой и спортом людей с ограниченными возможностями здоровья [10–12]

На сегодняшний день в Республике Крым функционирует 38 спортивных сооружений, приспособленных для занятий физической культурой и спортом людей

с ограниченными возможностями здоровья. Для сравнения в 2015 году функционировало всего 1 учреждение данного типа. Максимальные показатели в 2017 году наблюдаются по числу спортивных залов – 26. Кроме того, в Крыму насчитывается 3 плоскостных сооружения, 2 дворца спорта и 1 стадион с трибунами на 1500 мест и больше, приспособленные для занятий физической культурой и спортом людей с ограниченными возможностями здоровья.

Важным показателем развития физической культуры и спорта в регионе является кадровое обеспечение отрасли. В 2014 году насчитывалось 2640 штатных работников отрасли физической культуры и спорта, в 2015 году – 2698 человек, в 2016 году – 2887 человек, в 2017 году данный показатель уменьшился до 2860 человек [2–5]. Важным представляется подготовка высококвалифицированных кадров в сфере физической культуры и спорта. Образовательные учреждения Республики Крым (Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (КФУ им. В.И. Вернадского), Севастопольский экономико-гуманитарный институт (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (СЭГИ КФУ) и Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) КФУ им. В.И. Вернадского в г. Ялте) готовят специалистов в сфере физической культуры и спорта по следующим направлениям: направление 49.03.01 «Физическая культура»; направление 49.03.03 «Рекреация и спортивно-оздоровительный туризм в вузах Крыма»; направление 49.04.03 «Спорт»; направление 49.03.02 «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)».

Проанализируем показатели финансирования физической культуры и спорта в Республике Крым. На рисунке 9 представлены данные по финансированию физической культуры и спорта, а также по финансированию адаптивной физической культуры в Республике Крым.

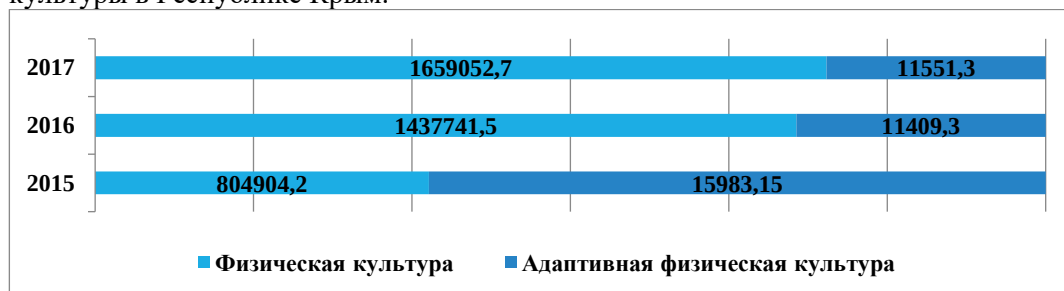

Рис. 9. Финансирование физической культуры и адаптивной физической культуры в Республике Крым [7–12]

По физической культуре максимальный объем финансирования приходится на 2017 год – 1659052,7 тысяч рублей, минимальный на 2015 год – 80494,2 тысяч рублей. По адаптивной физической культуре наоборот – максимальные показатели наблюдаются в 2015 году – 15983,15 тысяч рублей, минимальные в 2017 году – 11551,3 тысяч рублей.

Распределение финансирования физической культуры и спорта на 2017 год включает в себя проведение спортивных соревнований – 74 517,0 тысяч рублей, приобретение спортивного оборудования и инвентаря – 94919,1 тысяч рублей,

капитальный ремонт спортивных сооружений – 411213,3 тысячи рублей, инвестиции на реконструкцию и строительство спортивных сооружений – 318597,2 тысячи рублей, заработная плата работников физической культуры и спорта – 589281,4 тысячи рублей, содержание спортивных сооружений – 90 046,8 тысяч рублей.

Источниками финансирования адаптивной физической культуры являются средства из федерального бюджета (2015 год – 5802,6 тысяч рублей, 2017 год – 2654,1 тысяч рублей), из бюджета субъекта Российской Федерации (2015 год – 10164,2 тысяч рублей, 2016 – 11341,6 тысяч рублей, 2017 год – 2974,5 тысяч рублей), из бюджета муниципальных образований (2015 год – 16,7 тысяч рублей, 67,7 тысяч рублей, 5922,7 тысяч рублей).

В Республике Крым реализуется программа «Доступная среда», рассчитанная на период 2016–2018 годы. По данным на 1.12.2018 года на данную программу было выделено 2580,60 тысяч рублей.

Объем субсидий на финансовое обеспечение мероприятий федеральной целевой программы «Развитие физической культуры и спорта Российской Федерации на 2016–2020 годы» на декабрь 2018 года составил 158789, 8 тысяч рублей [1].

Еще одним важнейшим направлением развития физической культуры и спорта в Республике Крым является реализация Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне». В общем рейтинге по внедрению ВФСК «Готов к труду и обороне», подготовленном Министерством спорта Российской Федерации, Республика Крым по результатам 4 квартала 2018 года занимает 76 место. В электронной базе данных комплекса ГТО зарегистрировано 33379 человек, то есть 1,88 % от общей численности населения в возрасте от 6 лет, проживающего на территории Республики Крым. В выполнении нормативов комплекса ГТО приняли участие 22116 человек, что равно 66,26 % от общей численности населения, проживающего на территории субъекта Российской Федерации, зарегистрированного в электронной базе данных, и 1,25 % от численности населения, проживающего на территории субъекта Российской Федерации в возрасте от 6 лет.

Общее число знаков отличия комплекса «Готов к труду и обороне» за 4 квартал 2018 года составило 6951 или 0,39 % от общей численности населения, проживающего в Республике Крым в возрасте от 6 лет, и 31,43 % от общей численности населения, принявшего участие в выполнении нормативов испытаний (тестов) комплекса ГТО в Республике Крым [6].

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что развитие физической культуры и спорта в Республике Крым идет довольно активно, наблюдается положительная динамика по большинству показателей развития физической культуры и спорта в регионе.

Важным представляется дальнейшая работа по пропаганде здорового образа жизни и физической культуры и спорта среди населения Крыма, особенно работа с населением старше 30 лет. Необходимо проводить более активную пропаганду Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» и

предоставлять больше возможностей населению для подготовки к сдаче нормативов комплекса.

Говоря об адаптивной физической культуре, отметим значительные изменения произошедшие с 2014 по 2017 год в данной отрасли. Появилось большое количество учреждений, приспособленных для людей с ограниченными возможностями здоровья. Кроме того, наблюдается рост числа людей, занимающихся адаптивной физической культурой в Республике Крым.

Список литературы

1. Отчет об использовании бюджета Министерства спорта Республики Крым на 01.12.2018 // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: https://msport.rk.gov.ru/ru/structure/2018_03_26_12_05_2018.
2. Показатели развития физической культуры и спорта в разрезе субъектов Российской Федерации за 2014 год // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/642/>.
3. Показатели развития физической культуры и спорта в разрезе субъектов Российской Федерации за 2015 год // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/642/>.
4. Показатели развития ФКС 2016 // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/>.
5. Показатели развития ФКС 2017 // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/>.
6. Рейтинг ГТО с учетом работы за 4 квартал 2018 года // Официальный сайт ВФСК «Готов к труду и обороне» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gto.ru/files/uploads/documents/5c52b12ab1405.pdf>.
7. Федеральное статистическое наблюдение № 1–ФК «Сведения о физической культуре и спорте» 2015 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <http://msport.rk.gov.ru/rus/info.php?id=610789>.
8. Федеральное статистическое наблюдение № 1–ФК «Сведения о физической культуре и спорте» 2016 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <http://msport.rk.gov.ru/rus/info.php?id=610789>.
9. Федеральное статистическое наблюдение № 1–ФК «Сведения о физической культуре и спорте» 2017 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <http://msport.rk.gov.ru/rus/info.php?id=610789>.
10. Федеральное статистическое наблюдение № 3–ФК «Сведения об адаптивной физической культуре и спорте» за 2015 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: https://msport.rk.gov.ru/ru/structure/federalnoe_statisticheskoe_nabliudenie_3_fk_svedeniia_ob_adaptivnoi_fizicheskoi_kulture_i_sporte.
11. Федеральное статистическое наблюдение № 3–ФК «Сведения об адаптивной физической культуре и спорте» за 2016 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: https://msport.rk.gov.ru/ru/structure/federalnoe_statisticheskoe_nabliudenie_3_fk_svedeniia_ob_adaptivnoi_fizicheskoi_kulture_i_sporte.
12. Федеральное статистическое наблюдение № 3–ФК «Сведения об адаптивной физической культуре и спорте» за 2017 год // Министерство спорта Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: https://msport.rk.gov.ru/ru/structure/federalnoe_statisticheskoe_nabliudenie_3_fk_svedeniia_ob_adaptivnoi_fizicheskoi_kulture_i_sporte.
13. Численность населения 3–79 лет в разрезе субъектов Российской Федерации 2018 год // Министерство спорта Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/physical-culture/statisticheskaya-inf/>.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 332.14

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Кузнецов М. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kuznecmikle@rambler.ru

Данная статья рассматривает теории экономического развития как неотъемлемой части государственной региональной социально-экономической политики и определяет место понятия «государство развития» в системе взаимоотношений «государство–общество» стран Восточной Азии.

Ключевые слова: региональная политика, экономическое развитие, «государство развития», Восточная Азия.

ВВЕДЕНИЕ

Существует значительное число теорий экономического развития, большинство из них получили активное развитие после Второй мировой войны. Все теории основаны на едином утверждении, что экономическое развитие возможно при условии сокращения и ликвидации бедности, неравенства, безработицы совместно с экономическим ростом. Ключевой характеристикой экономического развития является то, что люди активно участвуют в процессе развития и в изменении фундаментальной структуры экономики, хотя некоторое иностранное участие обычно неизбежно. Для того чтобы экономический рост можно было охарактеризовать как экономическое развитие, население страны должно участвовать не только в получении выгоды от роста доходов на душу населения, но и в самом производственном процессе. Кроме того, экономический рост должен приносить пользу широкой группе людей – если он приносит пользу лишь небольшому меньшинству, он не считается экономическим развитием.

Таким образом, целью статьи является определение места модели «государство развития» в системе региональной политики государств Восточной Азии.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономическое развитие подразумевает гораздо больше, чем экономический рост, без экономического роста не может быть экономического развития, то есть роста реальных доходов на душу населения. Однако не существует единой согласованной «модели развития», каждая теория дает представление об одном или двух аспектах сложного процесса развития. Например, модель Ростоу помогает нам задуматься о стадиях экономического роста, в то время как модель Харрода–Домара объясняет значимость адекватных сбережений в этом процессе [1, с. 167–173]. Однако следует учитывать общие черты, а также уникальность экономического, социального, культурного и исторического опыта каждой страны, которые определяют различные локальные последствия той или иной теории. Поэтому

большинство из них возникали как следствие какого-либо экономического процесса в определённое время и в конкретном месте. Данный факт определил необходимость вычленив среди множества вопросов, касающихся регионального общественно-экономического развития стран, единый подход, удовлетворяющий требованиям ученых для характеристики стран, подпадающих под понятие «государство развития».

На начальном этапе понимания вопроса во второй половине XX века «государство развития» определяли не как модель, а рассматривали лишь как процесс или феномен, который осуществляется в развивающихся странах. Зарубежные ученые ассоциировали уже нынешнее понятие о модели с экономическим процветанием и темпами роста, а другие рассматривали его институтом, способным не только добиться выдающегося подъема, но и совместить понятие с легитимностью, основанной на повышении уровня жизни [2, с. 5]. Таким образом, при описании региональной социально-экономической политики с помощью этого процесса многие ученые опирались на три его составляющих: экономический рост, повышение уровня жизни и легитимность. Тем не менее, не каждое государство, достигнувшее кратковременного экономического роста и повышения уровня жизни, можно отнести к «государству развития». Приравнивание быстро развивающейся экономики к «государству развития» становится проблематичным в тех случаях, когда экономика сильно зависит от таких внешних факторов, как экспорт сырьевых товаров или приток зарубежной помощи.

«Государство развития» – это государство, обладающее достаточным потенциалом для осуществления деятельности в специальных целевых направлениях с помощью административных и политических ресурсов. Таким образом, это сильное дисциплинарное государство, способное контролировать интересы частного бизнеса в увязке с потребностями общества, а также осуществляющее легитимную агрессивную стратегию экономического роста на длительную перспективу.

Через определение «государство развития» ученые в области международной политической экономики описывают экономики стран Восточной Азии.

В общем смысле «государство развития» относится к синтезу очень специфических аспектов каждого восточноазиатского случая отдельно и сводится в идеальный тип правительственной структуры вместе с местными реалиями и культурными ценностями [2, с. 7].

Основной сдвиг в направлении выявления в этом регионе политики «государства развития» был осуществлен в 1982 году Чалмерсом [3], когда он провел исследование явления послевоенного обогащения Японии. Впоследствии использование японских рыночных механизмов для целей развития можно проследить в Южной Корее, Тайване, Сингапуре и Гонконге.

Если сравнить все новые индустриальные страны, то можно выявить различия на фоне удивительного экономического роста, достигнутого в странах Восточной Азии. Опыт этого региона свидетельствует о том, что успех государств в региональной социально-экономической политике зависит от «встроенной автономии», в которой внедрение «государство развития» основывается на тесном взаимодействии с частным сектором, но при этом сохраняя достаточную дистанцию

СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ...

для пересмотра целеполагания, когда интересы капитала несовместимы с национальными.

В тех странах Восточной Азии, которые поздно стали на рельсы индустриализации, государство само брало на себя функции развития промышленной сферы и продвижения продукции. Данный факт позволяет выявить в рамках региональной социально-экономической политики два противоположных вида отношений между бизнесом и правительством: ориентация на регулирование (нормативное) и ориентация на развитие (табл. 1.).

Таблица 1

Роль государственной региональной политики в частной экономической деятельности

	Регулирование	Развитие
Управление	Органы государственного регулирования	Непосредственное вмешательство в экономику
Цель	Обеспечить соблюдение различных стандартов для защиты общества от сбоев рыночного механизма, в т.ч. монопольного ценообразования путем предоставления коллективных благ	Содействовать росту новых отраслей промышленности и сократить диспропорции, вызванные сдвигами в инвестициях и прибыли от старых к новым отраслям
Результат	Как правило, невозможность проведения промышленной политики	Возможность проведения промышленной политики
Страны	Австралия, Великобритания, Бразилия, США.	Япония, страны Восточной Азии, некоторые страны Южной Африки и Латинской Америки.

Источник: составлено автором на основе [3].

Преобладание нормативной ориентации можно видеть на примере США, а противоположное – в Японии, представляющее собой государство–первообраз с явной ориентацией на развитие. Промышленное развитие Японии было достигнуто благодаря роли руководства этого государства в процессе модернизации» [4, с. 4].

Можно утверждать, что развитие Восточной Азии в контексте «государства развития» выступает следствием особого типа национализма, возникшего в результате войны и империализма, создав тем самым условия для внедрения региональной социально-экономической политики Японии, Южной Кореи и Тайваня [5, с.21].

Переход Японии к модели «государство развития», можно рассматривать в качестве способа обеспечения национального выживания: в течение большей части XX века экономическое развитие было средством преодоления депрессии, подготовки к войне, военных действий, послевоенного восстановления и борьбе за независимость от США. Поэтому национализм был реальностью, рожденной борьбой с более сильной внешней силой.

Таким образом, то, что изначально было национализмом военного времени, трансформировалось в экономический национализм, стремившийся догнать и

сравниваться с Западом и США. Это придавало законность целям политики государства и усилиям по их реализации.

Один из наиболее спорных вопросов в концепции модели «государства развития» сосредоточен на той роли, которую государство должно играть в развитии страны. Так, Чалмерс Джонсон утверждал, что правительство в данном случае не несет исключительной ответственности за экономические достижения Японии и не выполняет обязанности государства в командной экономике [3, с. 34]. Следуя этому пониманию, представляется очевидным утверждать возможность государства свободно планировать экономику с учетом соблюдения долгосрочных национальных интересов, не заикливаясь в своей деятельности решением краткосрочных или узконаправленных стремлений корпораций или работников.

Данное открытие столкнулось с жесткой критикой со стороны приверженцев англо-американской теории, предполагавшей только два варианта процветания государства: учет интересов частного бизнеса или рабочих. На их взгляд, японское правительство либо проводило идеальную ценовую политику, привлекая больше денег в государственный бюджет, либо подразумевало социалистическое распределение ресурсов. Ошибка критиков такого открытия заключалась в том, что они не учитывали сочетания двух составляющих политики страны – сильное социальное государство и его рыночная ориентация.

Таким образом, в понимании модели «государство развития» ведущее место принадлежит представлению о правительстве и его роли, так как оно характеризуется целостной координацией и компетентностью для реализации всех планов в сфере социально-экономического развития страны. Реальная роль государства заключается в умении координировать экономическое управление, осуществлять целесообразную и выгодную для всего общества организацию долговременной политики.

Слово «государство» в данной модели является спорным не только в его восприятии, но и в качественном содержании. В рамках модели оно предполагает смешение полномочий законодательных, исполнительных и судебных властей совместно с бюрократическим аппаратом министерств. В этом случае государственные границы влияния на экономическое развитие являются неясными и расплывчатыми, поэтому противники данного подхода ссылались на то, что государство не всегда представляет единое образование, и, как следствие, взаимодействие с обществом может влиять на функционирование различных его частей. В то же время бюрократический аппарат взаимодействует между собой внутри государства.

Однако в странах Восточной Азии «встроенная автономия» всех общественно-политических субъектов совмещает бюрократическую изоляцию с тесным взаимодействием с социально-экономическим окружением. Автономия государства заложена в конкретный набор социальных связей, которые жестко связывают государство с обществом и отдельными социальными группами, обеспечивая институционализированные каналы для постоянной совместной корректировки и преобразования целеполагания. Также здесь еще одним важным элементом является роль государства как партнера частного сектора в национальной промышленной

трансформации, где государству отведена роль катализатора, а руководители предприятий реагируют на стимулы и препятствия, которые создает государство.

Вместе с этим экономический курс страны реализуется независимо от интересов таких внешних игроков, как частные бизнес-компании. Государство, игнорирующее интересы внешних игроков и проводящее свою стратегическую политику, как, правило, является сильным и централизованным. Оно получает не только административные рычаги, но и политические ресурсы для реализации инициатив в области развития. Помимо упомянутых инструментов власти государство получает социальную поддержку, которая лишь подтверждает статус могущественного субъекта. В этих условиях политический курс направлен на сохранение национальных отраслей и защиту их от иностранной конкуренции.

В рамках этого государство ставит социально-экономическое развитие в качестве главного приоритета государственной региональной политики и способно разрабатывать эффективные инструменты для продвижения данной цели. «Государство развития» как модель региональной политики определяет способность страны сбалансировать стратегические связи с различными общественными силами при относительном невмешательстве в их политическую независимость. Этот важнейший аспект позволяет государству диктовать направление экономики, которое зачастую приравнивается к направлению процесса развития.

Несмотря на это, никакого конфликта интересов не существует, поскольку экономическое развитие является единственным приоритетом всего общества и правительства. Главными недостатками в модели «государства развития» остаются противоречивые общественно-деловые отношения как на внутреннем, так и на внешнем рынке. При такой системе правления возможно процветание бюрократии и коррупционных схем, однако это не оказывает сдерживающего воздействия на развитие экономик, так как с негативными проявлениями идет жестокая борьба.

ВЫВОДЫ

«Государство развития» относится к синтезу очень специфических аспектов каждой восточноазиатской страны отдельно и сводится в идеальный тип правительственной структуры вместе с местными реалиями и культурными ценностями.

Отметим, что «государство развития» находится между моделью рыночной экономики и административно-командной, однако не относится ни к одной из данных теоретических основ. В то же время «государство развития» нельзя отнести и к смешанному типу.

Во-первых, данная модель приобрела не единичный вариант распространения, она имеет определенные неизменные базовые характеристики, а также может трансформироваться, не теряя их.

Во-вторых, ей присущи новые черты, которые образовались и до сих пор имеют развитие с возможностью усовершенствования модели в целом.

В сущности, «государство развития» является исключительным представлением о правительстве, так как оно характеризуется целостной координацией и

компетентностью для реализации всех планов в экономическом развитии, что подтверждается реальным наличием у государства, умения устанавливать скоординированное экономическое управление, целесообразную и рентабельную организацию с возможностью усиления долговременной экономической политики.

Таким образом, практическое применение этой модели состоит в обоснованном государственном вмешательстве наряду с автономной и укоренившейся бюрократией, ориентированной на рост правительственного курса.

Вместе с этим присутствует взаимодействие и позитивная конкуренция между государственным и частным сектором, что находит свое положительное отражение в достижении четко определенной цели – обеспечении национального развития.

В региональной социально-экономической политике стран Восточной Азии огромную роль играет правительство, которое в рамках модели «государство развития» вырабатывает и обеспечивает реализацию определенной национальной политической позиции, направленной на экономический рост, быструю индустриализацию и технологический прогресс, что усиливается эффектом времени.

Список литературы

1. Лимонов Л. Э. Региональная экономика и пространственное развитие. М.: Издательство Юрайт, 2015. Т. 1. С. 381.
2. Routley L. Developmental States: a Review of the Literature // Working paper. 2012. Vol. 3. P. 36.
3. Chalmers J. MITI and the Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975. Stanford, CA: Stanford University Press, 1982. P. 393.
4. Shigehisa K. The Asian Developmental State and the Flying Geese Paradigm // UNCTAD Discussion papers. 2013. Vol. 11. P. 36.
5. Woo-Cumings M. The Developmental State. New York: Cornell, Cornell University Press, 1999. P.353.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 336.01

ОВЕРСАЙТ ПЛАТЕЖНЫХ СИСТЕМ: ИСТОРИЯ, СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

Курьянова И. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: iem-strateg@yandex.ru

В статье автором проведено исследование теоретико-методологических основ важнейшей для центральных банков деятельности – оверсайта платежных систем. Раскрыты предпосылки возникновения оверсайта платежных систем, изучены методические подходы к определению сущности оверсайта платежных систем и основных направлений его реализации, уточнены его цель, объекты, субъекты, основные инструменты, разграничены с регулировкой платежных систем, а также банковским надзором и финансовым мониторингом. В качестве предложений рассматривается «совместный оверсайт платежных систем» в сообществе с другими государствами для поддержания финансовой стабильности в мире.

Ключевые слова: оверсайт платежных систем, платежные системы, центральные банки.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении долгого времени многие ученые и специалисты рассматривали платежную систему исключительно как техническую инфраструктуру, обеспечивающую движение средств, и относили ее к компетенции специалистов в сфере компьютерной деятельности. Стремительное развитие платежных систем, информационно-коммуникационных технологий, необходимость поддержания финансовой стабильности в новых условиях приводит к признанию платежных систем неотъемлемой составной части финансово-кредитной системы государства, и, как следствие, большинство центральных банков мира берут на себя ответственность за обеспечение надежности, непрерывности и эффективности деятельности платежных систем путем их оверсайта (надзора, регулирования и контроля). Кроме того, последние разработки единых стандартов в области осуществления платежей, клиринга и расчетов требует от центральных банков, с одной стороны, унификации требований к платежным системам, а с другой – уникального подхода к оверсайту платежных систем с учетом особенностей национальной платежной системы.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

С начала 80-х годов XX века центральными банками многих стран мира постепенно происходит переосмысление роли платежной системы как чисто технической инфраструктуры в силу того, что платежные системы обеспечивают стабильность банковского и финансового рынков, эффективность реализации денежно-кредитной политики, бесперебойность, качество и эффективность перевода денежных средств между субъектами хозяйствования, а поддержание надежной деятельности платежных систем становится именно обязанностью регуляторов.

Так, в 1980 году руководители центральных банков Группы десяти (G10) создали Группу экспертов по платежным системам с целью проработки проблемных вопросов в функционировании платежных систем. В 1989 году председательствующие в G10 учредили специальный Комитет по межбанковским схемам неттинга (Committee on Interbank Netting Schemes) для более детального изучения проблем, касающихся трансграничных и мультивалютных схем межбанковского неттинга. В 1990 году был представлен отчет руководителя Комитета по межбанковским схемам неттинга G10 Александра Ламфалусси [1], в котором были проанализированы факторы, влияющие на деятельность платежных систем, сформулированы минимальные стандарты структуры и функционирования и определены принципы «общего оверсайта» («cooperative oversight») платежных систем центральными банками разных стран [2]. По нашему мнению, Отчет Ламфалусси можно считать отправной точкой появления, исследования и развития оверсайта платежных систем как одного из направлений деятельности центрального банка. Необходимость усиления внимания регуляторов к платежным системам, отмеченная А. Ламфалусси, была подтверждена созданием в 1990 г. органа, подотчетного G10 – Комитета по платежным и расчетным системам (Committee on payment and settlement systems) [3].

В дальнейшем роль центрального банка в сфере платежных систем исследуют Б. Саммерс и Е. Спиндлер и в своих работах используют термин «надзор» («supervision») [4]. Р. Листерфилд и Ф. Монтерегро в 1994 г. ввели в оборот определение «оверсайт платежных систем» и рассмотрели его как распределение организационных обязанностей и расходов по обеспечению деятельности платежной системы между государством и банками» [5], что позже, по нашему мнению, будет способствовать определению необходимости осуществления оверсайта платежных систем, созданных как коммерческими организациями, так и центральными банками.

В 1999 году Всемирным банком совместно с Центром латиноамериканских исследований по монетарной политике (CEMLA) основана Инициатива Западного полушария в области платежных систем и расчетов по ценным бумагам. Основными результатами в рамках указанной инициативы стали работы М. Церасимо и Б. Боссона [6], которые исследовали, в частности, необходимость осуществления оверсайта платежных систем, а также определили цели, инструменты, объекты и собственно необходимость его осуществления.

Сегодня понятие «оверсайт» («oversight») широко используется международными организациями и центральными банками мира для обозначения деятельности по обеспечению надежного и эффективного функционирования платежных систем, систем расчетов по сделкам с ценными бумагами, центральных депозитариев, а также в отношении таких новых инфраструктурных организаций финансового рынка, как центральные контрагенты и торговые репозитории, которые еще не получили распространения в Российской Федерации.

В основу оверсайта платежных систем, а в сущности, в принципы оверсайта, закладывается обязанность центрального банка по надзору за платежными системами на основе первых международных стандартов для платежных систем, заложенных в «Ключевых принципах для системно важных платежных систем». В данном документе оверсайт платежных систем был определен как «государственная политика,

направленная на обеспечение надежности и эффективности платежных систем, особенно с целью снижения системного риска» [8]. Впервые были установлены международные стандарты деятельности платежных систем, касающиеся правовых вопросов, управления финансовыми рисками, защиты и операционной надежности, эффективности деятельности, участия в платежной системе и управления.

Фундаментальные основы оверсайта были развиты в документе «Оверсайт платежных систем центральным банком» [9], в котором определены принципы эффективного оверсайта платежных систем, объекты оверсайта, ответственность центральных банков по оверсайту, а также получили дальнейшее развитие основы и принципы совместного оверсайта платежных систем центральными банками. В данном документе «оверсайт платежных систем» был определен как «функция центрального банка, целью которой является обеспечение устойчивости и эффективности, путем мониторинга существующих и планируемых систем, их оценки и в случае необходимости, инициирование изменений» [9]. Указанное определение оверсайта платежных систем, введенное Банком международных расчетов, широко используют отечественные и зарубежные ученые, и на сегодняшний день его можно считать традиционным и общепринятым.

Отметим, что сегодня все большее внимание уделяется платежным системам и, в частности, их оверсайту такими международными организациями, как Банк международных расчетов, Международный валютный фонд и Всемирный банк, определяющий оверсайт платежных систем одним из инновационных направлений исследований [10]. В частности, специалистами Международного валютного фонда значительное внимание уделяется исследованиям влияния платежных систем на монетарную политику, роли центрального банка в платежной системе, особенностям деятельности платежных систем и их оверсайта в разных странах мира, а также соблюдению платежными системами международных стандартов.

Традиционные подходы к определению основных направлений деятельности оверсайта платежных систем многими учеными [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17] рассматривались с позиции:

- мониторинга платежных систем;
- оценивания платежных систем;
- инициирования изменений в платежных системах.

На основе изученной литературы обобщим ключевые принципы эффективного оверсайта платежных систем:

- прозрачность и открытость политики центрального банка в сфере оверсайта платежных систем, в частности, четко определенной цели, порядка выполнения центральным банком своих обязанностей, требований к платежным системам и т. п.;
- принятие международных стандартов оверсайта, касающихся эффективной и непрерывной деятельности платежных систем, разработанных на коллективном опыте многих центральных банков мира;
- наличие действенных полномочий и возможностей для эффективного выполнения своих обязанностей в сфере оверсайта платежных систем;
- последовательность применения стандартов в сопоставимых платежных системах, в том числе, созданных центральным банком;

- сотрудничество при осуществлении оверсайта платежных систем с другими центральными банками и компетентными органами.

Таким образом, оверсайт платежных систем неизменно связан с регулированием платежных систем и сочетает в себе элементы наблюдения (во время мониторинга платежных систем происходит сбор и анализ информации), контроля и надзора (во время приведения деятельности платежных систем в соответствие с международными стандартами).

Исследуя сущность оверсайта, необходимо учитывать то, что платежная система, как и любая другая система, является сложным образованием, в состав которой входят различные взаимосвязанные элементы. И если объектом оверсайта является платежная система как единое целое, то отдельные вопросы деятельности элементов и составляющих платежной систем, а также самой платежной системы могут подпадать в сферу компетенции других надзорных и контролирующих органов.

В связи с тем, что деятельность платежных систем так или иначе связана с деятельностью банковской системы, успешное осуществление оверсайта платежных систем непосредственно связано с банковским надзором и имеет при этом свои особенности и отличия.

Во время банковского надзора объектом является банк как отдельное юридическое лицо, тогда как при оверсайте платежных систем в качестве объекта банк рассматривается именно как элемент платежной системы. Поэтому при осуществлении оверсайта отсутствует необходимость, например, глубокого анализа финансового состояния банка, выполнения им установленных нормативов, поскольку эта информация уже получается при банковском надзоре. В то же время банковский надзор и оверсайт платежных систем являются связанными процессами. Если банковский надзор традиционно предусматривает применение директивных и экономических инструментов, то оверсайт платежных систем направлен больше на совершенствование деятельности платежных систем путем преимущественно рекомендательно-декларативного воздействия. Кроме этого, на международном уровне оверсайт платежных систем и банковский надзор регулируются различными комитетами Банка международных расчетов и соответствующими международными документами.

Поскольку платежные системы могут быть использованы как канал передачи средств для отмывания денег и финансирования терроризма, платежные системы также являются объектом финансового мониторинга в части предотвращения использования платежных систем для отмывания денег и финансирования терроризма. Так, в соответствии с рекомендациями Группы по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием средств (FATF), страны должны принимать меры для выявления подозрительных операций, физических или юридических лиц, оказывающих услуги по переводу денежных средств без лицензии или регистрации, и применять к ним соответствующие санкции [18]. Такие лица могут быть обнаружены, в том числе при оверсайте платежных систем, поэтому возникает необходимость привлечения к данному процессу специалистов в сфере финансового мониторинга, а также следственных, налоговых или других органов.

Как уже отмечалось выше, платежные системы Банком международных расчетов, Международным валютным фондом и Всемирным банком отнесены к

инфраструктурным организациям финансового рынка, играющим существенную роль для экономики страны, а потенциальные последствия нарушения их деятельности могут критически влиять на поддержание финансовой стабильности. Учитывая специфику деятельности платежных систем, нарушения в их деятельности могут негативно повлиять не только участников самой платежной системы и ее пользователей, но и на других экономических субъектов, привести к возникновению системного риска и даже к финансовому кризису. А учитывая высокий уровень интеграции платежных систем в мире, нарушение деятельности одной платежной системы может оказать негативное влияние на финансовую стабильность множества стран.

Таким образом, безопасность и эффективность платежных систем играет важную роль для финансовой стабильности, и с целью ее поддержания важно обеспечить способность платежных систем противостоять экономическим потрясениям. Во время финансовых кризисов последних лет платежные системы были вынуждены осуществлять деятельность в непредсказуемых, даже экстремальных условиях, что позволило, тем не менее, извлечь важные уроки для повышения качества управления рисками. Это способствовало пересмотру в рамках инициативы Совета по финансовой стабильности, направленной на укрепление инфраструктуры и рынков, действующей в рамках международных стандартов. Осуществление оверсайта платежных систем с целью поддержания безопасности и эффективности их деятельности было определено одним из обязанностей и функций центральных банков по всему миру. Исследователями Комитета по платежам и рыночных инфраструктур Банка международных расчетов и Технического комитета Международной организации комиссий по ценным бумагам определено пять обязанностей центральных банков к регулированию и надзору инфраструктурных организаций финансового рынка, в том числе платежных систем:

- осуществление регулирования и оверсайта платежных систем, четкое определение и публичное раскрытие критериев, используемых для определения объектов, подлежащих оверсайту;
- наличие у центрального банка полномочий и достаточных ресурсов для выполнения обязанностей по обеспечению безопасности и эффективности платежных систем, а также организационной структуры, позволяющей эффективно их использовать;
- четкое определение и публичное освещение политики в сфере регулирования и оверсайта;
- внедрение и применение международных стандартов оверсайта к платежным системам;
- сотрудничество с другими органами как на национальном, так и на международном уровнях с целью повышения безопасности и эффективности их деятельности.

Отметим, что большинство из приведенных обязанностей являются принципиальными для достижения эффективности оверсайта платежных систем. Также в документе определены три основных инструмента оверсайта: сбор информации; анализ собранной информации и активные действия центрального банка по мониторингу платежных систем, заключающиеся в публикации информации, инициировании изменений в деятельности платежных систем и предоставлении расчетных услуг, заключении договорных отношений с платежными организациями.

Данные рекомендации соблюдаются и Российской Федерацией, о чем свидетельствует принятое в 2012 году положение Банка России «О порядке осуществления наблюдения в национальной платёжной системе» [19], в котором, в частности, определяется, что на основе полученной и проанализированной информации Центральный банк определяет показатели, по которым он относит платёжную систему к той или иной категории важности. Осуществляя анализ таких показателей, как количество участников платёжной системы, объем и виды операций, выполненные в платёжной системе, и их долю в общем объеме операций в разрезе видов операций, обработанных в стране системами соответствующего вида за установленный период, регулятор может определять важность отдельной платёжной системы для экономики в целом и вероятность распространения системных рисков в экономике и негативных социальных последствий в случае нарушений ее функционирования. Анализ доли операций отдельных участников в общем объеме операций, выполняемых в платёжной системе, и объемов и видов операций, обработанных в платёжной системе с участием операторов услуг платёжной инфраструктуры, позволит и центральному банку, и платёжной организации этой платёжной системы выявлять критически важных участников платёжной системы, а также операторов услуг платёжной инфраструктуры, от которых существенно зависит деятельность платёжной системы. То есть можно сказать, что в процессе оверсайта платёжных систем Банк России осуществляет оценку потенциального распространения негативного влияния в случае нарушения деятельности отдельных платёжных систем, на других экономических субъектов и экономику в целом, а также анализирует факторы, которые могут привести к нарушениям деятельности платёжных систем. Следовательно, оверсайт платёжных систем необходим не только для лучшего понимания работы основных платёжных систем и определения их влияния на финансовую систему, но и для дальнейшего обеспечения эффективного управления рисками в платёжных системах, в частности, системных рисков, а также негативных социальных последствий на государственном или даже международном уровне.

ВЫВОДЫ

В связи с глобализацией финансовых рынков, появлением значительного количества инфраструктурных организаций финансового рынка, в частности, платёжных систем, осуществляющих трансграничную деятельность, и расширением объектов оверсайта для поддержания финансовой стабильности возникает необходимость координации функций по оверсайту таких объектов между центральными банками разных стран. Со временем будет невозможно регулировать и осуществлять надзор за деятельностью платёжных систем только на национальном уровне, поскольку в условиях цифровизации экономики границы становятся размытыми, и они постепенно переходят на международный уровень.

Учитывая новизну, сложность и незавершенность исследований в области оверсайта платёжных систем, дальнейшего глубокого изучения требуют вопросы «совместного оверсайта», т. е. деятельности, осуществляемой центральным банком по оверсайту международных платёжных систем в тесном взаимодействии с центральными

банками других государств, и заслуживают стать темой для отдельного научного исследования.

Список литературы

1. Report of the Committee on Interbank Netting Schemes of the Central Banks of the Group of Ten countries (Lamfalussy Report) // Bank for International Settlements. 1990. P. 41.
2. Тамаров П. А. Вопросы обеспечения бесперебойности функционирования и управления рисками платежных систем // Деньги и кредит. 2012. № 4. С. 16–22.
3. About the CPMI // Bank for International Settlements [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bis.org/cpmi/info.htm?m=3%7C16%7C29>.
4. Summers B. J. The Payment System: Design, Management, and Supervision, 1998.
5. Listfield R., Montes-Neeret F. Modernizing Payment Systems in Emerging Economies // Policy Research Working Paper. 1994. № 1336. P. 48.
6. Bossone B., Cirasino M. The Oversight of the Payments Systems: A Framework for the Development and Governance of Payment Systems in Emerging Economies // CEMLA, The World Bank. 2001. P. 69.
7. Core principles for systemically important payment systems // Bank for International Settlements The Committee on Payment and Settlement Systems. 2001. P. 92.
8. Central bank oversight of payment and settlement systems // Bank for International Settlements The Committee on Payment and Settlement Systems. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/publ/cpss68.pdf>
9. Payments and Securities Settlement Systems Activities // The World Bank: official web-site [Электронный ресурс]. URL: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/TOPICS/EXTFINANCIALSECTOR/0contentMDK:22114364~menuPK:6110491~pagePK:210058~piPK:210062~theSitePK:282885~isCURL:Y~isCURL:Y,00.html>.
10. Kakkola T. The payment system Payments, securities and derivatives, and the role of the Eurosystem, 2010. 369 p.
11. Мельниченко О. В. Аудит систем электронных денег на основе интегрированной отчетности банков // Бизнес Информ. 2013. № 12. С. 301–305.
12. Пантелеева Н. Н. Формирование и регулирование национальных платежных систем // Банковская система: устойчивость и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции по вопросам банковской экономики, УО «Полесский государственный университет», 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/611/1/35.pdf>.
13. Савинская Н. А., Белоглазова Г. Н. Национальная платежная система России: проблемы и перспективы развития. СПб.: СПбГУЭФ, 2011. 131 с.
14. Мазина Ю. Ю. Надзор за платежными системами (на примере частных платежных систем): автореф. дис. к. эк. наук: 08.00.10 / ИГХТУ. Иваново, 2002. 22 с.
15. Тамаров П. А. О роли кредитной организации в платежной системе // Банковское дело. 2012. № 8. С. 50–59.
16. Байдукова Н. В., Чепиков Д. А. Регулирование финансовых сервисов // Известия СПбГУЭУ. 2018. № 1 (109) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-finansovyh-servisov>.
17. Рекомендации FATF: Международные стандарты по противодействию отмыванию доходов и финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения [Электронный ресурс]. URL: http://www.sdfm.gov.ua/content/file/site_docs/2012/22.03.2012/1.pdf.
18. О порядке осуществления наблюдения в национальной платёжной системе: Положение Банка России от 31 мая 2012 года № 380-П (ред. от 18.01.2016) // Банк России [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131389/.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 331.1

AGILE И НАУЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ГИБКИХ МЕТОДОВ В РОССИИ

Лозгачева Т. М.¹, Табекина О. А.¹, Федотова О. В.²

¹ *Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Российская Федерация*

² *Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, Нижний Новгород, Российская Федерация*

E-mail: myrejik@yandex.ru

В статье изложены результаты сравнительного анализа научной организации труда и гибкого подхода Agile. Авторы отмечают сходство данных подходов и преемственность гибких технологий NOT. На примерах внедрения Agile в российских компаниях показана заинтересованность российского бизнеса в применении гибких методов и подходов к управлению, в том числе к бережливому производству как одному из методов семейства Agile.

Ключевые слова: научная организация труда, гибкие методы управления, Agile, бережливое производство, lean-технологии.

ВВЕДЕНИЕ

Активные поиски методов повышения производительности труда в последнее пятилетие, объявленные государственной задачей, как способа роста конкурентоспособности экономики страны в целом, и конкурентоспособности отдельных компаний в частности, в условиях жесткой конкуренции требуют переосмысления процессов на каждом рабочем месте в рамках системы организации производства продукции или оказания услуг.

Российские компании, занимающиеся поиском методов повышения производительности труда с целью роста своей конкурентоспособности, в условиях, когда необходима достаточно быстрая адаптация к происходящим изменениям, начинают внедрять в бизнес–практику так называемые «гибкие» методы и подходы к управлению, которые объединены под общим названием Agile. Например, Scrum, Kanban, Nexus, LeSS и прочие.

Компания Scrumtrek опубликовала ежегодное «Исследование Agile в России 2018» [1]. В рамках данного исследования приняли участие 1228 человек из более чем 80 российских городов, хотя лидерами по количеству опрошенных являются Москва и Санкт–Петербург (68 %). Среди респондентов были как представители крупного (51 %) и среднего (32 %) бизнеса, так и малого (17 %). Большинство опрошенных (54 %) задействованы в разработке программного обеспечения и, следовательно, относятся к ИТ–области применения Agile, предоставлением услуг занимаются 35 % опрошенных, 1,7 % участников создают новые продукты, не связанные ни с ИТ, ни с материальным производством, а еще 1 % изменяют процессы внутри компании. Приведенные данные показывают, что у подхода Agile растет число сторонников: в сравнении с предыдущими годами расширилась география компаний, внедряющих или экспериментирующих с методами Agile, а также

отраслевая принадлежность предприятий. Кроме того, интерес к Agile проявляют не только представители крупного бизнеса, но и малого.

Agile в России еще достаточно молод. Самый длительный срок применения практик Agile в российских компаниях – 10 лет (такой ответ дали менее 5 % опрошенных). Наибольший процент приходится на респондентов из компаний, которые применяют методы Agile в течение 1–3 лет.

Наиболее распространенным методом гибкого подхода, практикуемым компаниями, является Scrum – 45 %, собственные комбинации методов внедряют 28 % респондентов, Scrumbun применяют менее 10 % респондентов, Kanban как вариант внедрения в процесс управления интересен 10 % респондентов.

В первую очередь от внедрения Agile компании ожидают ускорения поставок и выхода продуктов на рынок, но достичь данной цели смогли пока лишь 66 % респондентов. Здесь сказывается отсутствие Agile-опыта. Тем не менее, компании, внедрившие практики Agile, отмечают, что у них «улучшилась прозрачность ведения проектов» и «стали лучше управлять меняющимися приоритетами» (более 70 % респондентов). Кроме того, у более 50 % опрошенных «повысилась мотивация команд», «увеличилась производительность» и «повысилась предсказуемость поставок». Около 40 % респондентов отмечают повышение качества продукции и улучшение инженерной культуры.

Конечно, процесс внедрения Agile в компаниях не обходится без трудностей. Анализ, представленный компанией Scrumtrek с точки зрения проблем внедрения гибких методов, отмечает недостаток Agile-опыта, низкую корпоративную культуру и слабое командообразование, подчеркивая возможность получения положительных результатов от длительности внедрения Agile не менее трех лет и заинтересованности топ-менеджмента в преобразованиях [1].

Таким образом, практики российского бизнеса стремятся найти методы, позволяющие им решать проблемы повышения производительности труда, прибегая к зарубежному опыту, полностью игнорируя опыт национальный.

В рамках данной статьи авторы проведут сравнительный анализ внедряемого предприятиями зарубежного подхода Agile и давно устоявшейся, отработанной, но забытой советской системы научной организации труда. При проведении анализа будут использованы несколько признаков: количество публикаций; структурный анализ по методам реализации и отраслям применения. Кроме того, авторы уделят внимание развитию lean-направления Agile в России на современном этапе хозяйствования.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

1. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОЛИЧЕСТВА ПУБЛИКАЦИЙ

Авторами был проанализирован список публикаций по темам «Agile» и «Научная организация труда» в научной электронной библиотеке elibrary.ru по состоянию на январь 2019 года. Так, по тематике Agile поисковая система выдает почти 14,5 тысяч публикаций, однако их анализ показывает, что российских публикаций среди них менее 200, причем основная масса приходится на 2017 и 2018

годы. Данный факт говорит о растущем интересе к указанному подходу в научной среде, при этом большая часть статей посвящена прикладному характеру Agile.

По тематике научной организации труда (далее – НОТ) количество публикаций несоизмеримо больше – почти 944 тысячи работ, с преобладанием отечественных авторов, однако наблюдается снижение активности публикаций к 2015–2016 годам.

Между периодами начала практического применения данных подходов почти полвека, и это, безусловно, накладывает существенный отпечаток на количество публикаций и при первичном анализе не дает основания говорить о приоритетности одного подхода перед другим. Однако повсеместный интерес к данным подходам за последние четыре года указывает на некую связь между ними, которая будет описана ниже.

2. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПО МЕТОДАМ РЕАЛИЗАЦИИ

Для проведения структурного анализа рассмотрим факт образования двух данных подходов: НОТ возник в начале 20-х годов XX века и был определен О. А. Ерманским в 1918 году; Agile возник в начале 2000-х годов и определен через манифест в виде 4 идей и 12 принципов в 2001 году. Фактическая реализация НОТ начинается только в послевоенный период. Таким образом, разрыв между периодами начала практической реализации рассматриваемых подходов составляет пятьдесят лет.

Развитие НОТ активно происходило в СССР вплоть до 80-х годов XX века. Применение принципов НОТ позволило осуществить преобразования в Японии к концу 20 века. Именно в данном подходе нашли отражение такие востребованные сегодня направления и инструменты как управление операциями (исследование операций), реинжиниринг бизнес-процессов, бережливое производство. Ключевым фактором внедрения НОТ в компании является рост экономической эффективности через качественное участие персонала в процессах.

Agile был предложен исключительно как подход к разработке ИТ-продуктов с группой математических методов и только с 2011 года начинает свое распространение в других отраслях через применение методов: Scrum, Kanban, бережливое производство (lean). Первоначально Agile не содержит никаких практических советов к реализации, а впоследствии использует уже зарекомендовавшие себя методы. Фактически данный подход переориентирует устоявшиеся методы управления процессами под свои требования на основе применения методов креативного мышления.

Формирование методов исследования осуществляется под воздействием экспериментальных данных и эвристических методов познания, последняя группа применяет методы креативного мышления. В книге Майкла Микалко «Игры для разума. Тренинг креативного мышления» приводится достаточно методов и техник с практическими примерами; особое место занимает метод «СКАМПЕР» с последующими практическими действиями, который напрямую показывает, как можно создавать новый метод из анализа старых.

Авторами для проведения структурного анализа подходов НОТ и Agile выбраны у каждого по три наиболее распространенных в применении метода. Первично

рассмотрим сущность каждого метода в рамках подхода, а затем представим сравнительный анализ, тем более что методы синхронизируются.

В целом НОТ направлена на эффективное использование ресурсов компании с целью минимизации затрат на производство продукции или оказания услуг на основе оптимальной организации работ на рабочем месте сотрудника. Метод управления операциями (также следует к нему отнести и метод исследования операций как инструмент применения) позволяет указать последовательность воздействий на ресурсы и их взаимосвязь на основе оптимального сочетания работ для получения готовой продукции. Реинжиниринг бизнес-процессов как метод направлен на перепроектирование существующих процессов работы на каждом рабочем месте на прогрессивные для достижения эффективных показателей деятельности компании в целом. Бережливое производство нацелено на постоянное устранение потерь на каждом рабочем месте, в процессе производства, в системе управления компании через внедрение современных методов и технологий производства и управления.

Суть Agile заключается в гибкой разработке продукта под заказчика при активной его вовлеченности в самоорганизующуюся команду. Данное явление очень напоминает такой стиль управления, как эдхократия, в котором достижение результата является продуктом свободной вовлеченности высококвалифицированных сотрудников для решения уникальных задач. Метод Scrum нацелен на постоянное отслеживание выполнения задач и выявление проблем, возникших на пути их реализации. Kanban или метод «точно в срок» формирует систему выполнения задач на каждом рабочем месте в соответствии с установленной последовательностью и сроками. Метод бережливого производства абсолютно идентичен.

Сравнивая методы НОТ и Agile, не остается сомнения в том, что мы говорим об интерпретации реализации методов НОТ, а не создании новых. Более того, глубокое изучение Agile позволяет констатировать применение креативного мышления как основного способа адаптации известных инструментов, методов и формирования различных сочетаний приемов со стилями управления. Кроме того, приходит понимание, что на Agile оказывает влияние глобализация с точки зрения национального ромба, который в настоящее время рассматривается исключительно с позиции приумножения или забвения прошлого национального опыта вне зависимости от страны.

Данная точка зрения авторов статьи не единична. Так, в работе В. И. Плещенко «К вопросу о функционировании прототипов адаптивной модели Agile в промышленности СССР», дается развернутый и аргументированный ответ по преемственности хозяйственных практик. По мнению автора, возникновение и применение на практике схожих концепций вызвано не только постоянно происходящим информационным обменом, но и логическим, системным единством социально-экономического пространства в рамках определенных технологических укладов. Иными словами, в схожей по степени технического развития среде могут зародиться близкие по духу формы и методы организации труда. В свою очередь, их повторение (в измененном виде) через некоторое время соответствует принципам диалектического материализма (закон отрицания отрицания) [2].

Следует отметить, что Agile начинает активно использоваться с момента обоснования модели Кеневина в 2011 году. Данная теория представляет интерес с точки зрения упорядочивания состояния развития системы и эффективности применения методов управления. Обратим внимание на два состояния системы в соответствии с моделью Кеневина: сложная упорядоченная система и комплексная сложная система. Упорядоченная система имеет явные причинно-следственные связи, но функционирование ее зависит от условий; в таких характеристиках эффективность системы достигается через применение метода управления проектами. Комплексная система не всегда проявляет причинно-следственные связи, хотя и имеет таковые, но решение задач обеспечивается высокой компетентностью единой команды; функционирование такой системы происходит через гибкие методы управления процессами в целом, от постановки задачи до персонала, где последний играет решающую роль.

Agile является не единственным гибким подходом, есть и другие гибкие методы управления персоналом (управление по целям на принципах SMART, сбалансированная система показателей на принципе партисипатизма) и управление производством (Kanban, JIT, TQM). Любой из указанных методов нацелен на достижение компанией конечного результата, а чаще системы конечных показателей, который, как правило, оформлен документально, подписан и передан для исполнения персоналу, то есть речь идет о системе планирования. Agile в двух идеях Манифеста подтверждает необходимость исчерпывающей документации и приверженности плану, что еще раз подчеркивает преимущество данного подхода не только через методы, но и через принятие концепции системного планирования.

Детальное изучение Agile показывает систему элементов «заказчик – персонал – техника – процесс», направленную на постоянное совершенствование бизнес-процессов на основе командоориентированности. Принятые в Манифесте принципы мало отличаются от принципов реинжиниринга бизнес-процессов:

- удовлетворенность клиента есть конкурентоспособность компании;
- постоянные коммуникации с заказчиком являются результатом проведения маркетинговых исследований потребителя;
- мотивированный персонал – основа проведения любых преобразований и залог их успеха;
- прогресс предопределяет любые изменения;
- темп изменений внешних участников определяет потребность в преобразованиях процессов;
- мастерство есть повышение квалификации персонала на постоянной основе;
- самоорганизованные команды формируются из компетентного персонала с высокой организованностью труда;
- постоянная адаптация носит стратегический характер и реализуется только при наличии высокой заинтересованности топ-менеджмента.

Таким образом, проведя структурный анализ по методам реализации, можно констатировать не только преимущество Agile научной организации труда, но и интерпретацию методов HOT под современные требования, переименование

инструментов при сохранении их сути и содержания, а также дублирование задач реинжиниринга бизнес–процессов в принципах гибкого подхода.

3. СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПО ОТРАСЛЯМ ПРИМЕНЕНИЯ

Теоретическое обоснование любого подхода без практического применения не имеет никакого значения, поэтому важно знать, предприятия каких отраслей внедряют Agile и имеются ли отраслевые особенности внедрения данного подхода.

Представитель компании IVI Князева Мария, scrum–мастер и лектор Открытого университета Сколково, определяет следующие области применения Agile: ИТ, банки и страховые компании, телеком- и интернет–компании, консалтинг, розничная торговля и общественное питание, тяжелая промышленность, маркетинг, СМИ и издательское дело, медицина.

Из отчета компании Scrumtrek «Исследование Agile в России 2018» добавим еще представителей таких отраслей, как энергетика/нефтегазовая отрасль, легкая и пищевая промышленность/потребительские товары, образование, госуслуги/государственная деятельность, транспорт/логистика, развлечения/туризм, строительство, приборостроение/электроника, здравоохранение/фармацевтика, проектирование/промышленный дизайн.

Консалтинговая компания OnAgile Consulting приводит конкретные примеры (чаще попытки, поскольку компании отказываются раскрывать данные о результатах) внедрения гибких методов («*» рядом с названием компании означает отсутствие статей о внедрении):

- информационные технологии – Аксера, @mail.ru, КРОК*;
- банковская сфера – Альфа–банк, Тинькофф Бизнес, Сбербанк Онлайн, ВТБ*, Банк «Санкт–Петербург»*, Хоум кредит*, Росбанк*, Ренесанс страхование*, Ак Барс Банк*, АТОН*;
- телекоммуникации – МТС, Ростелеком*, Yota*;
- интернет–компании – Ticketland, Туту.ру, TUI, Утконос*, Асна*;
- розничная торговля – сеть АЗС Газпромнефть*, X5 Retail group*;
- общественное питание – Додо пицца;
- промышленность – РУСАЛ и завод NPM Group;
- издательское дело – ЛитРес.

Таким образом, несмотря на то, что лидерами по внедрению Agile являются ИТ–компании, банки и компании финансовой сферы, в настоящее время растет число предприятий из других отраслей и сфер деятельности, которые экспериментируют с Agile локально или планируют начать внедрение в ближайшее время.

Заметим, что компании могут заявить о намерении внедрить гибкие методы, но по объективным или субъективным причинам такое внедрение становится для них невозможным. Обзор доступных источников, приведенный ниже, позволяет судить о тех причинах, которые делают процесс внедрения Agile в компаниях затруднительным или невозможным.

Директор по финансам ОК «Русал» Александра Бурико отмечает, что Agile – это не методика, а скорее философия, подход к работе. Поскольку задачей нашего проекта является разработка нового бизнес–процесса, эта концепция нам очень подошла: в команде за одним столом собраны представители всех подразделений–

участников процесса (Сбыт, Производство, Логистика и Финансы), которые вместе ищут решения, разрешают конфликты и движутся к достижению общей цели. Конечно, такой подход не всегда применим при реализации проектов. Есть сложные технические разработки, большие строительные проекты, когда без тщательной проработки плана, согласования в мельчайших деталях полной картины окончательного продукта/процесса невозможно приступить к его реализации. При этом Agile как философия должен стать элементом корпоративной культуры компании [3].

Об опыте перехода команды продукта Тинькофф Бизнес рассказал руководитель команды Антон Тарасенко. За два года существования продукта для предпринимателей и юридических лиц количество пользователей выросло до 300000 человек, а команда увеличилась с пяти человек до 200. Команды по специализациям в Тинькофф Бизнес поделили по продуктам и микросервисам. Каждая команда должна быть фулл-стэк, иметь один бэклог и одного заказчика. Вот как этот процесс прошел в Тинькофф: сначала поделили бэклог и код, затем разработчиков поделили по специализации, а потом создали команды по продуктам. Так, команде Тинькофф Бизнес удалось вернуться к первоначальному духу небольшого стартапа и решить проблемы с коммуникацией.

Один из самых интересных методов управления реализован в компании ЛитРес. В команде из 30 разработчиков нет формальных руководителей, а есть четыре менеджера-аналитика, которые отвечают за разные проекты перед заказчиками. Вся система работы в ЛитРес построена на виртуальной валюте – «грибах», условных единицах времени и сложности [4].

По словам управляющего партнера «Экопси консалтинг» Марка Розина, консультанты по Agile советуют крупным компаниям начинать внедрение новой системы управления с отдельных подразделений. По его словам, «Экопси консалтинг» чаще всего предлагает компаниям создавать отдельные островки Agile в организации и смотреть, что получилось. По мнению Розина, для России это самый действенный метод. Основная проблема с Agile – не найти правильных тренеров и консультантов, а суметь применить полученные знания на практике. Прослушав тренинг и поговорив с консультантами, менеджеры возвращаются в компанию и продолжают управлять по-прежнему. Культура большинства российских компаний не созрела для внедрения методов управления Agile. Потребуется десятки лет, чтобы крупные российские компании отказались от иерархии, сократили дистанцию между подчиненными и начальниками, начали прислушиваться к простым сотрудникам и доверять им [5].

Обзор практики внедрения гибких методов свидетельствует о существенных проблемах по применению их в компаниях, и первостепенной проблемой является противостояние персонала преобразованиям на всех уровнях управления.

По мнению всех опрошенных РБК экспертов, если компания следует моде, не слишком хорошо понимая, чего она хочет в итоге достигнуть, внедрение Agile обернется пустой тратой денег. И это недешевая ошибка. В среднем на начальный этап трансформации компании тратят около 10 млн руб. Многие признаются, что на протяжении первых месяцев Agile-трансформации в компаниях царит неразбериха.

По мнению руководителя российской компании – разработчика игр RPF Анти Данилевского, сотрудникам, которые так не работали раньше, это непривычно и дискомфортно. Кто-то считает, что это трата ценного рабочего времени, и воспринимает негативно. По наблюдениям Хренкова, рядовые сотрудники принимают перемены легче, а вот менеджеры, как правило, недовольны – ведь они теряют возможность использовать сотрудников для решения своих задач. В практике Лобасева были примеры, когда сопротивление менеджеров было столь сильным, что компаниям приходилось выбирать: либо сворачивать реформы, либо увольнять сопротивляющихся. Гендиректор IT-компании Ассера Анатолий Шеин отмечает следующий парадокс: Agile в большинстве компаний внедряется по каскадной методологии. То есть руководитель приказал, отделы потратили деньги и отчитались об успешно проведенной Agile-трансформации. И это показывает, насколько практика все еще далека от теории [6].

Таким образом, проведенный структурный анализ по отраслям внедрения гибких методов показывает на данный момент малую практику их внедрения с тенденцией к расширению списка отраслей и росту числа предприятий, нацеленность на создание новых конкурентных преимуществ производимой продукции и оптимизацию бизнес-процессов компании при активизации командообразования.

Необходимо отметить, что отраслевые особенности применения НОТ в статье не рассмотрены. Результаты изучения данного вопроса авторы посвятят отдельную статью.

4. РАЗВИТИЕ LEAN-НАПРАВЛЕНИЯ AGILE В РОССИИ

Остановимся подробнее на концепции Lean production, которая относится как к научной организации труда, так и к семейству Agile.

Lean production или бережливое производство получило широкое распространение в разных странах по всему миру, в том числе и в современной России. Официальная современная практика реализации бережливого производства в России началась в г. Екатеринбурге с Первого Российского Lean-Форума в 2006 году.

Существуют различные взгляды, что такое «бережливое производство»:

Бережливое производство определяется как управленческая философия, в основе которой лежат потребности и ожидания потребителей, мотивация персонала и оптимизация бизнес-процессов предприятия.

Бережливое производство представляется как отдельное направление в менеджменте, в котором за счет высокого качества и малой себестоимости, а также точно определенного количества продукции, необходимой заказчику, обеспечивается конкурентоспособность самого предприятия.

Бережливое производство как концепция управления предприятием рассматривается широко, в её основе лежит непрерывная минимизация или ликвидация всевозможных потерь, которые в свою очередь множат затраты.

Бережливое производство зачастую применяется также как результативный инструмент организации производства, основополагающим началом которого является устранение производственных потерь.

С учетом опыта внедрения бережливого производства на российских предприятиях совершенно очевидно можно сказать, что данное производство применимо на любых предприятиях независимо от вида их деятельности:

- «Горьковский автомобильный завод». В основе производственной системы ГАЗ (2003 г.) находится организация самих управленческих процессов (постоянный процесс улучшений, механизм снижения издержек, рост производительности труда, повышение качества продукции).

- ОК «Русал» – формулированием философии бережливого производства стала «РУСАЛ бизнес–система» (2003 г.), которая включает опыт лучших практик в этой области, формирование знаний, разрешающих достичь стратегических целей, поддержать долгосрочный рост и высокий уровень конкурентоспособности предприятия.

- ОАО «КУМЗ» суть программы (2005 г.) заключается в том, чтобы сформировать производственную систему, которая без потерь реагирует на изменения конъюнктуры, позволяет получать заказы минимального объема и способствует снижению затрат [7].

- ПАО «КАМАЗ». Производственная система (2005 г.) построена на принципах бережливого производства, целью является безопасное производство всех работ и максимальное удовлетворение потребителя. Сама система строится на совокупности бизнес–процессов предприятия, его поставщиков, товаропроводящей и сервисной сети.

- ОАО «ПК «Балтика». Внедрение инструментов повышения производственной эффективности предприятия начинается с 2007 г., а с 2012 года внедряется программа LeanTPM. Lean TPM предполагает вовлечение в процесс оптимизации деятельности каждого сотрудника и максимальную ориентацию на потребителя. На предприятии существуют 14 направлений совершенствования культуры производства, а сама концепция содержит шесть базовых начал: система 5S, система управления результативностью (PMS), управление вовлеченностью и эффективностью персонала, автономное обслуживание, быстрые переналадки (SMED), постоянное совершенствование производственных процессов и рабочих мест (Gemba Kaizen).

- ПАО «Сбербанк России». Производственная система (2008 г.) руководствуется принципами LEAN–менеджмента, основой является оптимизация процессов, изменение управления и образа мышления сотрудников, а также появляется возможность повысить производительность труда за счет устранения потерь.

- ГК «Росатом». Производственная система (2008 г.) представлена единой культурой бережливого производства, основой являются принципы: внимательного отношения к требованиям заказчика (внешним и внутренним), решения возникающих проблем на месте их появления, качество внутри каждого процесса, выявления и устранения потерь, когда сотрудник должен быть примером для своих коллег. Производственная система предприятия – это система непрерывного совершенствования процессов для обеспечения конкурентоспособности на мировом уровне, она полностью ориентирована на сотрудников (увеличение заработной платы сотрудников и изменение правил карьерного роста) и создана для снижения издержек.

– ОАО «РЖД». Бережливое производство на предприятии развивается с 2010 г. Первично была сформирована Программа проектов «Бережливое производство на основе комплексного подхода». Целью программы является повышение эффективности производственной системы с учетом использования инструментов бережливого производства, сконцентрированных на выявление и устранение/сокращение потерь в перевозочном процессе, в процессах ремонта и эксплуатации инфраструктуры, подвижного состава, в процессах материально-технического обеспечения и в других процессах.

– ПАО «ВСМПО–АВИСМА». Целями системы бережливого производства предприятия (2014 г.) являются постоянная работа по снижению затрат за счет ликвидации восьми видов потерь: перепроизводство, потери времени, нерациональная транспортировка или перемещение, лишние движения, обработка, избыток запасов, дефекты, нереализованный творческий потенциал сотрудников [8].

Российская практика внедрения бережливого производства на предприятиях в настоящее время достаточно обширна, и следует отметить, что бережливый офис проникает все дальше в новые сферы общества, реализуя инструменты, адаптированные под особенности деятельности предприятий, и работая на всех уровнях управления.

В начале 2018 г. в Нижегородской области совместно с ГК «Росатом» стартовал проект «Бережливая губерния», в сферу интересов входит промышленность, здравоохранение, образование, социальная защита, госуправление и сельское хозяйство. Сущность проекта – повышение производительности труда за счет внедрения бережливых технологий (lean-технологий) [9].

Предприятия в Нижегородской области активно внедряют бережливые технологии, и первые восемь участников госпрограммы «Повышение производительности труда» в 2018 г. были определены [10]:

1. АО «Арзамасский приборостроительный завод им. П. И. Пландина, г. Арзамас.
2. ПАО «Русполимет», г. Кулебаки – производитель металлических порошков и гранул.
3. ГК «Узола» (производство продукции осуществляется в г. Балахна) – производитель электротехнической и противопожарной продукции.
4. ПАО «Красное Сормово», г. Н. Новгород – многопрофильное предприятие, приоритетным является судостроение.
5. АО «Окская судостроительная верфь», г. Навашино – осуществляет постройку среднетоннажных судов.
6. ПАО «Красный якорь», г. Н. Новгород – единственное в России предприятие по производству якорных цепей и такелажа, цепей для горно-шахтного оборудования, грузовых цепей, строп и комплектующих.
7. ОАО «Кулебакский завод металлических конструкций», г. Кулебаки.
8. АО «Волга», г. Балахна – производитель газетной и гофрированной бумаги.

Кроме этого, сельхозпредприятия области СПК «Семинский» и ООО «Племзавод имени Ленина» (Ковернинский район) активно внедряют бережливые технологии.

В сфере здравоохранения в Нижнем Новгороде в 2018 г. пилотными поликлиниками стали взрослая № 7 и детская № 39. Кроме этого приняли участие в пилотном проекте «Бережливый стационар» ГБУЗ НО Городская больница № 38, Детская городская больница № 1. В общей сложности в проекте приняли участие в 2018 году 38 детских медицинских организаций и 14 взрослых. Основные направления: повышение качества и результативности лечения пациентов; оптимизация работы сестринского поста, движение потоков больных в приемном отделении, документов, медикаментов и др. [11].

По словам Губернатора Нижегородской области Глеба Никитина, около 100 пилотных проектов по внедрению бережливых технологий в госуправлении реализуют в Нижегородской области. В проекте участвуют администрации городского округа города Бор, Кстово, Нижнего Новгорода, Перевоза, Городецкого и Лысковского муниципальных районов [12].

В конце ноября 2018 г. состоялась защита проектов управлений социальной защиты населения в рамках реализации совместного проекта по внедрению технологии бережливого производства (стратегические инициативы «Бережливая Губерния») в систему предоставления мер социальной поддержки гражданам Нижегородской области. Выступили участники со своими проектами из 7 районов Нижегородской области: Уренского, Ветлужского, Варнавинского, Тонкинского, Тоншаевского, Шарангского, Шахунского районов [13].

Таким образом, Lean production или бережливое производство является достаточно гибким инструментом, с помощью которого возможно решать задачи в области повышения эффективности функционирования производственной системы предприятия любой сферы деятельности.

ВЫВОДЫ

В рамках данной статьи авторами проведен сравнительный анализ научной организации труда и Agile, в результате которого было показано сходство данных подходов, преимущество гибких технологий НОТ, заинтересованность компаний в применении Agile, а также растущий интерес к бережливому производству как одному из методов семейства Agile. Следует обратить внимание, что эффективная практика применения гибких методов основана на использовании техник креативного мышления, которая в последнее десятилетие является не просто востребованной, а реально формирующей вовлеченность персонала в бизнес–процессы компании. В условиях глобализации каждая компания стремится получить конкурентное преимущество, и основой для этого становится, прежде всего, персонал, вне зависимости от места в иерархии власти. Кроме того, происходит смена поколений, а, значит, прошлые технологии работы с персоналом уже неэффективны. Этим и объясняется востребованность гибкого подхода, его интерпретацию НОТ под современные реалии. Стоит отметить, что бережливое производство изначально основывалось на вовлеченности персонала, на его энтузиазме и применении партисипатизма в коллективе. Приведенный обзор по внедрению lean–технологий российскими организациями показывает возрастающий интерес к данному методу.

Ярким тому подтверждением является пример формирования единой региональной концепции в Нижегородской области.

Список литературы

1. Исследование Agile в России 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://scrumtrek.ru/userfiles/reports/AgileSurvey18.pdf> (дата обращения 25.01.2019 г.).
2. Плещенко В. И. К вопросу о функционировании прототипов адаптивной модели Agile в промышленности СССР // Экономика в промышленности. М.: 2017. Т. 10. № 4, С. 296–302.
3. Наслаждение схваткой: методология Agile пришла в РУСАЛ // Управление производством [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/library/project-management/project/agile-rusal.html>.
4. «Грибы, трава и люди»: как применяют Agile в российских компаниях [Электронный ресурс]. URL: <https://apptractor.ru/develop/gribyi-trava-i-lyudi-kak-primenyayut-agile-v-rossiyskih-kompaniyah.html>.
5. Корпорации все чаще посылают менеджеров учиться Agile // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2017/07/13/722253-korporatsii-menedzherov-agile>.
6. Бизнес по Грефу: как российские компании становятся гибкими [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/own_business/14/04/2017/58ee1c2d9a7947d172c83066.
7. Управление изменениями в компании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.markus.spb.ru/kase/berezh-kumzl.shtml>.
8. Управление производством [Электронный ресурс]. URL: http://www.up-pro.ru/library/production_management/lean/vsmo-2014.html.
9. Бережливое производство в Нижнем Новгороде [Электронный ресурс]. URL: <https://pro-lean.ru/berezhlivaya-guberniya/>.
10. Управление производством [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up-pro.ru/companies/news/apz-planiruet-povusit-proizvoditelnost.html>.
11. Сайт Министерства здравоохранения Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://zdrav-nnov.ru/541-proekt-berezhlivaya-poliklinika-v-novom-razvitii>.
12. Сайт Правительства Нижегородской области [Электонный ресурс]. URL: <https://government-nnov.ru/?id=217721>.
13. Сайт Министерства социальной политики Нижегородской области [Электронный ресурс]. URL: <http://uren.uszn52.ru/index.php/uren-uszn-news/1613-uren-uszn-news-164>

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 330.35(470+571:100)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Никитина М. Г., Буценко И. Н., Фахретдинова Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: butsenkoirina@rambler.ru

В статье на основе статистических данных международных организаций и Российской Федерации проведен сравнительный анализ показателей, характеризующих состояние и динамику экономического роста России в разрезе отдельных стран. Выделены основные позиции России в динамике по основным показателям экономического роста национальной экономики, дана интерпретация полученных статистических данных.

Ключевые слова: экономический рост, ВВП, ВВП на душу населения, отраслевая структура экономики, валовое накопление основного капитала, производительность труда, уровень безработицы, уровень инфляции, индекс инноваций, индекс человеческого развития, индекс глобальной конкурентоспособности.

ВВЕДЕНИЕ

Экономический рост выступает важнейшей количественной характеристикой экономического развития страны. Экономика России является неотъемлемой частью мировой экономики, при этом по важнейшим экономическим показателям ее позиции в системе мирового хозяйства значительно ниже, чем обеспечивает ее потенциал. В условиях глобализационных процессов и санкционных ограничений, введенных против России, в национальной экономике произошли структурные сдвиги в ее экономическом развитии. Соответственно, актуальным является оценка в динамике основных показателей, характеризующих экономический рост России в сопоставлении с отдельными странами мира с учетом последних тенденций в мировой экономике.

Исследованию экономического роста посвящены научные работы и публикации многих отечественных и зарубежных ученых. Значительный вклад в исследование экономического роста внесли Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. [2], Губанов А. Ю. [4], Дадашова Т. А. [5], Зельднер А. Г. [7], Мицек С. А., Мицек Е. Б. [13], Половкина Э. А., Савдур С. Н. [17], Фальцман В. К. [20], Хасбулатов Р. И. [22] и др. Отдельные статистические обзоры показателей, характеризующих экономический рост Российской Федерации, представлены в работах Гончаровой С. Б. [3], Зайцевой И. А. [6], Матушкиной Ю. Н., Загородских В. В., Косолапова Е. В. [12], Оболенского В. П. [14], Оксенойт Г. К. [15], Плышевского Б. П. [16] и др.

Цель – статистический обзор основных показателей, характеризующих состояние и динамику экономического роста России в контексте международных сопоставлений.

В процессе проведенного исследования использованы общенаучные и экономико-статистические методы, в частности: анализ и синтез; системный анализ, абстрактно-логический метод, индексный метод, метод обобщений и др.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Одним из ключевых макроэкономических показателей, характеризующих развитие экономики, экономический рост или рецессию в международных сопоставлениях, является валовой внутренний продукт (ВВП). По состоянию на 2017 г. Россия заняла 11 место в мире по объему ВВП – 1577,5 млрд долл. США, что составило 2,4 % валового мирового продукта (табл. 1). В динамике, начиная с 2006 г., наблюдается значительное увеличение объемов мирового ВВП и ВВП России. В 2008 г. ВВП России увеличился в 1,7 раза по сравнению с 2006 г. и составил 1660,8 млрд долл. США. В кризисный 2009 г. объем ВВП России сократился до 1222,6 млрд долл. США, затем динамика роста положительная. В 2013 г. ВВП России достиг своего максимального значения за весь анализируемый период – 2297,1 млрд долл. США (3 % от мирового ВВП), но в период 2013–2016 гг. динамика роста отрицательная.

Таблица 1

ВВП Российской Федерации и мировой ВВП, 2005–2017 гг.

Год	Объем ВВП, млрд долл. США		Темпы роста, %		Доля РФ в мировом ВВП, %
	Мир	Россия	Мир	Россия	
2005	47411,8	764	108	129	1,6
2006	51340,9	989,9	108	130	1,9
2007	57833,3	1299,7	113	131	2,2
2008	63433,5	1660,8	110	128	2,6
2009	60138,4	1222,6	95	74	2,0
2010	65956,7	1524,9	110	125	2,3
2011	73297,3	2051,7	111	135	2,8
2012	74965,6	2210,3	102	108	2,9
2013	77050,6	2297,1	103	104	3,0
2014	79131,4	2063,7	103	90	2,6
2015	74842,7	1368,4	95	66	1,8
2016	75936,8	1284,7	101	94	1,7
2017	80683,8	1577,5	106	123	2,4

Источник: составлено и рассчитано на основании данных [24]

При оценке экономического роста национальной экономики отдельное внимание необходимо уделить динамике темпов прироста или снижения ВВП в долгосрочном периоде. Динамика темпов прироста мирового ВВП и ВВП России за период с 2006 по 2017 гг. нестабильная (рис. 1).

Рис. 1. Темпы прироста ВВП и ВВП России, 2006–2017 гг., %
Источник: составлено на основании данных [24]

За период с 2006–2007 гг. темпы прироста ВВП Российской Федерации находились в пределах 30–31 %, что значительно выше среднемирового показателя – 8–13 %. Мировой кризис 2008–2009 гг. привел к сокращению валового внутреннего продукта в стране. В 2009 г. темп прироста ВВП России отрицательный, опустившись ниже среднемирового показателя. «Основными причинами снижения темпов роста экономики Российской Федерации с 2011 г. являются: высокая инфляция, высокие процентные ставки по кредитам, неблагоприятный инвестиционный и деловой климат в стране, сырьевой характер импорта, замедление роста доходов населения, падение курса рубля и изменение конъюнктуры рынка после вступления России в ВТО в 2012 г.» [18].

С 2012 г. начинается волна сокращения роста ВВП практически во многих странах мира (табл. 2). В России темп прироста за период 2012–2013 гг. в среднем составил (5,8 %), уступая Китаю (12,6 %). Самое низкое значение показателя за этот период продемонстрировала Япония, где в среднем за два года прирост составил (–8,1 %), что является последствием проблем в экономике и природных катаклизмов, нарушивших деятельность многих секторов экономики. Избежать отрицательной динамики темпов роста экономики за этот период удалось США (3,7 % в среднем за 2014–2017 гг.), Индии (6,9 %) и Китаю (5,3 %).

Таблица 2

Темпы прироста ВВП России и ряда стран мира, 2010–2017 гг., %

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Россия	24,7	34,5	7,7	3,9	–10,2	–33,8	–6,1	22,9
США	3,8	3,7	4,1	3,3	4,2	4,2	2,8	4,1
Франция	–1,7	8,2	–6,3	4,7	1,5	–14,6	1,3	4,8
Германия	0,03	10,0	–5,7	5,9	3,7	–13,2	3,0	5,7
Италия	–2,8	7,1	–8,9	2,8	1,0	–14,8	1,5	4,1
Великобритания	2,5	7,3	1,6	2,9	10,3	–4,5	–8,2	–1,0
Япония	9,0	8,0	0,7	–16,9	–6,0	–9,6	12,7	0,6
Канада	17,7	10,9	2,0	1,0	–2,7	–13,4	–1,5	8,1
Бразилия	32,5	18,4	–5,8	0,3	–0,7	–26,6	–0,4	14,5
Индия	25,1	10,1	0,2	1,6	9,6	2,7	8,3	14,7
Китай	19,4	24,1	13,0	12,2	9,1	5,6	1,2	9,3
ЮАР	26,2	11,1	–4,9	–7,4	–4,3	–9,5	–7,0	18,3

Источник: составлено и рассчитано на основании данных [24]

В период 2010–2017 гг. экономика Китая демонстрирует лучшие показатели положительного прироста валового внутреннего продукта. Тогда как годовой прирост ВВП России характеризуется значительными колебаниями и подвержен влиянию кризисов. Отрицательный годовой прирост ВВП России в 2014–2016 гг. вызван осложнением геополитической ситуации, западными санкциями в отношении России, падением цен на нефть и ослаблением курса рубля. По оценке Брюсселя, размер экономического ущерба от введения санкций составил примерно 75 млрд евро [15]. Однако цифра эта весьма условная, поскольку сложно точно определить долю ущерба данного фактора среди большого количества других, ранее воздействовавших на экономическую ситуацию в стране отрицательных факторов. Поэтому западные санкции лишь усилили уже существовавшие негативные тенденции в динамике роста экономики России.

По показателю ВВП с учетом ППС Россия в 2017 г. находится на шестом месте в мире, уступив Германии пятую строку в рейтинге, которую Россия занимала в 2014 г. За исследуемый период лидером по данному показателю является Китай (табл. 3).

Таблица 3

ВВП России и крупнейших стран мира с учетом ППС, 2014–2017 гг.

Страны	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	млрд долл. США	позиции в мире	млрд долл. США	позиции в мире	млрд долл. США	позиции в мире	млрд долл. США	позиции в мире
Китай	17406,24	1	18609,77	1	21409,4	1	23301,3	1
США	16511,46	2	1694,12	2	18624,5	2	19390,7	2
Индия	6983,82	3	7512,03	3	8700,6	3	9449,3	3
Япония	4750,3	4	4808,23	4	5359,6	4	5562,8	4
Германия	3516,08	6	3576,58	5	4030,4	5	4194,1	5
Россия	3633,84	5	3489,42	6	3635,9	6	3749,1	6
Индонезия	3124,64	7	2995,6	8	3032	8	3242,8	7

Источник: составлено на основании данных [24]

Универсальным показателем экономического роста и основным критерием оценки стран мира по уровню экономического развития в контексте международных сопоставлений является ВВП на душу населения. В 2014–2017 гг. Россия в рейтинге стран по объему ВВП на душу населения опустилась на 3 позиции (табл. 4) с 57 места в 2014 г. (14349,3 долл. США на душу населения) на 60 место в 2017 г. (10743,1 долл. США).

Верхние строчки этого рейтинга занимают высокоразвитые страны: Люксембург (104103,0 долл. США на душу населения), Швейцария (80189,7 долл. США на душу населения), Макао (80892,8 долл. США на душу населения).

Таблица 4

ВВП на душу населения России и крупнейших стран мира, 2014–2017 гг.

Страны	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	долл. США	место	долл. США	место	долл. США	место	долл. США	место
Люксембург	116612,9	2	101450,0	1	100738,7	1	104103,0	1
ОАР, Макао	96074,8	4	78585,9	3	74017,2	3	80892,8	2
Швейцария	85814,6	6	80945,1	2	79887,5	2	80189,7	3
Норвегия	97005,5	3	74400,4	4	70868,1	4	75504,5	4
Исландия	52855,1	17	51213,6	13	60529,9	6	70056,9	5
Россия	14349,3	57	9479,1	60	8889,3	67	10743,1	60

Источник: составлено на основании данных [24]

Существенно отличается отраслевая структура экономики РФ от экономики развитых и развивающихся стран в разрезе представленных данных в таблице 5. Отрасли первичного сектора (сельского и лесного хозяйства, рыболовства и охоты) занимают незначительную долю в отраслевой структуре ВВП развитых стран. Среди развитых стран (США, Франция, Германия, Италия) удельный вес первичного сектора экономики за период 2011-2015 гг. не превышает 2,3%, в Германии этот сектор дает не больше 1% ВВП (табл. 5). В развивающихся странах на данный сектор приходится большая доля ВВП, так в Индии и Китае на них приходится 18% и 9,7% ВВП, соответственно. Удельный вес отраслей первичного сектора в России (4,7% в 2015 г.) находится приблизительно на одном уровне с показателем Бразилии (4,9%).

Таблица 5

Отраслевая структура экономики России и ряда стран мира, в % к ВВП

Год	Отрасли							
	Россия	США	Франция	Германия	Италия	Бразилия	Индия	Китай
Сельское и лесное хозяйство, рыболовство и охота								
2011	4,2	1,2	1,7	0,9	2,3	5,6	22,8	21,6
2013	4,0	1,3	1,7	1,0	2,0	5,6	17,6	10,0
2015	4,7	1,4	1,7	0,8	2,2	5,0**	18,0	9,7
2017	4,4	—	1,6*	0,6*	2,1*	—	—	—
Промышленность								
2011	30,5	17,1	12,4	25,6	20,8	22,6	20,3	22,8
2013	29,0	16,4	12,6	25,7	18,6	21,6	19,2	39,8
2015	26,7	16,6	13,8	25,9	18,5	17,6**	22,4	36,9
2017	26,9	—	14,1*	25,6*	19,3*	—	—	—
Строительство								
2011	6,5	4,7	6,4	5,7	6,0	5,0	6,2	2,3
2013	7,2	3,5	6,2	4,4	6,0	5,3	8,1	6,8
2015	5,9	3,9	5,7	4,8	4,9	6,2**	8,3	6,9
2017	6,4	—	5,5*	4,8*	4,8*	—	—	—

Год	Отрасли							
	Россия	США	Франция	Германия	Италия	Бразилия	Индия	Китай
Торговля, гостиницы и рестораны								
2011	28,9	19,0	19,1	16,3	23,2	20,0	22,9	17,0
2013	27,8	20,4	23,4	19,1	25,0	28,8	24,3	17,9
2015	24,0	21,9	22,5	20,2	23,9	24,1**	18,6	15,7
2017	24,7	—	22,8*	20,6*	24,4*	—	—	—
Финансовая деятельность, операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг								
2011	15,9	33,0	33,7	29,4	26,9	16,5	13,5	21,9
2013	16,9	33,2	30,1	27,4	27,8	15,6	16,4	14,4
2015	21,6	30,4	30,1	26,0	29,4	23,8**	19,8	19,3
2017	21,4	—	30,3*	26,0*	28,6*	—	—	—
Образование, здравоохранение и социальные услуги								
2011	6,6	24,9	14,6	11,5	10,6	17,3	14,3	14,4
2013	13,5	25,2	22,6	17,9	17,0	19,5	14,36	8,4
2015	14,8	22,6	23,2	18,3	17,2	20,3**	10,8	8,7
2017	14,1	—	22,7*	18,4*	16,9*	—	—	—
Прочие услуги								
2011	7,4	0,1	12,1	10,6	10,2	13,0	0,0	0,0
2013	1,6	0,1	3,4	4,5	3,6	3,6	0,1	2,6
2015	2,3	3,2	3,0	4,1	4,0	3,0	2,1	2,6
2017	2,0	—	3,0*	4,0*	3,9*	—	—	—

* данные за 2016 г. отсутствуют

** данные за 2014 г. отсутствуют

Источник: составлено на основании данных [15]

Относительно небольшую долю в структуре ВВП развитых стран занимает отрасль «промышленность»: Франция (13,8 % в 2015 г.), США (16,6 %), Италия (18,5 %), в Германии этот показатель несколько выше и составляет 25,9 % ВВП. В развивающихся странах доля отрасли «промышленность» занимает доминирующее положение в структуре ВВП: Китай (36,9 % в 2015 г.), Россия (26,7 %), Индия (22,4 %), Бразилия (21,1 %).

Большой удельный вес в структуре ВВП развитых стран занимает сфера услуг. В 2015 г. наибольшая доля приходится на услуги, связанные с финансовой деятельностью (США – 30,4 %; Франция – 30,1 %); социальные услуги и услуги, связанные с образованием и здравоохранением (США – 22,6 %, Франция – 23,2 %). В развивающихся странах наибольший удельный вес приходится на услуги, связанные с торговлей, гостиницами и ресторанами (Россия – 24,0 %, Бразилия – 20,9 %, Индия – 18,6 %).

Для более точной характеристики и сравнения динамики развития экономик мира необходимо проанализировать показатель валового накопления основного капитала, который является важным индикатором качественного роста экономики страны, характеризует объем национального богатства и является источником доходов будущих поколений. По состоянию на 2010 г. практически во всех

рассматриваемых странах кроме Франции и Италии наблюдается положительный прирост валового накопления основного капитала (табл. 6).

Таблица 6

Темпы прироста валового накопления основного капитала России и ряда стран
мира, 2010–2016 гг., %

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Российская Федерация	19,7	24,7	7,7	4,3	–13,4	–37,4	–3,8
США	0,7	5,4	8,1	4,6	7,1	4,6	1,2
Франция	–1,6	9,8	–6,1	2,8	0,4	–15,7	3,1
Германия	1,4	14,7	–6,4	3,7	5,3	–13,9	4,0
Италия	–3,0	5,5	–14,9	–3,5	–1,9	–13,9	2,4
Великобритания	2,9	7,6	3,1	4,4	14,3	–3,4	–9,0
Япония	3,9	10,9	3,1	–13,5	–3,5	–11,5	11,3
Канада	23,7	11,1	6,3	–0,3	–3,0	–15,1	–4,4
Бразилия	42,4	18,9	–5,3	1,3	–5,6	–33,2	–9,8
Индия	21,9	13,0	–2,3	–4,9	6,5	–1,2	0,4
Китай	19,6	23,9	14,0	12,8	8,0	2,5	–0,9
ЮАР	13,1	10,1	–4,3	–2,0	–3,2	–10,4	–11,0

* данные за 2016 г. отсутствуют

Источник: составлено и рассчитано на основании данных [1]

Наибольший прирост приходится на пятерку наиболее динамично развивающихся экономик мира (страны БРИКС) в среднем за 2010–2011 гг.: Бразилию (30,7 %), Россию (22,2 %), Китай (21,8 %), ЮАР (21,8 %), Индию (17,5 %). Среди стран «Большой семерки» наибольший прирост приходится на Канаду (12,4 %). С 2012 г. темпы прироста валового накопления основного капитала практически во всех рассматриваемых странах (кроме Китая и США) начинают снижаться. С 2014 г. наиболее низкий показатель в международных сопоставлениях у России, в среднем за 2014–2016 гг. прирост отрицательный (–18,2 %). Также отрицательный прирост валового накопления основного капитала наблюдается в таких странах мира, как Франция, Германия, Италия, Япония, Канада, Бразилия, Индия, ЮАР.

Значительное снижение годового прироста валовых накоплений основного капитала в экономике России произошло вследствие сокращения объемов инвестиций и стало препятствием для намечаемого преодоления отставания от ведущих экономик мира, индустриализации и часто обсуждаемого в современных условиях импортозамещения.

Валовое накопление основного капитала России в процентах от ВВП на протяжении рассматриваемого периода (2010–2017 гг.) находится приблизительно на уровне большинства развитых стран мира (21,4 % в среднем за семь рассматриваемых лет), однако уступает Китаю (44,6 %) и Бразилии (31,3 %) (табл. 7).

Таблица 7

Валовое накопление основного капитала России и ряда стран мира, % от ВВП,
2010–2017 гг.

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Россия	21,6	21,5	21,6	21,8	21,2	20,4	21,4	21,7
США	18,0	18,3	19,0	19,2	19,7	19,8	19,5	*
Франция	22,1	22,4	22,5	22,1	21,8	21,5	21,9	22,5
Германия	19,4	20,3	20,1	19,7	20,0	19,9	20,0	20,3
Италия	19,9	19,7	18,4	17,2	16,7	16,9	17,1	17,5
Великобритания	15,3	15,4	15,6	15,8	16,4	16,6	16,5	16,9
Япония	21,3	21,9	22,4	23,3	24,0	23,8	23,6	*
Канада	23,5	23,6	24,6	24,2	24,2	23,7	23,0	23,0
Бразилия	20,5	20,6	20,7	20,9	19,9	17,8	16,1	15,6
Индия	33,4	34,3	33,4	31,3	30,1	28,6	28,7	28,5
Китай	45,0	44,9	45,3	45,5	45,0	43,8	42,7	41,9
ЮАР	19,3	19,1	19,2	20,4	20,6	20,4	19,5	18,7

* данные за 2016 г. отсутствуют

Источник: составлено и рассчитано на основании данных [1]

Фактическая норма валового накопления недостаточна для финансирования активной модернизации экономики России, особенно с учетом сильной физической изношенности накопленного основного капитала (нарастание износа основного капитала удалось приостановить лишь с середины прошлого десятилетия), явно низкой доли основных фондов в инфраструктуре и сельском хозяйстве с учетом слабого уровня развития многих современных отраслей. Для активной модернизации России требуется новая волна индустриализации, которая возможна только при повышении нормы валового накопления. В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.». предполагается, что норма накопления основного капитала возрастет до 36 % к 2020 г [11]. Данные индикаторы являются несколько завышенными, однако они показывают, что рост нормы валового накопления представляется необходимым условием модернизации национальной экономики.

Производительность труда также выступает ключевым индикатором экономического роста. По оценкам ОЭСР, за 2017 г. за человеко–час в России производится продукта на 24,2 долл. США [19]. Значение данного показателя считается низким и во многом объясняется большой долей рабочего времени в году и недостаточной эффективностью процесса работы.

За период 2005–2017 гг. уровень производительности труда в Российской Федерации имеет тенденцию к росту, который составил в 2017 г. более чем 20 % по сравнению с 2005 г. (рис. 2).

Рис. 2. Динамика уровня производительности труда в Российской Федерации, 2004–2017 гг., долл. США

Источник: составлено на основании данных [19]

Снижение производительности труда в Российской Федерации приходится в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и в период усложнения геополитического положения в стране, начиная с 2014 г.

Производительность труда в Российской Федерации намного ниже, чем в развитых странах мира, причем в последние годы этот разрыв практически не сокращается (табл. 8).

Таблица 8

Производительность труда на одного занятого, долл. США в ценах 1990 г.
(в перерасчете по паритету покупательной способности)

Рейтинг	Страна	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.
1	США	58463	64049	67761	70017	70147
2	Ирландия	49534	55328	59973	67930	70023
4	Бельгия	52071	55009	56058	57232	57450
7	Франция	49194	51971	52964	54287	54595
8	Люксембург	54595	54196	54402	53771	54349
12	Канада	46156	47762	47846	50117	50507
14	Великобритания	43700	47822	48144	50042	50394
23	Япония	39606	42113	43507	44227	44412
27	Германия	38524	40228	41007	42135	42364
41	Беларусь	14620	21088	28121	31250	30806
61	Мексика	19337	19708	18843	19920	20014
69	Россия	11889	15282	17761	18195	18149
124	Конго	631	662	756	980	1033

* данные за 2017 г. отсутствуют

Источник: составлено на основании данных [9]

В 1991 г. производительность труда в России по сравнению с производительностью труда в США была ниже в 4,2 раза, в настоящее время – в 3,9 раза [9]. В динамике до 2015 г. производительность труда в Российской Федерации увеличивается.

Одним из показателей, отражающих ситуацию в экономическом развитии страны, является инфляция. Инфляция в странах с развитой экономикой находится на относительно невысоком уровне: Франция – 1 % в 2017 г., Германия – 1,7 %, Великобритания – 2,7 %, США – 2,1 %, Канада – 1,6 %) (табл. 9).

Таблица 9

Уровень инфляции в России и ряде стран мира, 2010–2017 гг., %

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	6,9	8,4	5,1	6,7	7,8	15,5	7	3,7
США	1,6	3,2	2,1	1,5	1,6	0,1	1,3	2,1
Франция	1,5	2,1	2	0,9	0,5	0	0,2	1,0
Германия	1,1	2,1	2	1,5	0,9	0,2	0,5	1,7
Италия	1,5	2,7	3	1,2	0,2	0	–0,1	1,2
Великобритания	3,3	4,5	2,8	2,6	1,5	0,1	0,6	2,7
Япония	–0,7	–0,3	–0,1	0,3	2,8	0,8	–0,1	0,5
Канада	1,8	2,9	1,5	0,9	1,9	1,1	1,4	1,6
Бразилия	5	6,6	5,4	6,2	6,3	9	8,7	3,5
Индия	12	8,9	9,3	10,9	6,6	4,9	4,9	3,3
Китай	3,3	5,4	2,6	2,6	2	1,4	2	1,6
ЮАР	4,3	5	5,7	5,8	6,1	4,6	6,3	5,2

Источник: составлено на основании данных [24]

Большая часть стран с развивающейся экономикой характеризуется достаточно высоким уровнем инфляции. Исключением можно считать экономику Китая, инфляция в этой стране находится на уровне развитых стран (в 2017 г. составила всего 1,6 %). В России динамика уровня инфляции на протяжении 2010–2017 гг. крайне нестабильная. Пиком инфляции в стране стал 2015 г., когда она достигла своего рекордного значения за весь рассматриваемый период 15,5 %. В 2017 г. ситуация несколько стабилизировалась, инфляция снизилась до 3,7 %.

Самой острой проблемой для всех стран мира остается безработица. В Российской Федерации уровень безработицы по состоянию на 2017 г. составляет 5,2%, это значение можно соотнести с уровнем следующих стран: США (4,4 %), Великобритания (4,3 %), Китай (4,7 %) (табл. 10).

Наименьший уровень безработицы среди рассмотренных стран проходится на Японию (2,8 %) и Индию (3,5 %). Проблема высокой безработицы наблюдается в ЮАР, где ее уровень в 2016 г. достиг своего максимального значения – 26,7 %. Высоким, является уровень безработицы в Италии (11,2 % в 2017 г.) и Бразилии (13,3 %).

Таблица 10
Уровень безработицы в Российской Федерации и странах мира по оценке МОТ,
2010–2017 гг., %

Страна	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Российская Федерация	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	5,5	5,2
США	9,6	8,9	8,1	7,4	6,2	5,3	4,9	4,4
Франция	9,3	9,2	9,8	10,4	10,3	10,4	10,1	9,4
Германия	7	5,8	5,4	5,2	5	4,6	4,1	3,8
Италия	8,4	8,4	10,7	12,1	12,7	11,9	11,7	11,2
Великобритания	7,8	8	7,9	7,5	6,1	5,3	4,8	4,3
Япония	5,1	4,5	4,3	4	3,6	3,4	3,1	2,8
Канада	8,1	7,5	7,3	7,1	6,9	6,9	7	6,3
Бразилия	8,5	7,8	7,4	7,1	6,8	8,5	11,5	13,3
Индия	3,6	3,7	3,7	3,6	3,5	3,5	3,5	3,5
Китай	4,2	4,3	4,5	4,5	4,6	4,5	4,6	4,7
ЮАР	24,7	24,6	24,7	24,6	24,9	25,2	26,7	27,3

Источник: составлено на основании данных [24]

Инновационный потенциал и высокое техническое и технологическое развитие страны является важным условием для обеспечения роста экономики (табл. 11). За период 2015–2018 гг. практически все страны «Большой семерки» (кроме Италии) входят в 25 стран–лидеров в области инноваций. При этом Германия поднялась на 4 позиции в рейтинге и заняла 9 место, Япония – на 7 и в 2017 г. заняла 13 место в мире. Великобритания и Канада снизили свои позиции за анализируемый период и в 2018 г. заняли 4 и 18 места соответственно. Россия в 2018 г. заняла 46 место в общем рейтинге между Грецией (45) и Чили (47), поднявшись на 2 позиции по сравнению с 2015 г. Среди стран БРИКС Россия занимает второе место после Китая (17 место, при этом рейтинг Китая теперь сопоставим с рейтингом многих стран с высоким уровнем дохода), обгоняя Южную Африку (58), Индию (57) Бразилию и (64).

Таблица 11
Место России и ряда стран мира по индексу инноваций, 2014–2018 гг.

Страна	2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	Индекс	Место в мире	Индекс	Место в мире	Индекс	Место в мире	Индекс	Место в мире
Великобритания	62,42	2	61,93	3	60,89	5	60,1	4
США	60,10	5	61,40	4	61,40	4	59,8	6
Германия	57,05	12	57,94	10	58,39	9	58,0	9
Япония	53,97	19	54,52	16	54,72	14	54,9	13
Франция	53,59	21	54,04	18	54,18	15	54,4	16
Китай	47,47	29	50,57	25	52,54	22	53,1	17
Канада	55,73	16	54,71	15	53,65	18	52,9	18
Италия	46,40	31	47,17	29	46,96	29	46,3	31
Российская Федерация	39,32	48	38,50	43	38,76	45	37,9	46
Индия	31,74	81	33,61	66	35,47	60	35,2	57
ЮАР	37,45	60	35,85	54	35,80	57	35,1	58
Бразилия	34,95	70	33,19	69	33,10	69	33,4	64

Источник: составлено на основании данных [23]

Россия в рейтинге по индексу человеческого развития в 2017 г. поднялась на 8 позиций по сравнению с 2014 г. и заняла 49-е место с показателем ИЧР 0,816, расположившись вверху списка стран с высоким уровнем человеческого развития. Важно отметить, что Россия в данном рейтинге значительно опережает своих соседей по БРИКС. Среди крупнейших государств с быстрорастущей экономикой Бразилия занимает в рейтинге 106 место, Китай – 86, Южная Африка – 113, Индия – 130. К факторам, оказывающим негативное влияние на индекс человеческого развития в России, можно отнести социальное неравенство, экологические проблемы, низкую продолжительность жизни населения.

На протяжении анализируемого периода все страны «Большой семерки» находятся в списке с очень высоким индексом человеческого развития (среди первых 49 стран). При этом в 2017 г. Германия занимает 5 место, США – 13, Канада – 12, Великобритания – 14, Япония – 19, Франция – 24, Италия – 28 (табл. 12).

Таблица 12

Позиции России и ряда стран мира по индексу человеческого развития,
2014–2017 гг.

Страна	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	Индекс	Позиция	Индекс	Позиция	Индекс	Позиция	Индекс	Позиция
Германия	0,911	6	0,916	6	0,916	6	0,936	5
Канада	0,902	8	0,913	9	0,913	9	0,926	12
США	0,914	5	0,915	8	0,915	8	0,924	13
Великобритания	0,892	14	0,907	14	0,907	14	0,922	14
Япония	0,890	17	0,891	20	0,891	20	0,909	19
Франция	0,884	20	0,888	22	0,888	22	0,901	24
Италия	0,872	26	0,873	27	0,873	27	0,880	28
Россия	0,778	57	0,798	50	0,798	50	0,816	49
Китай	0,719	91	0,727	90	0,727	90	0,752	86
Бразилия	0,744	79	0,755	75	0,755	75	0,708	106
ЮАР	0,658	118	0,667	116	0,667	116	0,699	113
Индия	0,586	135	0,609	130	0,609	130	0,640	130

Источник: составлено на основании данных [8]

Сильные стороны России связаны не только с качеством человеческого капитала, но и с развитием бизнеса, развитием знаний и технологий. Показатели развития инфраструктуры остаются на среднем уровне, а несовершенные институты, низкие показатели результатов творческой деятельности и развития внутреннего рынка значительно тормозят развитие инноваций и вместе с тем оказывают отрицательное воздействие на рост экономики страны.

В ежегодном рейтинге глобальной конкурентоспособности стран, который представляется Всемирным экономическим форумом, Россия за период с 2010–2017 гг. значение индекса находится в пределах от 4,2–4,6 в соответствии с рис. 3.

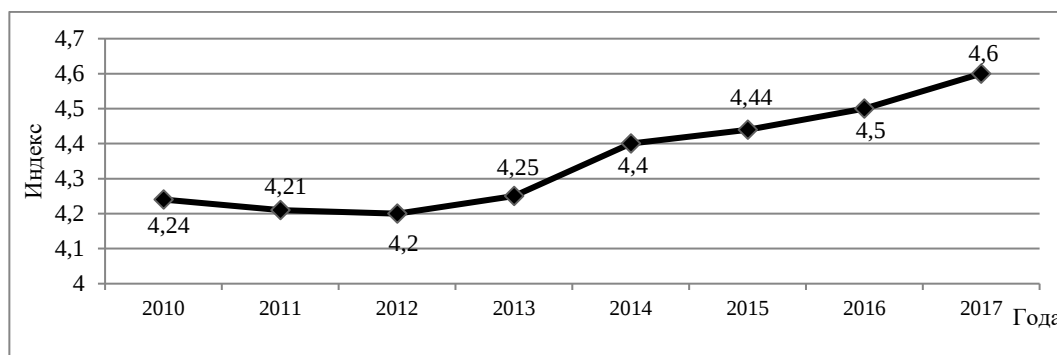

Рис. 3. Динамика индекса глобальной конкурентоспособности Российской Федерации, Всемирный экономический форум, 2010–2017 гг.

Источник: составлено на основе [12]

Анализ изменения позиций конкурентоспособности экономики России за период 2010–2017 гг. показал устойчивую тенденцию к улучшению ее позиций среди других стран мира. За анализируемый период Россия поднялась в рейтинге на 30 позиций с 68 места, которое она занимала в 2010 г. до 38 места в 2017 г. Улучшение позиций России в большей части вызвано пересмотром МВФ оценок паритета покупательной способности валют. По данным экспертов ВЭФ, несмотря на то, что экономика России сейчас находится в рецессии, сильными сторонами экономики стали «высокий уровень макроэкономической стабильности, распространённость высшего образования, развитая инфраструктура и значительно возросшие показатели бизнес–регулирования и внутренней конкуренции» [12].

К факторам, тормозящим рост конкурентоспособности России, относятся «низкая эффективность работы государственных институтов, недостаточный инновационный потенциал, слабая развитость финансового рынка и дефицит доверия инвесторов к отечественной финансовой системе» [12]. С 2015 г. отрицательное воздействие на конкурентоспособность России в мировом масштабе оказали падение цен на нефть, «война санкций» и девальвация российской валюты.

ВЫВОДЫ

Российская Федерация является одной из крупнейших экономик мира, однако из-за значительной восприимчивости к воздействию разного рода кризисов страна демонстрирует нестабильную динамику роста экономики, что особенно заметно при сравнении показателей экономического роста с другими странами. По состоянию на 2017 г. Российская Федерация заняла 11 место в мире по объему ВВП, что составило 2,4 % валового мирового продукта, по размерам ВВП по ППС находится на шестом месте в мире. Темпы прироста ВВП Российской Федерации находились в пределах 30–31 %, что значительно выше среднемирового показателя (8–13 %). Валовое накопление основного капитала России в процентах от ВВП находится приблизительно на уровне большинства развитых стран мира, но уступает развивающимся экономикам, в особенности Китаю и Индии. Инфляции в Российской

Федерации находится на уровне большинства развивающихся экономик мира и превышает уровень развитых стран. Безработица на протяжении длительного периода находится на относительно низком уровне. По инновационному развитию Российская Федерация значительно уступает высокоразвитым странам и Китаю, опережая все остальные страны БРИКС. По индексу человеческого развития Россия значительно опережает страны БРИКС, находясь в списке стран с высоким уровнем человеческого развития, но уступает странам «Большой семерки».

Сопоставления показателей, характеризующих экономический рост национальной экономики, свидетельствуют о том, что Россия имеет достаточные предпосылки для дальнейшей позитивной динамики экономического развития. Необходимы дополнительные усилия для преодоления отставания от лидирующих национальных экономик мира. Данный акцент ставит очередную задачу исследования – поиск новой модели экономического роста.

Список литературы

1. Валовое накопление основного капитала // Евразийская экономическая комиссия: сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>
2. Вертакова Ю. В., Положенцева Ю. С., Клевцова М. Г. Санкции в условиях глобализации и их влияние на экономическое развитие России // Экономика и управление. 2015. № 10 (120). С. 24–32.
3. Гончарова С. Б. Роль международных статистических сопоставлений в российской экономике // Системное управление. 2016. № 1 (30). С. 12.
4. Губанов А. Ю. Сопоставительный анализ качества экономического роста в развитых и развивающихся странах мира // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 29 (380). С. 40–51.
5. Дадашова Т. А. Диалектика понятий «экономический рост» и «экономическое развитие» // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2017. № (58). С. 11–18.
6. Зайцева И. А. Безработица как одна из глобальных проблем современного мира // PolitBook. 2017. № 2. С. 160–175.
7. Зельднер А. Г. Экономический рост: состояние и проблемы // Экономические науки. 2018. № 158. С. 17–21.
8. Индекс развития человеческого потенциала // Всемирный экономический форум [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>
9. Капелюк З. А. Сравнительный анализ производительности труда в России и странах мира // Потребительская кооперация. 2018. № 1 (60). С. 59–63.
10. Комков Н. И., Дудин М. Н., Ляников Н. В. Проблемы экономического развития: факторы и детерминанты // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 2 (22). С. 116–128.
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 10.02.2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/
12. Матушкина Ю. Н., Загородских В. В., Косолапов Е. В. Сравнительный анализ стран по индексу глобальной конкурентоспособности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 8. С. 65–68.
13. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Экономический рост, инфляция, инвестиции доходы в Российской Федерации: анализ и прогноз на основе экономической модели // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17. № 1 (472). С. 18–29.
14. Оболенский В. П. Открытость национальных экономик: мир и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 5–15.

15. Оксенойт Г. К. Россия и страны мира // Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139821848594
16. Плышевский Б. П. Инфляция в России: сравнение с другими странами // Вопросы статистики. 2015. № 11. С. 80–92.
17. Половкина Э. А., Савдур С. Н. Взаимосвязь производительности труда и экономического роста // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 94–96 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimosvyaz-proizvoditelnosti-truda-i-ekonomicheskogo-rosta>
18. Русецкий М. Г. Внешняя экономика России в условиях глобализации мировой экономики // Вестник Академии. М. 2015. № 2. С. 46–49 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24297615>
19. Уровень производительности труда в России // ОЭСР [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/>
20. Фальцман В. К. Россия: экономический рост в новой геополитической обстановке (реальность и надежды) // Современная Европа. 2015. № 1. С. 79–92 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sov-europe.ru/2015/1/felsman3.pdf>
21. Хаджаев Р. Ш. Россия: готовность к вызову от внешних факторов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 6 (83). С. 61–67.
22. Хасбулатов Р. И. Российская экономика: почему нет ожидаемого роста // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2014. № 1. С. 5–7.
23. The Global Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2017-report>
24. The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/>

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 330

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Реус С. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: semreus@mail.ru

Проанализированы публикации относительно теорий экономического роста во временном аспекте, разобраны теоретические подходы как основные положения теории экономического роста. Рассмотрен механизм возникновения и систематизации новых теорий как части экономического цикла. Обоснованы предпосылки возникновения новых экономических теорий как путей выхода из социально-экономических кризисов.

Ключевые слова: теории экономического роста, экономический цикл, научно-технологический прогресс, социально-экономические события, новые экономические идеи.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие экономической мысли, появление новых взглядов на теории экономического роста всегда были и остаются объектом внимания и изучения. Именно от того, как исторически сложились определённые обстоятельства в обществе, насколько тесно взаимодействуют между собой экономические субъекты и объекты, зависят дальнейшие направления развития экономики. Практика показывает, что кажущиеся на первый взгляд отдельные события, взгляды и предположения на самом деле взаимосвязаны, обладают причинно-следственной связью, цикличностью, а значит, и возможностью их систематизации, моделирования, анализа и использования в различных областях экономики.

Важность модернизации производств и производственных процессов, дополнения экономических теорий обусловлена их прямой взаимосвязью с уровнем глобализации, интеграции и трансформации развития социально-экономических отношений. Поэтому вопросам теорий экономического роста посвящено множество исследований, которые в совокупности дополняя друг друга, образуют новые идеи, методы, инструменты и теоретические подходы.

С развитием научно-технологического прогресса неизбежно возникают новые реалии, которые требуют реформ и пересмотра экономической мысли. Ведь под развитием обычно подразумеваются перемены к лучшему. Однако возникают ситуации, когда переход на новый уровень сопровождается проблемами, которые необходимо будет решать и которые могут быть связаны с нечётким осознанием происходящих в экономике изменений. Однако, исходя из свойства «цикличности» экономической системы, можно понять, на каком этапе экономического развития находится экономика, каких именно изменений стоит ожидать и, следовательно, быть готовыми к вызовам экономических преобразований.

Теме экономического роста посвящено немало научных трудов как отечественных, так и зарубежных учёных. В особенности данная проблематика стала актуальной для России в аспекте социально-экономического развития. Учёные

Я. П. Силин, Е. Г. Анимица и Н. В. Новикова подчёркивают, что переход России на новый уровень возможен при проведении политики новой индустриализации, в качестве платформы в которой может отражаться «совокупность взаимосвязанных концепций и теорий макро- и микроуровней, включая теории экономического роста, теорию модернизации экономики, теории смены технологических укладов в сопряжении с промышленными революциями, теории инновационного развития, разработки в области институциональной теории» [1, с. 693]. При этом О. С. Сухарев отмечает, что «обоснованное управление ростом требует точной подстройки инструментов макроэкономической политики правительства, направленной на обеспечение должной динамики компонент ВВП, как... стратегический ориентир современной макроэкономической политики должны преобразовываться структурными изменениями, а интеллектуальным концептом новой политики – теория структурных и технологических изменений» [2, с. 73].

Правильно определённые возникающие причины тех или иных проблем в экономике и теоретические подходы по определению основных положений не только помогут преодолеть кризисные явления, они обеспечат новый виток экономического развития, выведут социально-экономическую систему на принципиально новый уровень развития путём перезагрузки.

Целью данного исследования является анализ и практическое использование знаний о современных теориях для прогнозирования экономического роста. В исследовании поставлены следующие задачи:

- сформировать общую картину теорий экономического роста во временном аспекте;
- провести анализ публикаций ведущих зарубежных и отечественных экономистов;
- определить сущностные характеристики эволюционного развития новых теорий экономического роста;
- выявить наиболее значимые социально-экономические изменения, обуславливающие процесс экономического роста в условиях научно-технического прогресса.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Теория экономического роста возникла в экономической науке в процессе изменений в хозяйственной деятельности общества и его потребностей [3, с. 245]. Для того чтобы понять, каким образом устроена взаимосвязь экономической мысли с происходящими событиями и каким образом происходит генерирование новых идей и их систематизация в теории, необходимо рассмотрение их в исторической ретроспективе. Ведь «вопрос о том, наблюдалось ли ускорение НТП в XX в., имеет принципиальное значение для прогнозирования глобального экономического роста в нынешнем столетии» [4, с. 149]. В свою очередь, А. Ф. Бурук также отводит особую роль рассмотрению эволюционной экономики среди теорий экономического роста как новому научному направлению, уделяющему «основное внимание исследованию предметной, содержательной стороны экономической динамики на длительных

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ...

интервалах времени, когда проявляются нелинейные свойства эволюционирующих экономических систем» [5, с. 122].

Современные теории экономического роста сформировались на основе двух главных направлений: неоклассической теории (Ж. Б. Сэя и Дж. Б. Кларка) и неокейнсианской теории макроэкономического равновесия (на основе труда Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости процента и денег»).

В центре неоклассического направления стоит идея оптимальности рыночной системы, рассматриваемой как совершенный саморегулирующийся механизм, позволяющий наилучшим образом использовать все производственные факторы не только отдельному экономическому субъекту, но и экономике в целом. Наиболее известны факторная модель Кобба–Дугласа (показывает взаимодействие и взаимозаменяемость труда и капитала, данный продукт обязан своим созданием тому или иному фактору, при котором их комбинация может достигать максимума продукции при наименьших затратах). Простая односекторная модель экономической динамики Р. Солоу (факторного анализа источников экономического роста) раскрывает взаимосвязь сбережений, накопления капитала и экономического роста. В данной модели объем производства определяется инвестициями, равными национальным сбережениям и потреблением.

В кейнсианстве основной проблемой макроэкономики являются факторы, определяющие уровень и динамику национального дохода, его распределение в условиях формирования эффективного спроса. В соответствии с теорией Дж. Кейнса, размер инвестиций обратно пропорционален размерам потребления и должен быть равным накоплениям населения, что по сегодняшний день является актуальным вопросом для дискуссий в рамках теоретической базы экономического роста. Е. А. Корсакова в статье «Механизм государственного регулирования экономического роста» считает полезными идеи кейнсианцев по достижению устойчивого роста, но при этом указывает на негативные последствия кризиса 2008 года, который обуславливает необходимость поиска «новых форм долгосрочного экономического роста, учитывающих новые условия, к которым относится глобализация экономики» [6, с. 8].

М. А. Козлова рассматривает вклад Дж. Кейнса в саму психологию экономического поведения агентов, от которых зависит вероятность наступления новых кризисов, в связи с чем возрастает степень доверия к идеям Дж. Кейнса [7, с. 8], которые в своё время поспособствовали выходу из социально-экономического кризиса конца 30-х годов XX-го столетия.

Последователи теории Дж. Кейнса образовали новое теоретическое направление, получившее название «неокейнсианство». Основателями, внесшими значительный вклад в развитие данного направления, являются Р. Харрод, Е. Домар и Э. Хансен.

Е. А. Корсакова ссылается на работу Р. Харрода и считает, что сбережения в основном контролируются государством и регулируются процентной ставкой. В свою очередь Е. Домар в своих трудах отмечал, что его цель – «определить условия, необходимые для поддержания полной занятости в течение длительного времени» [8, с. 247].

Отдельным направлением выступает классическая школа, которая планомерно перерастает в новый классический в экономике – неоклассицизм, происходивший параллельно с развитием индустрии, предприятий различных отраслей. Однако данный подход анализирует рынок совершенной конкуренции, которая осуществима лишь на практике, в связи с чем на базе критики неоклассицизма возник институционализм, изучающий поведение экономических субъектов в рамках институтов права, социального поведения, традиций.

Индустриализация прошла эволюционный путь и предшествовала «трансформации историцизма в институционализм» [9, с. 209] – направление социально-экономических исследований, рассматривающих политическую организацию общества как комплекс различных объединений граждан – институций (институты права, семьи и др.). Основателем данного направления считается экономист Т. Веблен. Сам же термин «институциональная экономика» был введён учёным У. Хэмилтоном (Гамильтоном) в статье «Институциональные подходы к экономической теории». Однако, как показывает история, данное направление получило широкое распространение лишь в 70-х годах XX-го века, по сути изучающего формирование постиндустриального общества, когда государство посредством различных социальных «институтов» (традиций, морали, права) оказывает влияние на поведение экономических субъектов и жизнь населения. Институциональный подход в экономике непосредственно влияет на социально-экономическое развитие и экономический рост посредством ряда факторов, которые подразделяются на:

- общецивилизационные;
- социальные и психологические;
- политические;
- экономические [10, с. 35].

Институционалисты внесли большой вклад в изучение структуры рынка, его моделей, анализ социальных процессов и влияния вышеописанных факторов на жизнь общества. Так, Т. Веблен в своём труде «Теория праздного класса» ввёл понятие «демонстративное потребление» как феномен роста спроса на некоторые товары и услуги с повышением цен на них с ростом уровня доходов потребителей. Дж. К. Гэлбрейт фактически подтвердил мнение Т. Веблена и считал, что «общество потребления» приводит к экономическому дисбалансу. В связи с этим возможно появление предпосылок к социально-экономическому кризису. В своём труде «Общество изобилия», а именно в разделе «Теория социального баланса», Дж. Гелбрейт отмечает, что свободная рыночная конкуренция способна создавать социальное неравенство. При этом Дж. Гэлбрейт считал, что необходимо уделять внимание производительному труду. С одной стороны, отечественные учёные сходятся во мнении с Дж. К. Гэлбрейтом. Так, Д. Е. Сорокин и О. С. Сухарев подчёркивают важность формирования сначала производительной базы, а затем уже стимулирования инвестиций: данный курс является оптимальным для России в современных условиях [11, с. 18–19]. С другой стороны, В. П. Четвертакова и И. М. Четвертаков отмечают, что «большинство исследователей в качестве важнейшего фактора экономического роста и развития признают инвестиции в

экономику, необходимые для расширения производства или его обновления с целью повышения производительности» [12, с. 170].

Стоит также отметить важный вывод, сделанный Н. А. Павленко, Е. Н. Акимовой и О. В. Шагаевым: инвестиции следует направлять в ведущие отрасли экономики – это ускоряет сам экономический рост [13, с. 48]. То есть фактически производительная сфера экономики зависит от инвестиций и наоборот. Но важно отметить, что государственное финансирование и регулирование ключевых отраслей экономики имеет решающее значение, поскольку является основой экономического развития, инвестиции носят стимулирующий характер. Актуальная научно-практическая проблема экономической теории выдвигает гипотезу новой теории институционализма, основанной на теории смыслов рациональности, не нарушая теорию «золотого равновесия». В этом смысле невозможно не согласиться с Л. М. Борщ: «Новые тенденции экономической теории раскрывают стратегические направления цифровой трансформации экономики, модернизацию технологических процессов» [14, с. 42], где с развитием экономики развивается кадровый потенциал, как ресурс предприятий.

В свою очередь Г. Мюрдаль обосновывал необходимость стимулирования производительного труда и улучшения условий труда для рабочих, что позволяет повысить эффективность общественного производства и, соответственно, обеспечить экономический рост.

Таким образом, институциональный анализ позволил разработать теорию стадий экономического роста, где в основу периодизации общественного прогресса положено развитие производительных сил, а не смена отношений собственности, как в учении об общественно-экономических формациях.

Неоинституционализм как подход дополняет институционализм понятием права собственности и трансакционных издержек, описанных Р. Коузом. Как отмечает Н. М. Тюкавкин, различия между «старым» институционализмом и неоинституционализмом состоят в фокусе внимания: институционализм направлен на коллективные действия, а неоинституционализм – на независимого индивида. Также автор подчёркивает, что неоинституционализм рассматривает рыночные отношения как универсальные, в то время как институционализм показывает ограниченность рыночной системы хозяйствования [9, с. 211]. По мнению Н. М. Тюкавкина, применяя институциональный подход в экономике, рассматривается функционирование экономической системы, уделяя внимание социальным, политическим, экономическим институтам, где данный подход рассматривается как вид экономического анализа, определяя взаимосвязи и взаимозависимости, установленные законодательством.

Д. Норт считал, что технический прогресс ведёт к изменению цен конечного продукта и, соответственно, влияет на покупательную способность потребителей.

При этом интересным является тот факт, что И. В. Розмаинский прослеживает схожесть взглядов последователей Дж. Кейнса и Д. Норта относительно неопределённости институтов [16, с. 43], что ещё раз указывает на взаимосвязь появления новых взглядов учёных на анализе работ сквозь призму времени.

Таким образом, анализ уже существующих взглядов относительно теорий экономического роста позволяет математически описать их появление в виде схемы на рис. 1.

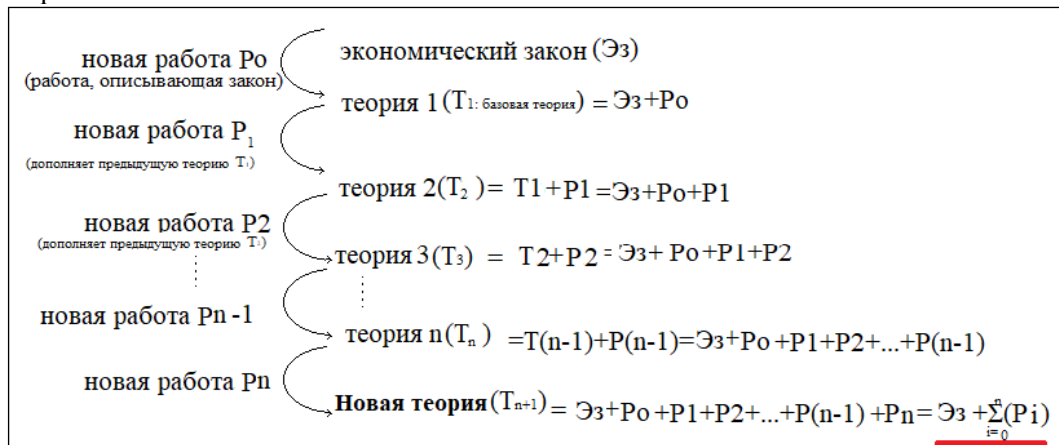

Рис 1. Математическое описание возникновения новых теорий
Источник: составлено автором на основании источников [15, 17]

Из данных рис. 1 видно, что в основе любой экономической теории лежит основной экономический закон (Эз), который когда-то впервые был описан, на основании чего формируется базовая экономическая теория (T_0), которая в последующем подвергается обсуждению, доработке работ друг друга последователями базовой теории. В свою очередь, если представить, что базовая теория на основании выявленного экономического закона дополняется новыми работами учёных « n », в конечном итоге можно сделать важный вывод о том, что любая новая экономическая теория возникает на основании экономического закона и анализе всех предыдущих работ, его описывающих, включая первую его трактовку (P_0).

Таким образом, с изменением мирового хозяйства, наступательной глобализацией, развитием научно-технического и технологического прогресса ретроспективный анализ показывает эволюционный путь развития и возникновение новых характерных особенностей в появлении новых экономических теорий.

Повторяющиеся изменения в экономической системе, сопровождающиеся подъёмом и спадом реального ВВП под влиянием различных факторов, принято называть экономическими циклами [17]. Влияние экономических циклов оказывает непосредственное влияние на перспективы развития национальной экономики [15], а значит, и на экономический рост; на возможность предвидения кризисов, которые, несмотря на «разработанные многочисленные модели, используемые в прогнозировании...повторяются» [18, с. 34]. Новые теории обычно возникают в процессе поиска путей преодоления таких кризисов, нормализации экономики и обеспечения дальнейшего развития, что позволяет сделать вывод о том, что новые экономические теории также возникают циклически, то есть периодически и в зависимости от тех или иных факторов, обуславливающих их появление. Попробуем

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ...

на основании принципа циклического развития описать механизм возникновения новых теорий в экономическом цикле в зависимости от происходящих изменений в обществе (рис. 2).

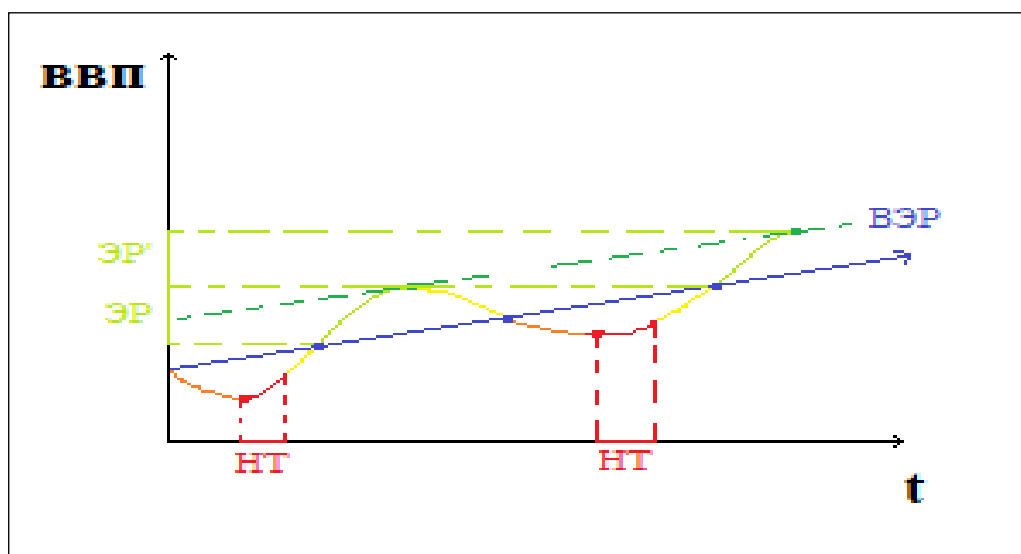

Рис. 2. Возникновение новых теорий в экономическом цикле
Источник: доработано автором на основании источника [15, 18]

Анализируя рисунок 2, наблюдаем замкнутый экономический цикл, который можно рассматривать с двух сторон: первая сторона – это сам процесс повторяющихся этапов развития экономики во временном аспекте, вторая сторона – сопровождающийся процесс роста реального ВВП как основного показателя, характеризующего экономический рост [17]. Начало и конец замкнутого цикла приходится соответственно на возникновение определённой проблемы в системе и предшествующую стадию насыщения экономики. Между этими двумя этапами прослеживается определённый промежуток времени, в течение которого формируются предпосылки (обозначены жёлтым цветом), постепенно приводящие к экономическому кризису (отмечено красным цветом), что также отразится на жизни общества. Стоит отметить, что данные предпосылки имеют постепенно нарастающий характер (отмечено оранжевым цветом), подобно «снежному кому», который рано или поздно под собственным весом разрушается и приводит к определённым последствиям.

В таких условиях «нарастающих» предпосылок функционирование экономики происходит в условиях принятия компромиссов от момента осознания проблемы и до момента, когда проблема перерастает в кризис. Начиная с момента возникновения кризиса, складывается ситуация, когда решение проблемы становится необходимостью для дальнейшего функционирования экономики. Как будет рассмотрено далее, такая «зона необходимости» решения проблемы (красный цвет)

продлится до тех пор, пока сама проблема не будет решена. Именно в «красной области» следует ожидать появления новых экономических теорий (НТ), новых моделей, другими словами, начинает формироваться новая теория экономики знаний.

Далее рассмотрим, каким образом возможен выход из кризиса. Наиболее актуальным подходом будет решение самой проблемы, которая обусловила кризисную ситуацию. Актуальность данного подхода определяется в способах устранения проблемы, однако в сложившихся условиях наступательной глобализации экономика как целостная система и возникшая проблема неизбежно влияют на всю систему всех сфер, следовательно, изменяется вся система и её состояние. В таком случае, не учитывая изменения в самой системе, то есть без учёта новых изменений в ней, одношаговое решение проблемы маловероятно.

В результате структурных преобразований в экономике происходит процесс, сопровождающийся как негативными, так и позитивными явлениями, который получил название «созидательное разрушение». Данное понятие впервые в 1942 году популяризировал Й. Шумпетер в книге «Капитализм, социализм и демократия», в которой описывает его как процесс, сопровождающийся получением новых реалий, идей к решению проблемы, которые способствуют нормализации экономики, стимулируют дальнейший экономический рост и выход экономики на новый технологический уклад. Действительно, в процессе поиска решения проблемы очень часто появляются идеи, которые могут не только преодолевать кризис, но и сделать вновь сложившуюся ситуацию лучше, то есть повысить уровень жизни общества [14, 19]. Сами же процессы «созидательного разрушения» «исходят от новых потребностей, трансформации сопровождаются глобальными инновациями и требуют инвестиций» [20, с. 729].

Новые появившиеся идеи неизбежно проходят проверку экономической системой на практичность, то есть выявляется степень полезности таких идей. Их внедрение по своей сущности сравнимо с коммерциализацией инновационного продукта, который проходит:

- концептуализацию, вход которой составляют фундаментальные разработки НИР, позволяющие обосновать идею нового продукта;
- проверку технической осуществимости;
- проверку промышленного применения, в ходе которого создаются материально-технические и организационно-управленческие условия производства нового продукта. [21, с. 459].

Подобным образом проходят на практике и новые экономические идеи. В случае, если моделирование ситуации с применением предложенных решений показывают положительный социально-экономический эффект, то новые идеи принимаются, систематизируются в новые экономические теории и интегрируются в жизнь общества. В случае выявления определённых недостатков идей, они отправляются на доработку. А. Ю. Веретенникова и Ж. К. Омонов пришли к выводу что «формы социальных инноваций носят стимулирующий характер и направлены на ликвидацию провалов общественного сектора» [22, с. 93]. Таким образом, возникновение новых идей направлено на улучшение уровня жизни населения. Е. Э. Головчанская, Е. И. Стрельченя и Е. С. Петренко уделяют особое внимание

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ...

влиянию интеллектуального ресурса на экономический рост и наглядно описывают механизм воспроизводства интеллектуального ресурса, а именно устанавливают его взаимосвязь с интеллектуальным потенциалом и капиталом [23, с. 1603].

Также можно заметить, что подобно ранее описанным предпосылкам, возникшими в процессе появления проблемы и до состояния кризиса, прослеживаются также и предпосылки нормализации экономической системы от момента возникновения новых идей, что также отражено на рисунке 2.

В тот момент, когда проблема находит своё решение, система переходит в состояние комфорта и пересекает вектор экономического развития (ВЭР, обозначен синим цветом), которое до следующего кризиса в дальнейшем будет сопровождаться экономическим ростом и развитием системы. Особое внимание функционирования системы наблюдается в двух противоположных стадиях экономического цикла: в первом случае, как уже было отмечено ранее, развитие было вынужденным и необходимым для решения возникшей проблемы; в случае, когда экономика нормально, стабильно функционирует, появляются уже положительные стимулы для роста, которые будут продолжаться до стадии «насыщения». Итак, задача определения предпосылок и описание механизма возникновения новых теорий достигнута.

М. А. Канева и Г. А. Унтура подчёркивают, что «в каждой национальной инновационной системе отчетливо прослеживаются территориальные различия в результативности инновационной деятельности» [24, с. 10]. Данные исследователи также обращают внимание на статью Я. Фагерберга и М. Шролека, посвященной изучению системного подхода, где с использованием инструментария факторного анализа индикаторы группируются ими в 4 фактора:

- инновационная система;
- управление;
- политическая система;
- открытость экономики [25, с. 7].

С. Н. Бобылев отмечает, что «инвестирование является важным инструментом, поддерживающим переход к устойчивому развитию, способствующим достижению его целей и задач» [26, с. 62].

В свою очередь, Е. В. Борисова отдаёт предпочтение системному подходу и рассматривает инновационную экономику как сложную систему, состоящую из взаимосвязанных между собой общественных, экономических, социальных отношений [27, с. 80].

В процессе исследования технологического развития регионов подчёркивается, что «инновационный потенциал выражается во взаимозависимостях и взаимосвязях с ресурсами, и только комплексное их использование обеспечивает результативность, которая достигается при помощи ресурсного подхода» [28, с. 196]. Таким образом, можно сделать вывод, что сочетание интеллектуального потенциала регионов как своего рода важного ресурса с инновациями посредством комплексного системного подхода поспособствует обеспечению наиболее положительного социально-экономического эффекта.

В настоящее время предметом многих дискуссий в обществе является цифровизация экономики, затрагивающая разные сферы деятельности общества: трудовые отношения, торговля, законодательство и сопровождающие их процессы [29, 30]. То есть происходит постепенный переход на новый уровень технологического развития, что связано с глобализацией национальных экономик различных стран, развитием и внедрением новых компьютерных технологий. Данный процесс является новым витком научно-технического прогресса, и современное общество находится в условиях, когда экономическая система нуждается в появлении новых технологий, их технологической систематизации и внедрении на практике. Однако необходим глубокий анализ таких идей на практичность.

В качестве примера можно привести технологию «блокчейн», предполагающую перевод материальных носителей в единую электронную систему, элементы которой взаимосвязаны между собой, хранят память каждого совершённого действия в цифровом коде и обеспечивают полную прозрачность системы. Однако внедрение на практике повысит риск информационной безопасности, поскольку в эпоху цифровых технологий сохраняется высокая вероятность несанкционированного доступа к персональным данным пользователей такой системы. В то же время, если обеспечить стабильное и безопасное функционирование такой системы, то на практике открываются новые возможности для экономических субъектов различных уровней. Так, В. А. Князева рассматривает данную технологию как новый подход к эффективному менеджменту компании, она «организована таким образом, что этапы выполнения задач каждым пользователем системы видны руководству и проектным группам, данная программа–организатор способна в большом объёме систематизировать деятельность компании и сократить документооборот» [30, с. 346]. С другой стороны, автор обращает внимание на важные моменты, которые стоит изучить:

- отсутствие полноценной законодательной базы;
- отсутствие квалифицированных кадров, способных работать в самой системе и заниматься её обслуживанием;
- неготовность людей принять новую реальность в функционировании организаций.

В статье «Политическая экономия устойчивого развития» Д. Е. Сорокин приходит к заключению, что «успешность реализации любой стратегии зависит не только от ее научной выверенности, но и от восприятия ее обществом» [31, с. 38]. Действительно, готовность людей к переменам имеет важное стратегическое значение [32]. Роль государства состоит в том, чтобы решить данные проблемы посредством эффективного контроля такого перехода к новому уровню экономического развития, поскольку население, генерирующее новые идеи современных теориях, рассматривается в качестве главного источника экономического роста [33, с. 196]. Люди определяют содержание и этапы социально-экономического развития [34, с. 161], поэтому важным условием, необходимым для перехода на новые стандарты, является информирование и обучение населения новым технологиям и способствованию пониманию происходящих преобразований.

В зарубежных странах широкое распространение получило повышение цифровой грамотности, где учитывается как демографическая ситуация в стране в целом, так и определённый круг людей, а существующая политика направлена на обучение общества новым технологиям. В свою очередь, стимулирующим инструментом экономической политики в области регулирования бизнеса являются налоговые стимулы или льготы для приобретения инновационного оборудования предприятиями. Стоит отметить, что данная политика, направленная на развитие новых технологий, способна благоприятствовать оптимальному развитию бизнеса в сочетании с учебными курсами и тренингами для предпринимателей. Учёные Г. А. Орлова и А. К. Марков придерживаются мнения, что для выхода России на инновационный путь развития по возможности необходимо сохранять взаимосвязь отечественной экономики с глобальной экономической системой [35, с. 21]. Так, в России подобная практика нашла применение относительно свободных экономических зон с целью развития малого и среднего предпринимательства. Реализация программ по внедрению новых технологий требует изменений в трудовом законодательстве и, соответственно, ознакомления с новыми должностными инструкциями работников. Данные изменения должны способствовать прозрачности и правомерности проводимых операций на предприятиях. Автоматизация производства снижает затраты на человеческий труд, а также снижает риск допуска ошибок. Однако, как отмечает ведущий экономист Д. А. Веселов, «в условиях открытой экономики развивающиеся страны не обязаны проходить точно такие же стадии роста, что и развитые страны, так как находятся в иных условиях – в контексте взаимодействия с развитыми странами» [36, с. 179]. Действительно, несмотря на схожий характер развития рыночных отношений, каждая страна имеет особенности своей экономики, которые необходимо учитывать при переходе на новый уровень социально-экономического развития.

Наиболее благоприятным вариантом перехода к новым технологиям будет внедрение технологий с непосредственным участием человека, исполняющего контролирующую функцию, ведь электронная система подвержена сбоям, и в случае неполадок без вмешательства человека не обойтись, поэтому необходимы высокопрофессиональные кадры. Наиболее оптимистичным вариантом перехода на следующий технологический уровень развития является создание высоко технологических рабочих мест, то есть достичь высокого уровня экономической пользы возможно на стадии модернизации производств, применяя инновационную политику, основанную на экономическом росте в условиях нормального функционирования экономической системы.

Важно отметить, что структурные изменения в экономике неизбежно происходят по мере состояния экономической системы в определённом цикле. С. Ю. Румянцева отмечает, что «в практике современных стратегий развития экономики России принят подход, основанный на понимании важности структурных сдвигов для инновационно-технологического развития. При этом остается только максимально точно рассчитывать время на шкале экономических циклов, пригодное для совершения инновационных рывков» [37, с. 94]. Экономическую трансформацию как совокупность взаимосвязанных друг с другом структурных сдвигов

(технологических, ресурсных, организационно-поведенческих и институциональных) рассматривает А. В. Мартынов [38, с. 10]. Российский учёный О. С. Сухарев приходит к выводу, что «чем выше скорость сдвигов в экономике и их глубина, тем ниже темп экономического роста. Стратегия опережающего развития для России должна сводиться к поиску сочетания между стимулированием инноваций и воссозданием классических или консервативных производств, что само по себе создаст дополнительный спрос на новые технологии» [39]. То есть для России переход на новый уровень экономического развития будет наиболее благоприятен на основе уже состоявшейся технологической инфраструктуры. А. А. Илюхин и Е. А. Корсакова отмечают важность системного подхода при подготовке стратегии и тактики реформирования экономики, рассматривая «четкую постановку проблемы реформирования, определение методов, условий и сроков проведения реформы» [40, с. 174]. Для более чёткой работы по учёту новых идей А. В. Жаворонкин предлагает «создание межведомственной платформы по вопросам развития экономики знаний и поддержке инновационных элементов экономики, способных к генерации знаний, для повышения темпов и качественных показателей экономического роста» [41, с. 106–107].

Важной особенностью при осуществлении экономического развития является сама реализация возникающих идей во избежание «институциональной ловушки», то есть ситуации, когда при наличии инвестиционных ресурсов не удаётся реализовать инвестиционные ресурсы [42, с. 17]. Знания тоже можно рассматривать как инвестиции, использование которых способно обеспечить положительный социально-экономический эффект при разработке новых взглядов на формирование новых идей экономического роста. Как отмечает В. В. Парамонов, «социальная ориентация обеспечивает подготовку трудовых ресурсов соответствующего уровня, необходимого для осуществления инноваций требуемого качества» [43, с. 54], поэтому существуют все стимулы предпосылки для рождения новых идей развития российской экономики.

А. Д. Леванов отмечает, что модернизация российской экономики должна учитывать хозяйственные особенности государства, его менталитет [44, с. 77].

Ю. В. Развадовская и А. А. Марченко уделяют особое внимание юридическому сопровождению инновационной деятельности и приводят динамику количества принятых нормативно-правовых актов, содержащих нормы в отношении инновационной деятельности, из которой прослеживается их существенный рост (более 100 документов в 2012 году и более 600 в 2017 году) [45, с. 55]. Юридическое оформление новых экономических идей (в виде патентов) также важно, поскольку оно отражает уровень исследовательской деятельности населения и позволяет анализировать такую активность как количественно в динамике, так и качественно.

При структурных изменениях экономики актуален вывод Е. А. Радионовой о том, что для обеспечения безопасного развития экономики «необходимо осуществление последовательной, проработанной государственной политики» [46, с. 24].

Подводя итог, можно сказать, что стимулирование инновационной и исследовательской деятельности позволит систематизировать накопленные знания в

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ...

новые теории и осуществлять их практическое применение через формирование новых подходов для решения поставленных задач.

ВЫВОДЫ

Таким образом, учитывая выше сказанное и проанализировав труды отечественных и зарубежных учёных, можно сделать вывод о том, что исторически сложившаяся экономическая система:

- динамично развивается под влиянием научно-технического прогресса;
- обладает свойством цикличности и периодически проходит определённые этапы роста и спада, в процессе чего возникают новые теории экономического роста, направленные на выявление и решение проблем социально-экономического характера;
- является неотъемлемой частью определённого экономического цикла, обуславливая предпосылки для перехода на новый уровень технологического прогресса и последующего экономического роста.

Описан механизм возникновения новых теорий в экономическом цикле, который базируется на процессах развития общества, замкнутости экономических циклов, способных изменяться во времени с одновременным ростом ВВП как основного показателя, что становится предпосылкой изменения системы и началом формирования нового цикла.

Выявлена научная новизна исследования. Так, ретроспективный анализ показывает, что под влиянием различных факторов, сопровождающихся подъёмом и спадом реального ВВП, в экономической системе происходят повторяющиеся изменения: их принято называть экономическими циклами. Развитие теорий экономического роста осуществляется эволюционным путем с изменением мирового хозяйства, наступательной глобализацией, развитием научно-технического и технологического прогресса. В процессе развития теорий экономического роста возникают новые характерные особенности в экономической системе, до этого не известные в теоретической и практической экономике: это требует новых методологических институциональных подходов с целью вычисления циклов, снижения рисков транзакций.

Список литературы

1. Силин Я. П., Анимидза Е. Г., Новикова Н. В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 684–696 [Электронный ресурс]. URL: http://economyofregion.ru/Data/Issues/ER2017/September_2017/ERSeptember2017_684_696.pdf
2. Сорокин Д. Е. Политическая экономия устойчивого развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 20–33
3. Сухарев О. С. Экономический рост быстро изменяющейся экономики: теоретическая постановка // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 2. С. 359–370 [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/Sukharev_ER_2016_2.pdf
4. Князева В. А. Блокчейн–технология как новый подход к эффективному менеджменту компании // Менеджмент современных технологий в интегрированных структурах: материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2018. Орел. С. 344–349.
5. Бурук А. Ф. Сущность и виды экономического развития, инновационная составляющая в обеспечении экономического роста // Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и

- современность»: сб. материалов в 4 т. Т. 1. Новосибирск: СГУГиТ, 2015. С. 117–123 [Электронный ресурс]. URL: geosib.sgugit.ru/wp-content/uploads/kongress/Sborniki/2015/Глобальные-процессы-в-региональном-измерении-Т.1.pdf
6. Корсакова Е. А. Механизм государственного регулирования экономического роста // Economics 2016. № 5 (14). С. 6–8 [Электронный ресурс]. URL: <https://economic-theory.com/images/PDF/2016/14/Economics-5-14.pdf>
7. Козлова М. А. Вклад Дж. М. Кейнса в анализ психологических мотивов экономического поведения // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 3 (48). С. 188–195 [Электронный ресурс]. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/017_kozlovama.pdf
8. Теняков И. М. Развитие основных подходов в теории экономического роста // Журнал экономической теории. № 3 2016, С. 245–252 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uiec.ru/content/zhurnal2017/JET/21iTenyakovi3i16.pdf>
9. Тюкавкин Н. М. Систематизация теоретических основ неoinституционализма // Вестник Самарского государственного университета. Серия «Экономика и управление». 2015. № 9/1 (131). С. 209–216.
10. Буркальцева Д. Д., Борщ Л. М., Воробьев Ю. Н., Герасимова С. В., Блажевич О. Г. Формирование методологических основ институциональной модернизации государственной модели управления: монография. Симферополь: ПОЛИПРИНТ, 2018. 234 с.
11. Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Экономический рост: от неоклассики к институциональным трактовкам // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2016. № 4 (31). С. 7–21 [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/2016/Sorokin_Sukharev.pdf
12. Четвертакова В. П., Четвертаков И. М. К теории экономического роста и развития // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2016. № 1 (48). С. 166–172 [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.vsau.ru/wp-content/uploads/2016/05/166-172.pdf>
13. Павленко Н. А., Акимов Е. Н., Шагаевой О. В. О национальной научно-технической стратегии роста // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 3. С. 43–49. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/751/661>
14. Борщ Л. М. Модернизация экономики: технологии vs человек // Известия Уральского государственного экономического университета. 2018. Т. 19, № 3. С. 42–52 [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.usue.ru/images/download/77/5.pdf>
15. Тебекин А. В., Серяков Г. Н. Влияние динамики циклов экономической активности на перспективы развития национальной экономики // Проблемы современной экономики. 2015. № 1 (53) С. 34–38 [Электронный ресурс]. URL: http://www.m-economy.ru/articles_pdf/53/PSE_53_p34_38.pdf
16. Розмаинский И. В. Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь? // Journal Of Institutional Studies. Vol. 8, № 3. 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hjournal.ru/files/JIS_8_3/JIS_8.3_2.pdf
17. Матвеева Т. Ю. Экономические циклы, их виды и причины возникновения. Показатели экономического цикла // Макроэкономика: Курс лекций для экономистов, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ereport.ru/articles/macro/macro11.htm>
18. Любушин Н. П., Бабичева Н. Э., Лылов А. И., Гуртовая И. Н. Генезис закона циклического развития // Финансы и кредит. 2016. № 48 (720). С. 28–45.
19. Анисимова Ю. А., Лядов А. А. созидательное разрушение как фактор экономического роста // Вестник Ивановского государственного университета Серия «Экономика». 2016. Вып. 4 (30). С. 6–10.
20. Борщ Л. М., Герасимова С. В., Тюлин А. С. О вопросах трансформации экономики и модернизации технологических процессов в России // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 6. С. 717–732 [Электронный ресурс]. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/39206>
21. Сагдатова Г. Я., Кошегулова И. Р. Модели экономического роста // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 456–459 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/149/42004/>
22. Веретенникова А. Ю., Омонов Ж. К. Разработка и внедрение социальных инноваций в гражданском обществе // Журнал экономической теории, Институт экономики уральского отделения Российской академии наук. 2018. № 1. С. 84–95. [Электронный ресурс]. URL: http://www.uiec.ru/content/zhurnal2018/JET_01_18/09iVeretennikova.pdf

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРИЙ...

23. Головчанская Е. Э., Стрельченя Е. И., Петренко Е. С. Оценка влияния интеллектуального ресурса на экономический рост // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 10. С. 1599–1618 [Электронный ресурс]. URL: <https://creativesconomy.ru/lib/39511>
24. Канева М. А., Унтура Г. А. Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязями экономического роста, науки и инноваций (часть 1) // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17. № 4. С. 5–21.
25. Канева М. А., Унтура Г. А. Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязями экономического роста, науки и инноваций (часть 2) // Мир экономики и управления. 2018. Т. 18. № 1. С. 5–17.
26. Бобылев С. Н., Горячева А. А. Устойчивое развитие: цели и инвестиции // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 61–64 [Электронный ресурс]. URL: http://siv74.ru/images/downloads/arhiv-nomerov/2017/SiV_5_67_2017.pdf
27. Борисова Е. В. Этапы становления и развития концепций инновационного развития экономики // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2016. Т. 10. № 1. С. 76–82 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/view/5590/4835>
28. Борщ Л. М., Герасимова С. В. Пространственная модель инновационного технологического регионального развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Том 11. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2018/4/14_borsch.pdf
29. Петров А. А. Цифровизация экономики: проблемы, вызовы, риски // Торговая политика. Trade policy. 2018. № 3 (15). С. 9–31 [Электронный ресурс]. URL: [https://tradepolicyjournal.hse.ru/data/2018/11/10/1141360000/Zhumal_Trade_policy_3\(15\)_2018_WEB.pdf](https://tradepolicyjournal.hse.ru/data/2018/11/10/1141360000/Zhumal_Trade_policy_3(15)_2018_WEB.pdf)
30. Свистунов В. М., Лобачев В. В. Трудовые отношения в условиях цифровизации экономики // Управление. 2017. № 4 (18). С. 29–33 [Электронный ресурс]. URL: upravlenie.guu.ru/wp-content/uploads/sites/18/2017/10/Управление-4.pdf
31. Сорокин Д. Е. Политическая экономия устойчивого развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5 (73). С. 20–33.
32. Шаладин В. А. Человеческий фактор в российском экономическом цикле // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 17–20.
33. Петров М. Б., Курушина Е. В., Дружинина И. В. Институциональный отклик региональных социально-экономических систем на инвестирование в приращение человеческого капитала: методика оценки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. Том 11. № 3. С. 195–214 [Электронный ресурс]. URL: <http://esc.vscs.ac.ru/article/2674/full>
34. Семченко А. И. Концепции экономического развития в экономической науке // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2015. № 2 (89). С. 158–163 [Электронный ресурс]. URL: http://vesti.gsu.by/2015/vesti_gsu_2015_2.pdf
35. Орлова Г. А., Марков А. К. Экономический рост: теория и практика // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 7. С. 3–22 [Электронный ресурс]. URL: [http://www.rfej.ru/rvv/id/2003E6E8B/\\$file/3-22.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/2003E6E8B/$file/3-22.pdf)
36. Веселов Д. А. Теория экономического роста: новые методы и возможности // Журнал НЭА. 2017. № 2 (34). С. 176–181 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.econorus.org/repec/journal/2017-34-176-181r.pdf>
37. Румянцева С. Ю. Инновации и экономическое поведение в современных моделях экономического роста и современной экономике // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент». 2015. Т. 9, № 2. С. 89–96 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.susu.ru/em/article/viewFile/3930/3529>
38. Мартынов А. В. К вопросу об универсальной теории экономической системной трансформации // Общество и экономика. 2018. № 4. С. 5–30 [Электронный ресурс]. URL: https://inecon.org/docs/2018/Martynov_SE_4_2018.pdf
39. Сухарев О. С. Некоторые проблемы теории экономического роста // Вестник Финансового университета. 2017. Вып. 3. С. 61–74 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fa.ru/org/div/edition/vestnik/journals/2017%20%E2%84%963.pdf>
40. Илюхин А. А., Корсакова Е. А. Реформирование экономики: теоретико-методологический аспект // Журнал экономической теории, Институт экономики уральского отделения Российской академии наук. 2018. № 2. С. 172–176 [Электронный ресурс]. URL: http://www.uiac.ru/content/zhurnal2018/JET_02_18/01iilyuhin.pdf

41. Жаворонкин А. В. Знания как базовый фактор экономического роста в условиях перехода к неоиндустриальной парадигме // Креативная экономика. 2016. Том 10. № 2. С. 89–110 [Электронный ресурс]. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/34995#html>
42. Борщ Л. М., Воробьев Ю. Н., Герасимова С. В. Институциональная поддержка государственного инвестиционного и инновационного развития // Инновации и инвестиции. 2015. № 3.
43. Парамонов В. В. Реализуемая модель социального развития России и экономический рост // Вестник РУДН, серия Социология, январь 2016, том 16, № 1. С. 50–58 [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6525/5978>
44. Леванов А. Д. Теория модернизации экономики: от истоков к современному осмыслению // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2016. № 2. С. 73–78 [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik-pses.kemsu.ru/en/nauka/article/23538/view>
45. Развадовская Ю. В., Марченко А. А. Модернизация российской экономики: трансформация отношений собственности, институциональные изменения и интеллектуальная собственность // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 43. С. 43–64 [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/economy/&journal_page=archive&id=1776
46. Радионова Е. А. Направления обеспечения безопасного экономического развития современной России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 37. С. 17–25 [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/economy/&journal_page=archive&id=1544&article_id=34209

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 336.2

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДОЛГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» И «ДОЛГОВАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ»

Рогатенюк Э. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: elana2005@mail.ru

Наличие государственного долга неизбежно вызывает проблему обеспечения долговой безопасности – определенного уровня внутренней и внешней задолженности, оптимального соотношения между ними. Исходя из важности данной проблемы, в статье уточнено экономического содержания понятий «долговая безопасность» и «долговая устойчивость», что позволило выбрать показатели долговой устойчивости и критерии их оценки; классифицировать субъекты по группам долговой устойчивости и обосновать мероприятия по отношению к ним.

Ключевые слова: государственный долг, долговая устойчивость, долговая безопасность, индикаторы, пороговые значения индикаторов.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях роста дефицита государственного бюджета и ужесточения санкций по отношению к структурообразующим компаниям и системным банкам России важна способность финансовой системы страны своевременно и в оптимальных объемах мобилизовать финансовые ресурсы на внутреннем и/или внешнем рынке. Данные ресурсы необходимы для финансирования региональных социальных программ и программ развития, модернизации экономики страны.

Однако активизация заемно-долговой деятельности неизбежно приводит к нарушению долговой устойчивости субъектов Российской Федерации и образованию государственного долга и в конечном итоге вызывает проблему обеспечения долговой безопасности.

Теоретическую основу данного исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых–экономистов, рассматривающих различные аспекты обеспечения долговой безопасности на макроэкономическом уровне: К. В. Вышковского [1], М. С. Горидиенко [2], А. А. Пороховского [3], В. М. Кулькова [4], В. В. Кулик, В. А. Майоровой и С. А. Зубковой [5], Ю. К. Цареградской [6], С. А. Элларян и С. Н. Куцрин [7] и многих других.

Однако в работах вышеназванных ученых не разграничиваются по содержанию такие понятия, как «долговая устойчивость» и «долговая безопасность», что вызывает определенные трудности при выборе показателей долговой устойчивости и критериев их оценки; классификации субъектов–заемщиков по группам долговой устойчивости и обосновании мероприятий по отношению к ним.

Важность затронутых проблем и недостаточность их разработки обусловили выбор темы данного исследования и определили цель – выявить причинно-следственную зависимость между задолженностью, займом (кредитом), долгом, долговой устойчивостью и долговой безопасностью, что позволит уточнить и

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДОЛГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»...

разграничить экономическое содержание понятий «долговая безопасность» и «долговая устойчивость».

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По мнению коллектива авторов [8, с. 228–229], необходимо различать два понятия:

- долг (англ. debt) – денежная сумма, взятая в займы на срок на определенных условиях; статичное понятие, фиксированный параметр, определяющий запасы денежных средств на определенную дату;
- задолженность (англ. indebtedness) – сумма прироста чистой задолженности за прошлые периоды плюс первоначальная сумма задолженности; динамичное понятие, измеряемое меняющимся во времени денежным потоком.

Что же касается государственного долга, то он определяется как «сумма прямых обязательств органов государственного управления перед экономическими субъектами других секторов экономики (резидентами) и зарубежными кредиторами» [8]; «долговые обязательства Правительства РФ перед физическими и юридическими лицами, иностранными государствами, международными государствами и иными субъектами международного права» [9, с. 193–194]. В этом же контексте рассматривают государственный долг А. М. Бабич и Л. Н. Павлова, подчеркивая при этом, что «долг обеспечивается всем находящимся в федеральной собственности имуществом, составляющим государственную казну» [10, с. 430].

То есть, различие между долгом и задолженностью в государственном секторе экономики можно трактовать так: государственный долг, достигнувший определенной величины, превращается в мультипликатор собственного роста. В результате роста государственной задолженности сумма выплат по процентам увеличивается намного быстрее, чем растет сам долг. Задолженность – это произвольное от долга явление, отличающееся кумулятивным эффектом, поскольку выступает результатом накопления долгов и платежей по их обслуживанию. Другими словами, задолженность – это начальная сумма долга с накопленной суммой прироста процентов и чистой текущей суммы новых заимствований. В конечном итоге прослеживается взаимосвязь и трансформация разных по природе экономических понятий: заем (кредит), долг и задолженность, которые, в свою очередь, порождают с позиции должников и кредиторов общие проблемы займов, долгов и долговой зависимости.

Согласно Бюджетному кодексу РФ, к государственному долгу относятся: «долговые обязательства Российской Федерации перед физическими и юридическими лицами Российской Федерации, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями, иностранными государствами, международными финансовыми организациями, иными субъектами международного права, иностранными физическими и юридическими лицами, возникшие в результате государственных заимствований Российской Федерации, а также долговые обязательства по государственным гарантиям, предоставленным Российской Федерацией, и долговые обязательства, возникшие в результате принятия

законодательных актов Российской Федерации об отнесении на государственный долг долговых обязательств третьих лиц, возникших до введения в действие настоящего Кодекса» [11]. «Институт государственного долга Российской Федерации в структуре федерального бюджета закрепляется и регулируется нормативными правовыми актами в двух аспектах: 1) как источник финансирования дефицитов бюджетов; 2) как вид расхода бюджетов. Подобное закрепление и регулирование представлено Бюджетным кодексом РФ и федеральными законами о бюджете на определенный финансовый год и плановый период» [6, с. 69].

Главной причиной государственного долга страны является дефицит ее бюджета, для покрытия которого государство может выбирать следующие источники финансирования: 1) денежную эмиссию, что запрещается законодательством многих экономически развитых стран, в том числе и РФ; 2) долговое финансирование, осуществляемое посредством внешних и внутренних заимствований, в результате чего и формируется государственный долг. То есть, в общем, государственный долг – это задолженность, накопившаяся у Правительства в результате заимствования денег для финансирования прошлых бюджетных дефицитов [2].

В случае если страна в силу объективных обстоятельств не выполняет обязательства по государственному займу (не своевременно оплачивает проценты или сумму основного долга) наступает дефолт (обычный или технический). Обычный (простой) дефолт – официальное признание государства–должника неспособности исполнять долговые обязательства перед кредиторами по факту отсутствия денежных средств. Обычный дефолт может быть двух видов: 1) перекрестный дефолт – характеризуется последовательной просрочкой долговых обязательств; 2) суверенный дефолт – неспособность государства выполнять ни внутренние, ни внешние долговые обязательства. Однако наличие значительных сумм государственного долга может свидетельствовать о наличии долгового кризиса, но не о долговом банкротстве страны. Речь может идти о техническом дефолте – нарушении долгового соглашения или оплошности технического характера при фактической возможности государства–заемщика исполнить свои обязательства перед кредиторами [12].

Если же правительство отказывается от договора займа и выплаты процентов или суммы основного долга, то это свидетельствует о долговом банкротстве страны или фактическом дефолте. В словаре иностранных слов дефолт трактуется как «один из методов восстановления бюджетного равновесия, состоящий в отказе государства от обязательств по госдолгу» [13]. А. А. Пороховский определяет фактический дефолт как открытую форму долгового банкротства страны и его составную часть, «поскольку заем – один из источников формирования государственного долга, а в случае невыполнения его условий, государственного банкротства» [3, с. 54].

Необходимо отметить, что «долговая проблема как экономическая реальность и объект научного анализа имеет две стороны. Во-первых, это чисто экономические аспекты долга: дополнительное финансирование экономического развития, покрытие дефицита бюджета, расширение фондового рынка, взаимосвязь последнего с денежно-кредитным рынком, «эффект вытеснения», «управление долгом» и целый ряд конкретных финансово-экономических проблем. Во-вторых, это существенное

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДОЛГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»...

влияние долга на национальную экономическую безопасность, т. е. на способность страны выдержать и сократить долговое бремя, сохранить финансовый и общеэкономический суверенитет, не допустить разрастания кризисных процессов, снижения национальной конкурентоспособности, усиления диспропорций в развитии регионов и т. п.» [4, с. 42]. В этой связи объективно необходимым является уточнение содержания понятий «долговая устойчивость» и «долговая безопасность».

В. В. Кулик, В. А. Майорова и С. А. Зубкова определяют долговую безопасность как «уровень государственной задолженности, при котором страна способна осуществлять устойчивое функционирование финансовой системы и национальной экономики в целом. Долговая безопасность страны должна обеспечивать эффективное использование государственных займов в национальных интересах, своевременно выплачивать и не допускать долговые обязанности, сохранять финансовый, экономический и политический суверенитет и независимость страны» [5].

По мнению С. И. Юрия и В. М. Федосова, долговая безопасность представляет собой «определенный уровень государственной внутренней и внешней задолженности с учетом стоимости ее обслуживания и эффективности использования внутренних и внешних заимствований и оптимальное соотношение между ними, достаточный для решения неотложных социально-экономических потребностей, позволяющий сохранить устойчивость финансовой системы страны к внутренним и внешним угрозам, обеспечить относительную независимость государства, сохраняя при этом экономическую возможность страны осуществлять выплаты на погашение основной суммы и процентов без угрозы потерять суверенитет, одновременно поддерживая надлежащий уровень платежеспособности и кредитного рейтинга» [8, с. 480].

В. М. Кульков в своей работе приводит определения, но четко не разграничивает два понятия:

- долговая безопасность страны – «такое состояние (уровень) государственной задолженности, при котором страна способна осуществлять устойчивое функционирование финансовой системы и национальной экономики в целом, обеспечивая одновременно эффективное использование государственных заимствований в национальных интересах, своевременную выплату долгов (как основной суммы, так и процентов), недопущение критического накопления долгового бремени, сохранение финансового суверенитета, экономической и политической независимости страны» [4, с. 43];

- долговая устойчивость экономики страны – «способность страны выдержать и сократить долговое бремя, сохранить финансовый и общеэкономический суверенитет, не допустить разрастания кризисных процессов, снижения национальной конкурентоспособности, усиления диспропорций в развитии регионов и т. п.» [4, с. 42].

По нашему мнению, с точки зрения причинно-следственной зависимости, на первом месте находится государственный долг, затем – долговая безопасность и только потом следует долговая устойчивость. Долговая устойчивость находится в

прямой зависимости от объема государственного долга, размеры которого определяют долговую безопасность страны.

Оценка долговой устойчивости осуществляется на основе показателей долговой безопасности, поэтому результирующим фактором является государственный долг. Степень долговой устойчивости страны определяется на основе соотношения фактических и нормативных значений индикаторов долговой безопасности. На этой же основе происходит отнесение страны к группе заемщиков с высокой, средней или низкой долговой устойчивостью.

Показатели долговой безопасности, методики их анализа и результаты оценки применительно к РФ рассмотрены нами ранее в работе [14]. В данном исследовании остановимся лишь на показателях–индикаторах, предлагаемых Всемирным банком для оценки долговой устойчивости страны (табл. 1).

Таблица 1

Классификация стран по уровню внешней задолженности

Уровень дохода	Индикаторы долговой безопасности страны		
	NPV/XGS>220 % NPV/GNI>80 %	132 %<NPV/XGS<220 % 48 %<NPV/GNI<80 %	NPV/XGS<132 % NPV/GNI<48 %
Низкий – ВВП на душу населения 765 долл. США	Страны с большим долгом	Страны с умеренным долгом	Страны с небольшим долгом
Средний – ВВП на душу населения 9386 долл. США	Страны с большим долгом	Страны с умеренным долгом	Страны с небольшим долгом

В данной методике оценивается только внешняя задолженность страны на основе двух индикаторов: 1) отношение внешней задолженности к ВВП (NPV/XGS); 2) отношение внешней задолженности к экспорту товаров и услуг (NPV/GNI). Такой подход обусловлен тем, что информация о внешнем долге и расходах на его обслуживание очень важна для управления текущими валютными операциями, всем долгом и планирования стратегии внешних займов. «На детальном уровне такая информация позволяет правительственному органу следить за тем, чтобы каждому кредитору был своевременно осуществлен надлежащий платеж, на агрегированном уровне она нужна для оценки текущих потребностей в иностранной валюте, для проектирования будущих платежей по обслуживанию долга, для оценки последствий новых внешних займов и для управления внешними рисками» [15]. Данная методика широко используется большинством стран для оценки внешней задолженности, однако для оценки долговой устойчивости субъектов страны она не пригодна.

В статьях 106, 107, 111 Бюджетного кодекса РФ предусмотрен подход к оценке долговой устойчивости субъектов федерации и местных органов самоуправления. В 2016 году Минфином РФ было предложено внести в данный документ изменения в части оценки долговой устойчивости субъектов РФ и муниципальных образований. Эти изменения коснулись базовых показателей долговой устойчивости; классификации регионов по группам долговой устойчивости; мер, применяемых к субъектам в зависимости от группы долговой устойчивости. Причинами ужесточения нормативных показателей долговой безопасности послужили: рост госдолга субъектов в связи с финансированием социальных расходных обязательств на фоне ухудшающейся экономической ситуации; увеличение доли обязательств по

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ДОЛГОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»...

бюджетным кредитам в связи с проводимой политикой замещения рыночного долга бюджетными кредитами. Наличие данных причин выявило недостатки существующей системы регулирования субфедеральных и местных заимствований: установленные ограничения не сдерживают роста долговой нагрузки; набор показателей долговой устойчивости недостаточен; отсутствие единого подхода к процедуре допуска субъекта на разные рынки заимствований [1]. В результате было предложено заменить действующий набор долговых показателей на новый (рис. 1).

На основе обновленного набора показателей была разработана методика классификации субъектов–заемщиков по группам долговой устойчивости (табл. 2).

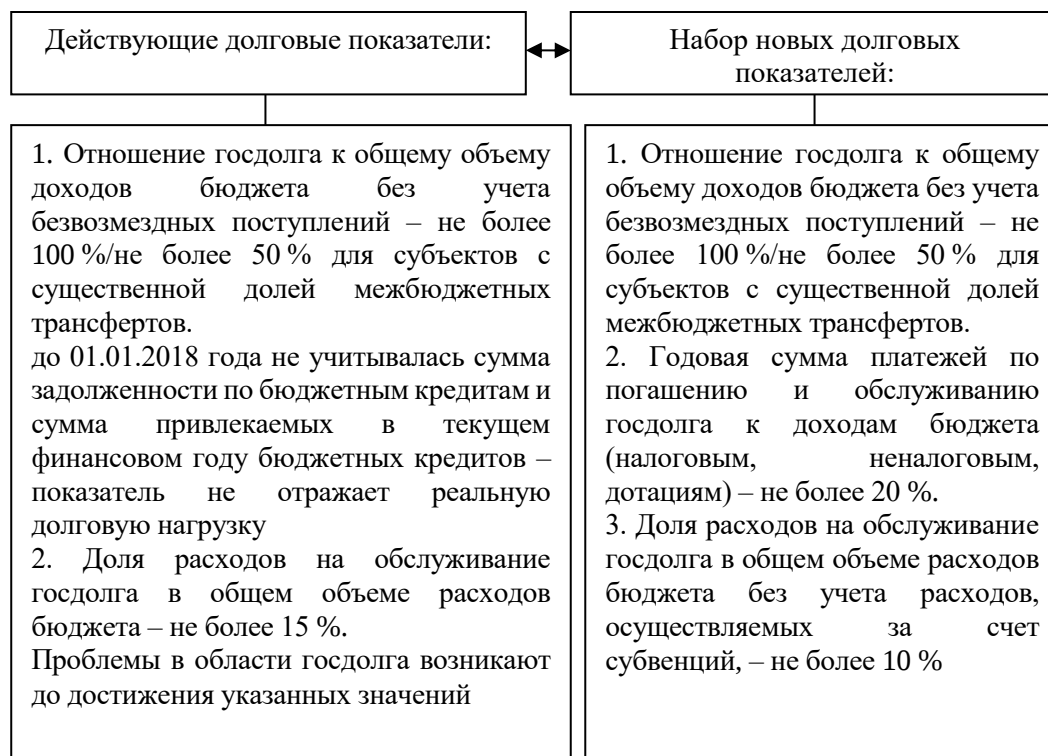
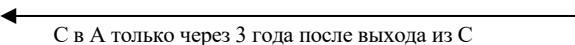

Рис. 1. Система показателей долговой устойчивости субъектов РФ
Источник: составлено автором на основе [1].

Таблица 2

Классификация субъектов–заемщиков РФ по группам долговой устойчивости

Показатель долговой безопасности	Группа А (высокая долговая устойчивость)	Группа В (средняя долговая устойчивость)	Группа С (низкая долговая устойчивость)
Отношение госдолга к общему объему доходов бюджета без учета безвозмездных поступлений	≤ 50 % / 25 % для высокодотационных регионов	50–85 % / 25–45 % для высокодотационных регионов	>85 % / 45 % для высокодотационных регионов
Годовая сумма платежей по погашению и обслуживанию госдолга к доходам бюджета за исключением объема расходов, осуществляемых за счет субвенций	≤ 13 %	13-18 %	>18 %
Отношение годовой суммы платежей по погашению и обслуживанию госдолга к доходам бюджета (налоговых неналоговых, дотаций)	≤ 5 %	5–8 %	>8 %
	3 показателя из своей группы	все, кто не отнесены к А и С	не менее 2-х показателей из группы С
	субъект группы А	субъект группы В	субъект группы С
 С в А только через 3 года после выхода из С			

Источник: составлено автором на основе [1].

Данная классификация является основанием для предъявления к субъектам требований различной степени жесткости (табл. 3). При этом предусматривается, что в отношении субъектов РФ и муниципальных образований с низким уровнем долговой устойчивости может быть инициирован процесс отрешения от должности высшего должностного лица.

Таблица 3

Требования к субъектам–заемщикам РФ в зависимости от группы долговой устойчивости

Показатель долговой безопасности	Группа А (высокая долговая устойчивость)	Группа В (средняя долговая устойчивость)	Группа С (низкая долговая устойчивость)
Разработка основных направлений долговой политики (ОНДП)	+	+	+
Представление проекта ОНДП в Минфин, финорганы субъекта	–	+	+
Согласование программ заимствований и гарантий с Минфином, финорганами субъекта	–	+	+
Реализация плана восстановления платежеспособности	–	–	+
Заимствования на финансирование дефицита бюджета	+	+	–
Возможность получения льготных бюджетных кредитов	–	–	+

Источник: [1].

ВЫВОДЫ

Подводя итоги исследования, отметим следующее:

1. В настоящее время «вопрос объемов государственных заимствований рассматривается в рамках исследования долговой устойчивости государственных финансов или, иными словами, возможности государства исполнять свои обязательства перед кредиторами» [7]. В общем, устойчивость – способность страны сохранять текущий курс макроэкономической политики без угрозы возникновения кризиса; устойчивость государственного долга (долговая устойчивость) имеет место, когда меры политики не допускают неограниченного увеличения государственного долга по отношению к ВВП, доходам бюджета, экспорту товаров и услуг. Превышение значений данных показателей может сигнализировать о неспособности правительства финансировать обязательства бюджета, включая обслуживание долга.

2. Оценка долговой устойчивости осуществляется на основе показателей долговой безопасности, поэтому результирующим фактором является государственный долг. В методике, предлагаемой Всемирным банком, оценивается только внешняя задолженность страны на основе двух индикаторов: отношение внешней задолженности к ВВП и к экспорту товаров и услуг. Данная методика используется большинством стран для оценки внешней задолженности, однако для оценки долговой устойчивости внутри страны она не пригодна, поскольку не позволяет оценить истинное состояние страны-заемщика. «Практика мировых финансов показывает, что страна с огромной внешней задолженности может не иметь значительных трудностей в ее обслуживании (например, США). И наоборот, страна может иметь относительно незначительный иностранный долг и фактически стать банкротом» [15].

Рост госдолга субъектов РФ и замещение рыночного долга бюджетными кредитами обусловило ужесточение нормативных показателей долговой безопасности. В Бюджетный кодекс были внесены изменения: пересмотрены базовые показатели долговой устойчивости и классификация регионов по группам долговой устойчивости. Реализация мер, применяемых к субъектам в зависимости от группы долговой устойчивости, должна быть направлена на оценку рисков в сфере государственного долга субъекта и недопущения развития кризиса.

Список литературы

1. Вышковский К. В. Новации Бюджетного кодекса Российской Федерации в части оценки долговой устойчивости субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2016/07/main/Novatsii_Budzhethnogo_kodeksa_RF_v_chasti_otsenki_dolgovoy_ustoychivosti_subektov_RF_i_munitsipalnykh_obrazovaniy_K.V._Vyshkovskogo.pdf.
2. Гордиенко М. С. Внутренний государственный долг как важнейший стабилизатор бюджетной политики Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://processes.open-mechanics.com/articles/437.pdf>.
3. Долговая проблема как феномен XXI века: монография / Под ред. А. А. Пороховского [Электронный ресурс URL: http://elib.fu.ru/rbook/dolg_economica.pdf].
4. Кульков В. М. Долговая безопасность экономики России: параметры и противоречия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 12 (249). С.42–51.

5. Кулик В. В., Майорова В. А., Зубкова С. А. Долговая проблема экономики Российской Федерации как экономическая реальность [Электронный ресурс]. URL: https://interactive-plus.ru/ru/article/112111/discussion_platform
6. Цареградская Ю. К. Теоретико-правовые основы государственного долга Российской Федерации: сущность, содержание и функции // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4 (65). С. 69–76.
7. Элларян С. А., Куцрин С. Н. Долговая устойчивость государственных финансов российской федерации: анализ и оценка // Актуальные вопросы экономики и современного менеджмента. [Электронный ресурс]. URL: <http://izron.ru/articles/aktualnye-voprosy-ekonomiki-i-sovremennogo-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunar/seksiya-3-finansy-denezhnoe-obrashchenie-i-kredit-spetsialnost-08-00-10/dolgovaya-ustoychivost-gosudarstvennykh-finansov-rossiyskoy-federatsii-analiz-i-otsenka>.
8. Финанси: підручник / За ред. С. І. Юрія, В. М. Федосова. К.: Знання, 2008. 611 с.
9. Финансы: учебник для вузов / Под ред. проф. Л. А. Дробозиной. М.: Финансы, ЮНИТИ, 2000. 527 с.
10. Бабич А. М., Павлова Л. Н. Финансы: учебник. М.: ИД ФБК-ПРЕСС, 2000. 760 с.
11. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145–ФЗ (ред. от 28.12.2016). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702.
12. Технический дефолт: что это такое, его причины. [Электронный ресурс]. URL: <https://businessman.ru/new-technicheskij-defolt-cto-eto-takoe-ego-prichiny.html>
13. Словарь иностранных слов / Под ред. В. В. Пчелкина. М.: Русский язык, 1987. 608 с.
14. Рогатенюк Э. В. Индикативный анализ долговой безопасности Российской Федерации // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Серия Экономика и управление. 2018. Том 4 (70). № 2. С. 122–133.
15. Международные финансы [Электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/3457/finansy/mezhdunarodnye_finansy

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 314.74

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩИН В ЛОНДОНЕ И НЬЮ-ЙОРКЕ

Середина М. И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

E-mail: MISeredina@fa.ru

Автор кратко анализирует теории «мировых городов» и говорит о формировании мегаполисов и роль международных миграций в формировании экономики мегаполисов на примере наиболее значимых этнических общин Лондона и Нью-Йорка. В Лондоне кратко рассмотрены четыре этнические общины: индусы, китайцы, русские и евреи, а в Нью-Йорке – еврейская, русская и китайская. Сделаны выводы о роли международных миграций в формировании экономики указанных мегаполисов.

Ключевые слова: мировые города, мегаполисы, теории миграций, Лондон, Нью-Йорк, этнические общины, мультикультурализм, теория «плавильного котла»

ВВЕДЕНИЕ

Основоположником исследования глобальных городов считается американский урбанист П. Геддес, который в 1915 году выделил «мировые центры» и в их числе Лондон и Нью-Йорк. Затем концепцию мировых городов разрабатывал британец П. Холл, а в 80-е годы XX века Дж. Фридман и Г. Вульф занимались системой мировых городов. Они отмечали, что мировые города привлекают большое число международных мигрантов. В 90-е годы XX века профессор из Чикаго С. Сассен отметил, что глобальные города концентрируют разного рода услуги.

Термин мегаполис обозначает в настоящее время высокоурбанизированные зоны, которые образуются от сращения нескольких городских агломераций. Таким образом, мегаполисы – это крупнейшие города мира с населением более 10 млн человек. Слово мегаполис происходит от греческого города Мегалополя, основанного в IV в до н. э., который объединил более 35 населенных пунктов, а в середине XX века французский ученый Ж. Готтман впервые применил этот термин для характеристики урбанизированной зоны на Востоке США.

Важнейшей проблемой для мегаполисов является выявление роли международных миграций в формировании экономики мегаполисов. Некоторые ученые считают необходимым создать всеобъемлющую модель миграции, а также создать теории для анализа таких современных видов миграции, как вынужденная или экономическая миграция. Д. Массей – автор синтетической теории миграции, а голландец Р. Дженнассен предложил теорию синтетического конструктора. Концепцию транснациональной миграции разработал Ш. Глик. Это позволяет определить роль миграций населения в формировании мегаполисов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Кратко рассмотрим роль международных миграций в формировании этнических общин Лондона и Нью-Йорка. Формирование этнического состава населения Лондона носит длительный характер, так как мигранты появились здесь еще в XVI веке ввиду того, что Лондон был морским портом (глубина реки Темза позволяла заходить морским судам). К числу ранних иммигрантов можно отнести голландцев из-за тесных связей Лондона и Амстердама, которой в этот период был крупнейшим финансовым и торговым центром Европы.

Затем население Лондона и всей агломерации довольно быстро увеличилось, и в первой четверти XX века это стал самый густонаселенный город мира, пока Нью-Йорк не превысил его по данному показателю. Перед Второй Мировой войной массовая миграция в Лондон наблюдается только из Ирландии, а в этническом составе преобладает население британского происхождения.

В настоящее время Лондон занимает территорию в 1580 кв. км. и включает 33 территориальные единицы: внутренний Лондон – Сити и 13 административных округов и Внешний Лондон – 19 административных округов. Население мегаполиса (включая метрополитенскую зону) составляет от 12 до 14 млн человек в зависимости от используемых различных подходов при выявлении границ мегаполиса. Согласно статистическим данным Евростата, Лондон сегодня является самым многонаселённым городом Евросоюза. Время создания разнообразной этнической структуры населения Лондона связано с периодом 1950–1960 гг., когда британская иммиграционная политика была менее жесткой, чем в США, а правила после 1960 гг. затруднили получение прав неевропейскими иммигрантами. Несмотря на это, «небелое» население Лондона составляет примерно четверть от всего населения города.

В XX веке возросла доля иммигрантов из бывших британских колоний (с 6,3 % до 7,6 %), а также темнокожих британцев (с 5,4 % до 6,0 %), включая переселенцев с Карибских островов и Африки. Число жителей Лондона, родившихся на территории Британии, составило чуть более 20 % от всего населения города. В Лондоне представлены три общности – англо-американская, Британского содружества и европейская. При этом главным источником неевропейской миграции в Лондоне была Азия, где расположены основные бывшие колонии Британской Империи – Индия, Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка.

В Лондоне сейчас наблюдается не менее 50 различных общин, где говорят более чем на 300 языках и наречиях. Рассмотрим кратко представителей четырех этнических общин Лондона (индусы, китайцы, русские и евреи).

Индусская община – самая многочисленная, а еврейская и китайская относятся к давно формирующимся общинам, причем русская – самая молодая этническая община Лондона.

Индусы участвовали в двух мировых войнах – примерно 1,5 млн индусов сражались в Европе на стороне союзников в Первой Мировой войне и 2,5 млн индусов во Второй мировой войне. Формирование этой общины имело давнюю историю. Переселенцев с Индостана в Лондоне называют «юго-азиатами».

Индийская община в городе (5,6 % населения Лондона) – высокообразованная этническая группа, где в настоящее время велика доля специалистов, имеющих ученую степень.

В результате в XX в. индийская община разрастается, и в ее составе, кроме моряков и домашнего персонала, появляются врачи, купцы, юристы и студенты, т. к. состоятельные индусы часто посылали своих сыновей получать образование в Лондон. Большая часть индусов концентрировалась в восточной части Лондона.

В 50-е годы XX в. «юго-азиатов» стал поставлять в Лондон и Пакистан. В Лондон ехали учителя и врачи, бывшие офицеры и сельские фермеры, которые находили здесь работу, т. к. в послевоенный период существовала большая потребность в рабочей силе. В известных районах Лондона позднее стали появляться индийские рестораны.

Вместе с тем необходимо отметить, что индийская община играет важную роль в экономике Лондона, т. к. торговля тканями и специями находится в руках индусов. Кроме того, индусы вносят большой вклад в медицинское обслуживание лондонцев, организуя частные медицинские практики.

Если посмотреть на расселение индусской общины, то можно сделать вывод, что значительная концентрация индусов наблюдается в западной и северо-восточной части города. Вместе с тем, следует отметить, что в этих районах Большого Лондона также концентрируются выходцы из Пакистана и Бангладеш.

В результате индусы стали самой многочисленной общиной Лондона, численность которой на сегодняшний день составляет 850 тыс. человек. При этом необходимо отметить, что численность этнических общин в Лондоне быстро растет, поскольку численность белого населения остается почти неизменной, а доля национальных меньшинств ежегодно увеличивается в Лондоне на 2–3 % за счет более высоких темпов рождаемости и иммиграции. Комиссия по расовому равенству (CRE) подсчитала, что к 2020 г. представители иммиграционных этносов составят 10 % от населения Лондона.

Русская миграционная община в Лондоне довольно разнообразна по составу и составляет примерно 250 тыс. человек. Увеличение числа выходцев из России в Лондоне не сопровождалось появлением здесь «русского района» по аналогии с индийским, китайским и другими. Русские любят обживать районы Челси, Хэмстед и Сент Джон Вуд, но это связано не со стремлением сохранить связи с соотечественниками, а скорее с тем, что эти районы кажутся им более привлекательными. Русские успешно ассимилируются в Лондоне, обрстая английскими связями, что отличает их от положения русских мигрантов в континентальной Европе, где они не теряют свою этническую идентичность.

Самую большую группу русских в Лондоне условно можно назвать «русские в Сити». Это наемные работники, у которых карьерный рост зависит от способности адаптироваться в чужой среде. Эти молодые люди достаточно легко находят работу в крупных банках и компаниях, у них дипломы престижных британских университетов, и они имеют все шансы войти в лондонское менеджерское сословие.

Русские менеджеры способствуют развитию британской (лондонской) экономики, т. к. русскоязычные практичные финансисты следуют за денежными

потоками, приводящими их в итоге в финансовую столицу Европы – Лондон. Важную роль в формировании российской общины играет «утечка мозгов» – студенты, аспиранты, научные сотрудники стремятся в Лондон, т. к. британская школа, в отличие от континентально-европейской школы, лишена евроцентризма и нацелена на изучение общемирового опыта.

Еще одна группа русских мигрантов – представители низкооплачиваемых профессий – стройка, гостиничный бизнес, работа на фабрике или фирме. В последние несколько лет доля этой группы русских мигрантов сокращается.

В русской общине в Лондоне почти не существует институтов общения. Одним из институтов общения внутри общины являются школы выходного дня в лондонских районах Именг, Стратфорд и Блумсбери.

В начале XXI в. русские балеты ставились в Королевском Альберт-холле и театре Сэдлер-Уэллс, а концерты современной музыки в Шенердс-Буш Эмпайр. Лондонский клуб «Аквариум» превратился в культовое место для представителей русской общины.

Достаточно отметить, что в январе на Трафальгарской площади каждый год присутствует до 100 тыс. человек на фестивале «Русская зима», а в феврале здесь гуляет русская Масленица, что свидетельствует о масштабах русскоязычной общины в Лондоне.

Еврейская община в Лондоне имеет многовековую историю. Еще в 1066 г. Вильгельм пригласил евреев Руана (Франция) в Лондон, а к 1880 г. их в Лондоне было 5 тыс. человек. Затем начались погромы при Ричарде I, Эдварде I, а в 1273 г. были закрыты все синагоги Лондона, и только в 1649 г. О. Кромвель разрешил евреям селиться в Лондоне и других городах страны. Поэтому к 1671 г. в Лондоне проживало 500 евреев, а к концу века – свыше 1 тыс. за счет переселенцев из Испании, Франции и Италии. Была построена большая сефардская синагога в лондонском районе Бевис-Маркс, существующая и сейчас.

В руководстве общины стояли купцы. Евреи работали также врачами, фармацевтами, оптиками, обрабатывали алмазы. В 1760 г. сефардская община образовала комитет депутатов, чтобы представлять в правительстве интересы евреев, которых в Лондоне уже было 6 тыс. человек.

Иммиграция евреев – ашкеназов шла параллельно с сефардами сначала из Германии, а с 1770 г. – из Польши. В 1696 г. германские евреи-купцы основали большую синагогу в лондонском районе Элгейт, а с 1724 по 1761 гг. в Лондоне были построены еще две «гамбургские» синагоги.

В 1835 г. евреи добились натурализации (снялась необходимость принятия причастия англиканской церкви для тех, кто родился за границей), а с 1858 г. еврейских депутатов стали допускать в парламент, и они были освобождены от обязанности христианской присяги.

В 1881 г. началась массовая иммиграция евреев в Лондон из России, Польши и Украины. Причем из этих частей Российской империи прибыло свыше 150 тыс. человек, селившихся в основном в лондонском районе Вест-Энде.

В 1917 г. была подписана Декларация Бальфура, в которой правительство Великобритании обещало поддержку «национальному дому для еврейского народа в

Палестине». После прихода Гитлера к власти в Германии до 60 тыс. еврейских беженцев переселилось в Великобританию.

В послевоенное десятилетие еврейская община в Великобритании выросла с 350 тыс. человек в 1948 г. до 450 тыс. в 1960 г., но затем сократилось еврейское население Великобритании до 270 тыс. человек, из которых две трети живут в Лондоне.

Многие связывают рост антисемитизма в Лондоне с ростом мусульманской общины, особенно в последние годы. Нередки случаи нанесения материального ущерба, осквернение могил и памятников, угрозы, оскорбления, распространения юдофобской литературы.

Но у еврейской общины Лондона есть свои достижения. Из числа 500 богатейших людей Великобритании – 50 евреи. В распоряжении еврейской общины Лондона – 200 синагог. Еврейский музей, открытый еще в 1932 г., в 1994 г. переехал в хорошее здание викторианской эпохи на Алюберт-стрит в северной части Лондона.

В Лондоне много еврейской периодики и литературы: «Еврейская хроника» (ей уже 40 лет), «Еврейский квартал». При правительстве Великобритании существует реформистское правление представительств британских евреев.

Современные семьи китайцев в Лондоне – представители нескольких поколений, которые были хорошо интегрированы в общественную жизнь города. Это были выходцы из бывших английских колоний – Гонконг, Малайзия, Сингапур и др. В начале XXI века 247,4 тыс. человек в Великобритании признавали себя китайцами.

В Лондоне быстрыми темпами росла китайская община с начала XX в. Если сначала в Чайнатауне преобладали рестораны и прачечные, то затем они отстроили большой район Сохо, где многие китайские иммигранты нашли себе работу; в результате данный район Лондона стал сердцем китайской общины.

Большой прирост китайского населения в Лондоне наблюдался после II Мировой войны, причем работали они в основном в ресторанах и прачечных Лондона. Хорошо работающие китайцы через 10 лет получали возможность открыть свое частное дело в городе.

К концу 60-х годов XX в. китайские рестораны разместились вокруг нескольких улиц города (Gerrard, Lisle, Little Newport и др.). В 70–80-е годы XX века многие этнические китайцы перебрались в Лондон из Вьетнама, а в конце 80-х годов XX в. лондонский Чайнатаун трансформировался в Вестминстерский городской центр и стал привлекать внимание туристов со всего света.

В настоящее время около 100 тыс. китайцев проживает в Лондоне и на его окраинах. Китайцы заняты в различных сферах жизни и образуют сообщества – женские, развлечений и путешествий, здоровья, изучения английского языка.

Британское китайское общество – это непрофессиональная организация, но она освещает все события общины. Китайский информационный центр поддерживает китайцев, живущих в Великобритании и, в частности, в Лондоне.

К числу серьезнейших проблем, которые существуют в китайской общине Лондона, обычно относят существующую изоляцию и часто присущую депрессию, что является довольно характерным для китайской общины этого мегаполиса.

В первом десятилетии XXI века была проведена оценка численности китайского населения офисом национальной статистики (ONS), которая составила 400 тыс. чел.

в Великобритании, причем из них 33 % – это китайцы в Лондоне. Вполне понятно, что такая численность китайской общины в Большом Лондоне создает дополнительные проблемы для администрации мегаполиса, часть которых решается очень медленно.

Несмотря на то, что для многочисленных общин Большого Лондона посредством создания различных центров и организаций, предпринимаются попытки положительной ассимиляции мигрантов в данном мегаполисе, продолжают достаточно сложные взаимоотношения мигрантов с городскими законами.

Ярким примером конфликтного (отрицательного) социального взаимодействия в мегаполисе Лондона может быть названа сеть погромов в августе 2011 года в районе Тоттенхэма, где по оценкам местной полиции проживает до 300 различных этносов. Эти погромы были связаны с сокращением социальных выплат для иммигрантов в связи с реакцией правительства Великобритании на усиливающийся мировой экономический кризис.

Многие демографы считают, что к 2020 году в некоторых районах лондонского мегаполиса представители национальных меньшинств составят большинство населения. Эти демографические тенденции имеют крайне важное значение для социологического анализа, т. к. усиление этнического, социокультурного разнообразия состава населения обуславливает рост напряженности и конфликтности социальной среды в этом крупнейшем мегаполисе Европы.

Нью-Йорк не только экономическая столица США, но и крупнейший межэтнический центр страны. Неслучайно США называют страной иммигрантов, куда за последние 180 лет переехало 60 млн человек. Обычно выделяют четыре этапа иммиграции в США, причем все они были связаны с поступлением мигрантов в страну через Нью-Йорк.

«Отцы-основатели» США и создатели конституции страны считали, что быть американцем – это значит принадлежать к «англосаксонской расе»; они видели залог единства страны именно в национальном единообразии. Еще первый президент США Джордж Вашингтон писал об «истинно американском характере» как неотъемлемой части нации.

Предполагалось, что европейские иммигранты, прибывающие в США, должны отказываться от родного языка, традиций и перенять систему ценностей англосаксонского большинства. Такой подход получил название концепция «плавильного тигля» («плавильного котла»). Поэтому в течение всего XIX в. в США происходили сложные этнические процессы консолидации, ассимиляции и межэтнической интеграции.

Однако уже в XX в. это положение стало меняться, т. к. значительно увеличился приток в страну «небелых» иммигрантов. Статистика здесь выделяет: американцев США – «белые» (выходцы из Европы – 71,4 % населения страны), афроамериканцы (в основном мулаты – 13 %), латиноамериканцы (испаноязычные) – 13 %, американцы азиатско-тихоокеанского происхождения (3,0 %). К аборигенным группам относятся индейцы, эскимосы, алеуты и гавайцы (1 % населения страны). Иммигранты и переходные группы (те, кто не натурализовался) – 10 % населения страны – это выходцы из Америки, Азии и Европы.

Всё более популярной становится схема мультикультурного общества, в котором различные этносы сохраняют значительную языковую и культурную обособленность. Вообще мультикультурализм как новое направление социальной теории получил развитие в 1960–1970 гг. в политических и научных дискуссиях.

Впервые словосочетание «мультикультурное общество» использовал американский социолог Чарльз Хобарт в 1964 г. в выступлении в городе Виннипег (Канада) для констатации факта существования в границах одного государства различных этнических и культурных сообществ, т. е. факта этнокультурной плюральности национального общества.

Возникли национальные модели мультикультурализма. В частности, модель США: отрицание релевантности этничности в политической сфере; распределение властных, материальных и иных социально значимых ресурсов осуществляется не по этнической принадлежности, а по заслугам; этнические и культурные параметры меньшинств могут сохраняться в групповом или индивидуальном уровнях, будучи отнесенными к частной сфере; индивиды и группы имеют право выбора идентичности, а также право интегрироваться или не интегрироваться в американское общество.

В Нью-Йорке, где говорят на 170 языках мира, 36 % населения родилось за границей. Кратко рассмотрим некоторые этнические общины города (еврейскую, русскую и китайскую).

В границах Большого Нью-Йорка (включая пригороды Нассо, Саффолк, Рокленд и Уэстчестер) на начало XX века проживало около 2 млн евреев. В 20-е годы XX в. евреи составили самую многочисленную этническую группу населения Нью-Йорка (45 % еврейского населения США проживало в Нью-Йорке). Расселение среди различных этнических групп населения способствовало культурной ассимиляции евреев. В это время около 28 % еврейского населения было сконцентрировано в районе Манхэттена, 3 % – в районе Бруклина, 38 % – в Бронксе, 18 % – в Куинсе и 13 % – в Ричмонде.

Члены общины в основном работали в швейной промышленности, хлебопечении, мясной промышленности и строительстве. В этот период меняется профессиональный и классовый состав общины. Произошло уменьшение числа рабочих, выросла группа лиц свободных профессий, росло число еврейских юношей и девушек, получивших высшее образование. Сформировался слой богатого еврейского населения, главным образом из текстильных фабрикантов и торговцев недвижимостью.

В середине 90-х годов XX в. наибольший процент евреев с законченным высшим образованием – в Манхэттене (36 %) и наименьший – в Бруклине (12 %). Возросло число евреев на таких государственных и муниципальных службах, где их раньше не было (например, в департаменте полиции города Нью-Йорка служит около тысячи полицейских – евреев).

В 1960-е годы усилилось движение афроамериканцев и пуэрториканцев, стремящихся уменьшить влияние доминирующих этнических общин, в первую очередь евреев, на общественную жизнь города, поэтому многие из евреев подвергались социальной дискриминации.

В Нью-Йорке действуют штаб-квартиры крупнейших еврейских организаций: Национальная конференция по советскому еврейству, Американский еврейский конгресс, Американский еврейский комитет и др.

Около 48 % еврейских детей обучаются в иешивах и дневных школах (ортодоксальные), 37 % – в различных дневных послеобеденных школах и 16 % – в субботних школах (реформистских).

В настоящее время в Нью-Йорке выходит ряд еврейских газет и журналов, функционирует Еврейский музей с богатейшими коллекциями, был создан Музей современного искусства в Нью-Йорке.

Новая волна русско-еврейской иммиграции в США и в частности, в Нью-Йорке, началась в 70-е годы XX в.; более 50 тыс. выходцев из Советского Союза, почти исключительно евреи, поселились в Нью-Йорке, многие из них в Бруклине, в районе Брайтон-Бич.

По данным Центрального статистического бюро Израиля, за пределами страны проживает до 1 млн чел., включая детей, родившихся в эмиграции (большинство – в Нью-Йорке).

В начале XX в. Нью-Йорк стал городом с самой крупной еврейской общиной в мире, после того как в течение трех десятилетий, начиная с 80-х годов XIX в., в США переехали, спасаясь от погромов и преследований, почти 2 млн евреев с территории Российской империи. Большая часть их обосновалась в Нью-Йорке, положив начало самой многочисленной общины российских евреев в мире.

В результате частью жизни потомков этих эмигрантов стало становление новой идентичности, нелегкая адаптация на новом месте, создание СМИ на русском языке и на идише, проникновение в политическую жизнь страны и попытки влияния на происходящие в стране процессы и явления.

К числу небольших этнических общин Нью-Йорка относится русская община, которая насчитывает на сегодняшний день по неофициальным данным 1,5 млн русских.

Необходимо отметить, что дети белой эмиграции, дети перемещенных лиц и последние мигранты были интегрированы в американское общество, а те, кто приехал в 70-е годы XX века, – нет.

Когда русским задают вопрос: что значит, для Вас быть американцем? Подавляющее число русских, живущих в Нью-Йорке, ответили: иметь американский паспорт. В то же время для американца важно участвовать в жизни общества, что предполагает участие в благотворительности, что для бывших россиян совсем неприемлемо. Это связано с другим менталитетом.

Несмотря на то, что 85 % российской иммиграции поддерживают республиканскую партию, они пользуются институтами вспомоществования, которые были созданы демократами, такими как бесплатная медицина, разного рода страховки, пособия для беженцев. Русские иммигранты голосуют за республиканцев, т. к. республиканцы ратуют за сокращение налогов, особенно с тех, кто больше зарабатывает.

СМИ, работающие на русском языке, ведут пропаганду в пользу республиканской партии. В Нью-Йорке сейчас десять русскоязычных каналов,

здается около 200 печатных изданий на русском языке. Они распространяются в рамках русской общины, в основном в Бруклине, Бронксе и Квинсе.

Сейчас в Нью-Йорке действует много русско-американских организаций, в том числе Конгресс русских американцев, Ассоциация русского дворянства, благотворительные общества.

В Нью-Йорке был создан русско-американский культурный центр «Наследие», который стремится донести до американцев положительный образ России.

Раньше русские объединялись преимущественно вокруг церкви. Затем появилось много объединяющих обстоятельств. Среди важнейших проектов культурного центра – концерты оперной и классической музыки, русские салоны, симпозиумы. Большая работа связывается с сохранением русской культуры у детей, усыновленных американскими семьями.

Русско-американский культурный центр проводит различные мероприятия, привлекающие американцев к традициям русской культуры. Так, культурный центр широко празднует Старый Новый год, Масленицу, православное Рождество. Российские иммигранты в Нью-Йорке, которые исповедуют ислам, отмечают свои праздники или вливаются в общие мероприятия с элементами своей культуры.

Несколько слов о крупнейшей на Западе китайской общине в Нью-Йорке. Чайнатаун в Нью-Йорке занимает территорию между Бродвеем, Аллен-стрит, Уорт-стрит и Конмер-стрит. Причем Чайнатаун постоянно разрастается и начинает «заглатывать» территорию Маленькой Италии. Большая китайская община Манхэттена, насчитывающая 150 тыс. человек, – не единственная в Нью-Йорке, но одна из самых больших в мире. Сегодня Чайнатаун – один из самых популярных кварталов Манхэттена среди туристов. Здесь можно увидеть настоящую азиатскую экзотику, отведать китайскую кухню и купить недорогие и колоритные сувениры.

Начинается Чайнатаун на «пяти углах» – пересечении пяти улиц: Бэлксер, Малберри, Уорт, Моско и Литтл-Уотр. Сейчас здесь расположился Каламбус-парк – большой сквер с детскими площадками.

Знаковым местом Чайнатауна является буддистский храм Махаяна в районе улиц Гранд-стрит и Канал-стрит. Здесь гости погружаются в нескончаемую череду китайских лавочек с ювелирными украшениями и сувенирами. Напротив этого храма въезд на Манхэттенский мост. Улица Бауэри, уходящая на север, обычная торговая улица, наполненная хозяйственными магазинами.

Истинный дух Чайнатауна – это улицы Бакстер, Эльзабет и Мотт, где можно купить зеленый китайский чай, китайские деликатесы или традиционные соусы.

Особое место отводится рыбным магазинам на Брум-стрит (большое количество морепродуктов), а также бесчисленным множеством ресторанчиков, где можно попробовать утку по-пекински.

ВЫВОДЫ

Некоторые ученые оценивают, что к середине XXI в. в США доля выходцев из Латинской Америки, Азии и Африки достигнет половина всего населения, что скажется и на этническом составе Нью-Йорка. Все более усиливаются тенденции,

связанные со сменой концепции «плавильного котла» на концепцию «салатницы». Таким образом, можно отметить, что в США и, в частности, в Нью-Йорке формируется мультикультурализм иммигрантских обществ, сформировавшихся в США, когда государство несет ответственность за выживание и равный социально-политический статус всех групп культурных, этнических и национальных меньшинств.

Список литературы

1. Абанина И. Н. Социальный капитал. Диалог культур: социальные, политические и ценностные аспекты // Материалы Московского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. М., 2015. С. 75–82
2. Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения: монография. М.: КДУ, 2009.
3. Дюргейм Э. О. О разделении общественного труда. Методы социологии. М., 1991.
4. Лескова И. В. Социальное самочувствие молодежи московского мегаполиса // Социальная политика и социология. 2014. № 2. С. 103–111
5. Середина М. И. Формирование и взаимодействие этнических общин в современных мегаполисах мира: социологический анализ. М., 2013.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 338.001.36

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИИ И ЧЕРНОМОРСКИХ СТРАН

Твердохлебов Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: nick-aquarius@mail.ru

Проанализированы динамика и структура рейтинга международной конкурентоспособности России на основе ежегодных докладов Всемирного экономического форума. Проведен сравнительный анализ показателей конкурентоспособности с пятью черноморскими странами – Болгарией, Румынией, Турцией, Грузией и Украиной. Сделаны выводы о конкурентных преимуществах и проблемах, тормозящих повышение конкурентоспособности России.

Ключевые слова: конкурентоспособность страны, черноморские страны, индекс глобальной конкурентоспособности, Всемирный экономический форум.

ВВЕДЕНИЕ

Интеграционные процессы черноморских государств носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, эти страны прилагают усилия для реализации сотрудничества по двум основным направлениям: строительство скоростной автомагистрали вокруг Черного моря и развитие морских магистралей в регионе, о чем подписаны соответствующие документы в рамках Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). С другой стороны, обостряющаяся между ними конкуренция за транзитные функции доминирует над интеграционными проектами.

О том, что энергетические интересы черноморских стран остаются доминирующими, свидетельствуют два последних успешных газовых проекта – Трансанатолийский газопровод (TANAP) из Азербайджана через Грузию и Турцию к греческой границе и Турецкий поток из России в Турцию. Эти проекты осуществляются во многом за счет привлечения финансовых ресурсов развитых стран, поскольку все страны региона испытывают острую нехватку инвестиционных средств. Для осуществления крупных инфраструктурных объектов с продолжительным сроком окупаемости практически единственным источником являются инвестиции из стран за пределами региона.

Таким образом, причерноморские страны объективно выступают конкурентами на мировом рынке прямых иностранных инвестиций, поступление которых во многом зависит от уровня конкурентоспособности национальных экономик. В связи с этим актуальным является исследование сравнительной конкурентоспособности стран черноморского бассейна на основе данных ежегодного рейтинга глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ). Анализ сильных и слабых сторон конкурентоспособности черноморских стран делает возможным определение приоритетных областей политики экономического развития субъектов Южного федерального округа Российской Федерации, включая Республику Крым.

Геоэкономические проблемы развития причерноморских стран исследовались в ряде работ российских авторов [1–5]. Публикаций, анализирующих конкурентоспособность этих стран, нами не обнаружено.

Целью исследования является сравнительный анализ позиций России и пяти черноморских стран – Турции, Украины, Румынии, Болгарии и Грузии – в рейтинге международной конкурентоспособности ВЭФ, выявление их конкурентных преимуществ и слабых сторон. Данная работа продолжает исследование автора международной конкурентоспособности Российской Федерации [6].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

С 1979 г. ВЭФ публикует каждый год осенью доклад о глобальной конкурентоспособности – «Global Competitiveness Report». Данное исследование демонстрирует, в каких странах лучше всего развит бизнес, и насколько он способен конкурировать с другими странами за положение на мировом рынке и потенциальные инвестиции.

В докладе 2018 г. для оценки конкурентоспособности экономик 140 стран использовались открытые статистические данные (в основном за 2016–2017 гг.), а также результаты опроса 16658 представителей бизнеса, в том числе около 300 из России [7, с. 623, 627]. Опрос обеспечивает оценку важных аспектов конкурентоспособности, по которым отсутствуют статистические данные.

Доклад 2018 г. основан на обновленной методологии, что обусловлено необходимостью более точного учета факторов глобальной конкурентоспособности в условиях Четвертой индустриальной революции (Fourth Industrial Revolution). По мнению авторов доклада, открывая новые возможности для роста, она делает экономическую среду все более неопределенной и сложной и несет в себе целый ряд рисков и потенциальных потрясений. В этих условиях «дополнительными приоритетами в повышении конкурентоспособности становятся человеческий капитал, маневренность, устойчивость и инновации» [7, с. v].

Новая методология отразилась и в названии обобщенного показателя Индекса глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index) – GCI 4.0. В рамках новой методологии факторы (драйверы) глобальной конкурентоспособности сгруппированы в 4 уровня: создание благоприятных условий для бизнеса, человеческий капитал, рынки и инновационная экосистема. Как и ранее, уровни конкурентоспособности разбиты на 12 подуровней (категорий), названия которых во многом заимствованы из предыдущей методологии, однако их наполнение конкретными индикаторами и методика расчета существенно отличаются от предыдущих версий рейтинга:

– Количество индикаторов в рейтинге, используемых для расчета GCI 4.0 (по отдельным подуровням и агрегированного индекса), сократилось с 114 до 98. При этом если ранее 70 % индикаторов (81 из 114) бралось из опросника бизнес-руководителей и только 30 % составляли статистические данные или производные показатели из сторонних рейтингов, то в новом рейтинге пропорция изменилась: 45 % (44 из 98) на 55 % в пользу статистических данных и расчетных показателей,

что в целом должно повысить объективность расчета GCI 4.0. При этом набор самих индикаторов был перегруппирован по подуровням и существенно обновился: две трети (64 из 98) составляют новые индикаторы, которые ранее не использовались.

– Поменялась также шкала для расчета и представления индекса. Если ранее индекс рассчитывался по 7 бальной шкале, то теперь по 100 бальной, где 100 соответствует максимально возможному уровню глобальной конкурентоспособности (идеальному государству) [7, с. 623–627].

Для корректного сравнения составители доклада 2018 г. пересчитали рейтинг 2017 г. по новой методологии (см. табл. 1). В то же время, такой пересчет был сделан только для одного года, что исключает возможность сопоставимого ретроспективного анализа изменения конкурентоспособности страны в рамках более длительного периода.

Таблица 1

Индекс GCI 4.0 и место черноморских стран в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2017–2018 гг.

Страна	Оценка в 2018	Место в рейтинге 2018	Оценка в 2017*	Место в рейтинге 2017	Разница в оценках	Разница в местах
Россия	65,6	43	63,9	45	+1,7	+2
Болгария	63,6	51	62,4	51	+1,2	0
Румыния	63,5	52	62,2	52	+1,3	0
Турция	61,6	61	61,4	58	+0,2	–3
Грузия	60,9	66	59,9	67	+1,0	+1
Украина	57,0	83	53,9	89	+3,1	+6

*Оценка 2017 г. для сравнения пересчитана по методологии 2018 г.

Источник: [7, с. xi].

Как следует из данных таблицы 1, шесть черноморских стран по уровню оценок конкурентоспособности и месту в рейтинге 2018 г. можно разделить на четыре группы: явный лидер Россия, за ней с отставанием в 2 балла следуют Болгария и Румыния, которым примерно столько же проигрывают Турция и Грузия. Украина является явным аутсайдером и единственной из анализируемых стран с оценкой ниже 60 баллов – средней для 140 стран в 2018 г. Среди европейских стран более низкую оценку имеют Македония (56,6), Молдова (55,5) и Босния и Герцеговина (54,2) [7, с. xi].

По сравнению с рейтингом 2017 г., Россия сумела упрочить свои позиции и поднялась с 45 места на 43. Повышение оценки GCI 4.0 России обусловлено ростом показателей по всем 12 категориям. Особенно вырос уровень макроэкономической стабильности благодаря снижению инфляции и низкому уровню госдолга. Именно в этой категории наша страна имеет самые высокие рейтинговые показатели, уступая немного только Болгарии и Румынии за счет более высокой инфляции в 2016–2017 гг. (см. табл. 2).

Помимо РФ заметно продвинуться в рейтинге смогла Украина вследствие некоторой экономической стабилизации, в результате показатель по категории макроэкономическая стабильность вырос на 20 баллов, по размеру внутреннего

рынка – на 13 [7, с. 575]. Единственной страной, не сумевшей удержать свои позиции, явилась Турция, даже несмотря на незначительный рост балльной оценки.

Обобщенный рейтинговый показатель GCI 4.0 складывается из оценок по 12 категориям: качество институтов (1), инфраструктура (2), информационно-коммуникационные технологии (3), макроэкономическая стабильность (4), здоровье (5), профессиональная подготовка (6), рынок товаров и услуг (7), рынка труда (8), финансовая система (9), размер внутреннего рынка (10), динамика развития бизнеса (11) и способность к инновациям (12). Балльные оценки шести стран по всем категориям представлены в таблице 2.

При анализе показателей по отдельным категориям мы использовали три вида данных, содержащихся в докладе: место страны среди 140 рейтингуемых государств, абсолютные статистические показатели и средний балл экспертных оценок по шкале от 1 до 7, если иная шкала не оговорена.

Из данных таблицы 2 следует, что наиболее низкие оценки Россия и остальные черноморские страны имеют по первой и двенадцатой категориям – качество институтов и способность развития инноваций. Качество институтов оценивается по двадцати показателям, что подчеркивает особое значение эффективности государственных и общественных структур как фактора конкурентоспособности страны. В этой категории лидирует Грузия (40), ей три балла проигрывает Румыния (46), за которой с примерно одинаковой оценкой следуют Болгария (70), Турция (71) и Россия (72), а Украина находится на 110 месте рейтинга, уступая таким странам, как Лесото (107), Бангладеш (108) и Пакистан (109) [7, с. 616–617]. Особенно низкие оценки в данной категории Украина получила по следующим показателям: организованная преступность (111), уровень терроризма (131), независимость судов (117), защита прав собственности (129), в том числе интеллектуальной (114), соблюдение стандартов аудита и отчетности (120) [7, с. 577].

Таблица 2

Балльные оценки России и сравниваемых стран по 12 категориям Индекса
глобальной конкурентоспособности GCI 4.0 2018 г.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Россия	52,7	72,2	72,1	87,5	68,5	68,5	54,2	59,5	54,8	84,0	62,9	50,7
Турция	52,9	72,6	53,5	67,4	86,2	60,5	55,2	51,2	59,9	78,5	57,2	44,0
Украина	46,3	70,1	51,0	55,9	72,0	68,9	55,3	59,5	48,7	62,7	55,3	39,0
Румыния	58,1	71,2	67,1	89,2	79,8	61,8	57,3	60,7	51,9	64,7	60,1	39,6
Болгария	53,6	69,9	69,6	89,2	80,0	64,7	56,7	62,0	58,2	54,6	60,3	43,9
Грузия	61,0	66,7	64,8	74,5	78,2	68,9	61,0	65,6	54,1	40,9	62,1	32,7

Источник: [7, с. 616–621].

У Российской Федерации в категории институты самыми слабыми показателями являются уровень убийств (117), свобода прессы (121), уровень коррупции (113), права собственности (112), социальный капитал (117) [7, с. 484]. Обращает на себя внимание присутствие в данной категории таких весьма условных оценочных показателей, как свобода прессы и социальный капитал, который «оценивает социальную сплоченность и вовлеченность, общественные и семейные связи, а также

участие в политической жизни и доверие к институтам» [7, с. 634]. По четырем показателям Россия лидирует среди шести стран и занимает высокие места в общем рейтинге – прозрачность бюджета (8), качество управления земельными ресурсами (15), права акционеров (15) и предоставление органами власти онлайн-услуг для граждан (23).

По категории способность к развитию инноваций (12) Россия опережает остальные пять черноморских стран, но при этом находится на 36 месте рейтинга, уступая Португалии (32), Эстонии (33), Мальте (34) и ОАЭ (35) [7, с. 620–621]. Уже перечень этих стран говорит о явно заниженной оценке РФ по данной категории из-за наличия ряда весьма спорных индикаторов, уровень которых оценивали представители бизнеса. Достаточно сравнить места России и ОАЭ по уровню развития кластеров (95 и 11), опытности покупателей (66 и 16) и разнообразию рабочей силы (39 и 5). Помимо крайней субъективности самой балльной градации (от 1 до 7) подобных показателей вызывает сомнение их значимое влияния на развитие инноваций в стране.

По объективным статистическим данным, таким как количество научных публикаций (22 место) и заявок на патенты (47), доля расходов на НИОКР в ВВП (35), качество исследовательских учреждений (12) Россия демонстрирует значительно лучшие результаты. По данным показателям в наименьшей степени среди стран сравнения отстает от России Турция.

Эти две страны являются лидерами по категории развитие инфраструктуры (2). Здесь особый интерес вызывают показатели развития портов и морского судоходства – сфер, где черноморские страны выступают прямыми конкурентами. По доступности к глобальным сетям контейнерных перевозок Россия (53) уступает Турции (22) и Украине (43), а по эффективности портового обслуживания (45) опережает все пять стран, включая Турцию (50). Лидирует РФ также по показателям развития дорожной сети (38), эффективности железнодорожного (15) и авиационного (52) обслуживания. По качеству автодорог (104) Россия отстает от Грузии (80), Турции (81) и Болгарии (90), но опережает Румынию (113) и Украину (123).

Россия опережает все черноморские страны и по развитию информационно-коммуникационных технологий (3) с долей пользователей интернета среди населения в 73 %. У остальных пяти стран этот показатель не превышает 60 %. Самый низкий показатель у Украины – 53 %. По подключениям к интернету через оптоволоконные сети РФ лидирует не только среди шести стран, но и занимает 12 место в мировом рейтинге.

Весьма спорной выглядит вновь введенная отдельная категория здоровье (5). Если раньше в рейтинге здоровье оценивалось в рамках категории «здоровье и начальное образование» по восьми показателям, то в 2018 г. анализ уровня здоровья населения разных стран свели к одному весьма условному индикатору – ожидаемая продолжительность здоровой жизни по данным американского Института измерения и оценки здоровья (Institute for Health Metrics and Evaluation – IHME). Этот показатель основывается на данных выборочных обследований о доле лиц, испытывающих определенные ограничения в повседневной жизни из-за проблем с физическим или психическим здоровьем, заболеванием или инвалидностью. В последние годы

появилось огромное количество методик и моделей по расчету этого показателя, которые дают весьма существенную разницу в результатах. Например, в исследовании ученых РАНХиГС оценки ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении в России в 2015 с использованием 16 различных моделей показали огромное расхождение – от 53,8 до 70,3 лет [8, с. 29].

По данной категории у России самые низкие показатели – 61,9 лет по сравнению с 63,0 годами у Украины, 65,0 – у Грузии, 65,5 – у Румынии, 65,6 – у Болгарии и 67,6 – у Турции. Из этих данных, на наш взгляд, можно сделать единственный вывод о том, что жители Турции в силу социально-культурных особенностей меньше жалуются на здоровье в пожилом возрасте. Поэтому и разницу почти в 18 баллов по этому показателю между Турцией и Россией можно отнести к отличиям в менталитете, нежели к реальному уровню здоровья населения.

По категории профессиональная подготовка (6) лидируют Грузия, Украина и Россия, но в общем рейтинге они занимают весьма скромные места – соответственно 45, 46 и 50. Данная категория включает девять показателей, из которых только три количественных. По среднему количеству лет школьного обучения лиц старше 25 лет выделяются как лидер и аутсайдер Грузия – 12,6 и Турция – 8,1. Остальные страны находятся примерно на одном уровне – около 11 лет. Ожидаемая продолжительность обучения, включая высшее образование, наибольшая у Турции – 17,4 года, у остальных стран это показатель примерно на уровне 15 лет. По соотношению учеников и учителей в начальном образовании Россия (20,1) значительно отстает от лидеров – Украины (12,8) и Грузии (8,8).

Остальные шесть показателей данной категории – это оценки экспертов, причем сами показатели зачастую весьма условны, не говоря уже о степени адекватности их количественного выражения. Например, самый высокий в мире уровень «критического мышления в обучении» оказался в США (5,7 по семибалльной шкале), из черноморских стран по этому показателю выделяется РФ – 4,0 по сравнению с 2,4 и 2,5 у Турции и Румынии. К таким же виртуальным показателям можно отнести уровень затрат компаний на обучения персонала – высшие показатели у России (3,9) и Украины (3,8), а у остальных четырех стран примерно на одном уровне 3,4–3,5; навыки выпускников школ и университетов – опять впереди Украина (4,1) и Россия (4,0), а наименьшие баллы имеют Грузия (3,4) и Румыния (3,3); цифровые навыки активного населения – Россия (4,8), Украина и Румыния (4,4) и самый низкий балл у Грузии (3,7). Приведенные балльные экспертные оценки во многом противоречат статистическим данным из этой же категории. Так, Грузия, имея наивысшие показатели по количеству лет школьного обучения и самые маленькие классы, занимает последние места по показателям подготовленности выпускников и цифровым навыкам.

По категории эффективности рынка товаров и услуг (7) из восьми показателей только один – средний уровень импортных пошлин – относится к статистическим. Самые высокие показатели здесь у Турции (6,1) и России (4,6), самый низкий (около 1,0) у Грузии, Болгарии и Румынии. Остальные индексы основаны на опросах и поэтому носят достаточно условный характер. Так, уровень монополизации внутреннего рынка наиболее высокий в Украине (3,3 по 7-балльной шкале), наиболее

низкий в Болгарии и России (3,7). Лидирует РФ вместе с Румынией и по уровню конкуренции на рынке услуг с показателем 5,4 балла. По оперативности таможенных процедур выделяется Болгария с показателем 2,9 из возможных 5 баллов, Россия и Грузия являются аутсайдерами (2,4). Кроме того, у РФ очень низкие оценки по показателям сложность таможенного тарифа (110 место из 140 стран) и распространенность нетарифных барьеров (113). Отсюда и самые низкие баллы по данной категории среди шести стран, хотя отставание и небольшое (см. табл. 2).

По категории эффективность рынка труда (8) Россия значительно опережает Турцию, находится примерно на одном уровне с Украиной и Румынией, уступая Грузии и Болгарии (см. табл. 2). Из двенадцати показателей в данной категории выделяется один объективный – ставка налога на оплату труда. По этому индикатору – 36,3 % – Россия сильно проигрывает практически всем странам мира (133 место). Среди черноморских стран Грузия имеет нулевую ставку и поэтому опережает многие государства по данной категории – 31 место. У остальных этот показатель находится в промежутке 20 % (Турция, Болгария) – 25 % (Украина, Румыния).

Также в этой категории Россия отстает по показателям гибкости определения заработной платы (97), внутренней трудовой мобильности (99), профессионализма менеджмента (93). По первому индикатору самое низкое место у Украины – 130, а по третьему – у Румынии (106), Украины (108) и Болгарии (112).

По категории финансовая система (9) Россия (85) проигрывает Турции (65) и Болгарии (71) и опережает Румынию (101) и Украину (117). Следует отметить, что в этой категории из девяти показателей всего три представлены экспертными оценками, что придает большую достоверность общей оценке. Невысокие общие баллы России обусловлены такими показателями, как доля внутренних кредитов частного сектора в ВВП – 54,5 % (в Турции – 66,8 %); доступность финансирования для малого и среднего бизнеса – 3,3 из 7 баллов, меньше только у Украины (3,1); объем страховых премий по отношению к ВВП – 1,1 % по сравнению с 1,5 % в Украине и 2,1 % в Болгарии; надежность банков – 3,7 баллов, ниже оценка только у Украины – 2,8; доля необслуживаемых банковских кредитов – 9,4 %, в Турции – 3,1 %, в Украине – 30,5 %; отношение совокупного нормативного капитала банков к совокупным активам банков – 12,9 %, это самый низкий показатель среди шести стран. Все эти индикаторы свидетельствуют о недостаточной конкурентоспособности кредитно-финансовой системы России, однако следует иметь в виду, что они основаны на данных 2013–2016 гг. и с тех пор в этой сфере наметились позитивные тенденции.

По категории размер внутреннего рынка (10) сравнительно небольшой отрыв России от Турции обусловлен меньшим показателем доли импорта в ВВП – соответственно 21,3 % и 30,2 % в 2017 г. По нашему мнению, учет только доли импорта без учета доли экспорта некорректно отражает влияние внешней торговли на размер рынка, поэтому более правильным было бы сравнение доли внешнеторгового сальдо, которое может как увеличить, так и уменьшить количество товаров и услуг на рынке страны. По размеру ВВП по паритету покупательной способности (3,65 трлн долл. США – 6 место в мире) РФ превосходит Турцию (1,98

трлн долл. США – 13 место) почти в два раза, что никак не отражает разницу в оценке в 5,5 балла по данной категории (см. табл. 2).

В категории динамика развития бизнеса (11) Россия является лидером, существенно опережая только Турцию и Украину (см. табл. 2). Из восьми показателей пять представляют собой оценки экспертов, что делает их весьма субъективными, не говоря уже о самой возможности количественно оценить подобные индикаторы и их роль в развитии бизнеса.

По стоимости начала бизнеса (в процентах от дохода на душу населения) Россия с показателем 1,1 % занимает в рейтинге 26 место, опережают ее только Румыния (0,4 %) и Украина (0,8 %). Значительно отстает по этому показателю от пяти стран Турция – 12,8 %. По времени, необходимому на оформление документов для начала бизнеса, выделяются Грузия (2 дня) и Болгария (23 дня). Россия (10) опережает Румынию (12), но уступает Турции и Украине, имеющих одинаковый показатель в 6,5 дня. Коэффициент взыскания при неплатежеспособности (сколько центов на вложенный доллар в среднем получает кредитор при взыскании задолженности) у РФ самый высокий среди шести стран 40,7 (57 место в рейтинге), самые низкие показатели у Турции (15,3) и Украины (8,9 – 129 место в рейтинге).

Что касается таких основанных на опросах индикаторов по категории развития бизнеса, как готовность менеджмента делегировать полномочия, отношение к предпринимательскому риску, рост инновационных компаний, то они не сильно различаются у шести стран и находятся в диапазоне 3,5–4 баллов из 7.

ВЫВОДЫ

По общему уровню конкурентоспособности Россия лидирует среди шести черноморских стран, наиболее близкие к ней позиции занимают Болгария и Румыния, а явным аутсайдером является Украина. Несмотря на кризисные явления в экономике, вызванные, в том числе, санкциями со стороны западных стран, Российская Федерация смогла улучшить свои позиции в рейтинге конкурентоспособности ВЭФ. Если в 2014 г. она занимала 53 место среди 144 стран мира и уступала Турции (45), то в 2018 г. смогла подняться на 43 среди 140.

Если рассматривать позиции по отдельным категориям рейтинга, то к сильным сторонам, где РФ существенно опережает остальные пять черноморских стран, относятся размер внутреннего рынка (6 место), развитие современных информационных коммуникаций (25) и способность к инновациям (36). В четырех категориях Россия делит лидерство с одной–двумя соседними странами – инфраструктура (51), макроэкономическая стабильность (55), профессиональная подготовка (50) и динамика развития бизнеса (51). К слабым сторонам конкурентоспособности относятся пять категорий, где российские оценки уступают двум–трем странам из шести, – качество институтов (72), развитость финансового рынка (86), здоровье населения (100), рынок товаров и услуг (83) и рынок труда (67). Весьма спорной выглядит оценка уровня здоровья населения РФ, поскольку она сведена к одному весьма условному индикатору – ожидаемой продолжительности здоровой жизни.

Несмотря на то, что авторы новой методики рейтинга сократили удельный вес оценочных показателей, многие из них вызывают вопросы по поводу адекватности их количественной оценки и влияния на обозначенные факторы конкурентоспособности.

В условиях санкционного режима западных стран Республика Крым развивает международные связи, активно привлекает инвестиции из-за рубежа, конкурируя в этой сфере с соседними черноморскими странами. Для повышения конкурентоспособности нашего региона необходимо обратить пристальное внимание на социально-экономические факторы, обеспечивающие успешное развитие в условиях Четвертой индустриальной революции.

Список литературы

1. Эшба Э. Д. Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества? // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 69–80.
2. Бабашина А. С., Никитина М. Г. ОЧЭС: тенденции, проблемы, перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2015. .1(67). № 3. С. 3–10.
3. Величко Л. Н., Салченко В. Н. Модели региональной интеграции в черноморском регионе на современном этапе: проблемы институализации // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 20–26.
4. Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 147–148.
5. Бугаев Ф. Н. Роль Организации черноморского экономического сотрудничества в мировой экономике // Евразийская интеграция на постсоветском пространстве и незападные сценарии регионализации: Материалы международной научно-практической конференции. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2018. С. 121–127.
6. Твердохлебов Н. И. Международная конкурентоспособность России в оценке Всемирного экономического форума // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2015. Т. 1 (67.) № 1. С.163–167.
7. The Global Competitiveness Report 2018 // The World Economic Forum, 2018. 656 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2018.pdf>
8. Шульгин С. Г., Щербов С. Я. Продолжительность здоровой жизни населения России. Моделирование, региональные оценки и прогнозирование [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3139631

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 333.02

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

Хлебникова В. В., Писарюк С. Н.

*Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация
E-mail: v-istomina@mail.ru*

В статье поставлены проблемы дошкольного образования города Севастополя, что подтверждено проведенным авторами анкетированием жителей города о качестве предоставления услуг в сфере дошкольного образования. В качестве инструмента решения проблем предлагается применение механизма государственно-частного партнерства и расчет выгоды для частного и публичного партнеров на примере реконструкции нефункционирующих групп дошкольного учреждения. В статье также рассмотрены мероприятия по повышению уровня осведомленности представителей бизнеса, что в совокупности открывает перспективы развития государственно-частного партнерства в сфере дошкольного образования в одном из субъектов РФ – городе федерального значения Севастополе.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, дошкольное образование, принцип доступности, трехсторонняя выгода

ВВЕДЕНИЕ

Система дошкольного образования является основополагающей в развитии и образовании будущего подрастающего поколения, от его раннего развития зависит его успешность в дальнейшей жизни, а детское дошкольное учреждение дает старт развитию личности ребенка.

Несмотря на очевидную важность сферы дошкольного образования, существует ряд проблем муниципальных дошкольных учреждений:

1) Одним из ключевых приоритетов социальной политики Правительства Севастополя [2, 3] является обеспечение государственных гарантий доступности дошкольного образования и, следовательно, равных стартовых возможностей детей для поступления в школу.

На данный момент практически в каждом российском городе существуют тысячные очереди в детские дошкольные учреждения, которые затрудняют выполнение принципа доступности дошкольного образования, в том числе в городе Севастополе.

2) В некоторых дошкольных учреждениях отсутствует необходимое финансирование на закупку методических, дидактических материалов для проведения занятий в дошкольных учреждениях.

В период с 2013 по 2018 гг. в г. Севастополе все ремонты, реконструкции и закупки для детских садов осуществлялись только за счет государственных средств, за счет негосударственного сектора не было создано ни одного места в детских дошкольных учреждениях.

3) В государственных дошкольных учреждениях наблюдается «старение» персонала (доля молодых специалистов около 12 %), педагоги первой категории

составляют 58 % [6], поэтому возникает необходимость улучшения кадрового состава и его аттестации.

4) Отсутствие методики оценки или ключевых показателей эффективности для оценки работы дошкольных учреждений.

Для решения обозначенных проблем правительство г. Севастополя разработало план мероприятий [4]:

- апробация и внедрение федеральных государственных образовательных стандартов дошкольного образования;
- обновление кадрового состава и привлечение талантливых педагогов в детские сады;
- переход на «эффективный контракт» дошкольного образования;
- введение оценки деятельности дошкольных учреждений на основе показателей эффективности;
- создание условий для привлечения негосударственного капитала для решения сложившейся социальной проблемы.

Для привлечения частного капитала в систему дошкольного образования и решения ряда вышеупомянутых проблем можно и, по мнению авторов, необходимо использовать механизм государственно-частного партнерства (ГЧП).

Согласно Федеральный закону «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224–ФЗ, «государственно-частное партнерство, муниципально-частное партнерство – юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного партнера, с другой стороны, которое осуществляется на основании соглашения о государственно-частном партнерстве, соглашения о муниципально-частном партнерстве, заключенных в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества» [1].

В наши дни государство все чаще обращается к потенциалу частного сектора экономики. Это связано с тем, что социальная сфера финансируется только за счет бюджетных средств, которые не могут полностью покрыть запросы учреждений социальной направленности, что приводит к снижению качества услуг, предоставляемых государственным сектором.

Выгоды механизма государственно-частного партнерства очевидны для каждого субъекта отношений. Для публичного партнера (государства) преимущества состоят в экономии бюджетных средств за счет привлечения частного капитала, для бизнеса – выгода в диверсификации деятельности с последующей процедурой получения прибыли от вложенных в объекты инфраструктуры инвестиций, для общества – создание дополнительных мест в детских дошкольных учреждениях и повышение качества образования.

Однако Севастополь не имеет инфраструктуры и опыта для развертывания проектов государственно-частного партнерства, о чем свидетельствует статистика:

на март 2019 года в Севастополе заключено одно концессионное соглашение и три проекта, в отношении которых планируется заключение концессионного соглашения, – одна из распространенных форм соглашений государственно-частного партнерства.

Исходя из вышеизложенного, целью исследования является разработка мероприятий по решению проблем в области дошкольного образования с помощью механизмов государственно-частного партнерства.

Для достижения цели исследований необходимо решение следующих задач:

- произвести сбор информации о качестве дошкольного образования в городе Севастополе и провести анализ результатов;
- на основе анализа результатов анкетирования выявить проблемы дошкольного образования в г. Севастополе;
- предложить ряд мероприятий по решению сложившихся проблем;
- рассчитать выгоду частного и публичного партнеров государственно-частных отношений.

В работе авторы основывались на методологии, базирующейся на принципах деятельностного подхода к государственно-частному партнерству в области дошкольного образования. Деятельностный подход – это метод, благодаря которому можно выявить причинно-следственные связи и проблемы, а также направления развития государственно-частного партнерства в сфере дошкольного образования. В процессе исследования были использованы методы прикладной социологии, анализ статистических данных, метод чистой текущей стоимости.

В качестве теоретической и методологической базы исследований были использованы научные труды отечественных ученых в области применения механизмов государственно-частного партнерства в сфере дошкольного образования. Основными из них являются труды Дьяконовой И. Б., Пахомова М. А., Чистовой М. В., Ефремова Д. Н., Гореловой С. С. и другие.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В настоящий момент на территории города Севастополя действуют 79 государственных детских дошкольных учреждения, из которых 2 не функционируют по причине аварийности зданий. Что же касается статистики детских дошкольных учреждений города Севастополя, то она следующая: численность детей в возрасте от 1 до 7 лет из года в год возрастает (в 2013 г. – 24,83 тыс. чел., а уже в 2018 г. – 35,006 тыс. чел.). Из общего числа детей, нуждающихся в дошкольном образовании, его получают 70 % детей. Процент охвата дошкольным образованием довольно высокий, однако очевидно, что 30 % детей не получают дошкольного образования, что создает явную проблему в данной сфере. По данным статистики, на начало 2018 г. существовал недостаток бюджетных мест в детских дошкольных учреждениях в количестве 2680 мест для детей от 0 до 7 лет и 550 мест для детей от 3 до 7 лет [6]. Все это говорит о существующей злободневной социальной проблеме.

В рамках исследования проблемы авторами было произведено анкетирование жителей г. Севастополя, имеющих детей дошкольного возраста. Результаты опроса представлены на рисунках 1 и 2.

Рис. 1. Результаты опроса респондентов г. Севастополя о качестве дошкольного образования

Рис. 2. Результаты опроса в области дошкольного образования жителей г. Севастополя

В опросе принимали участие 368 респондентов: мужчины в возрасте от 18 до 50 лет и женщины от 18 до 45 лет, имеющие детей дошкольного возраста. Для сбора и анализа результатов анкетирования были использованы методы прикладной социологии, системного и сравнительного анализа. Результаты опроса подтвердили актуальность темы исследований, необходимость поиска путей ее решения и выявили наиболее актуальные проблемы в области дошкольного образования в городе Севастополе, а именно:

- 1) существенная нехватка мест в дошкольных учреждениях г. Севастополя, что нарушает принцип доступности образования;
- 2) удовлетворительные санитарно-технические условия в детском саду (зачастую имеет место нехватка медицинских работников, логопедов, а порой и неудовлетворительное состояние санитарного блока групп детского учреждения);
- 3) удовлетворительный уровень качества дошкольного образования (что связано с недостатком дидактических и методических материалов, а порой и квалифицированного персонала с учетом невысоких заработных плат персонала);
- 4) нехватка финансирования государственных дошкольных учреждений.

Сложившаяся ситуация вызывает социальную напряженность среди населения города Севастополя, имеющего детей дошкольного возраста.

Для разрешения проблемы нехватки мест в дошкольных образовательных учреждениях г. Севастополя авторами предложены следующие мероприятия.

Во-первых, необходимо повысить уровень осведомленности предпринимателей в области государственно-частного партнерства. Ни один предприниматель не будет инвестировать средства в объект инфраструктуры, не понимая, что получит взамен. В Севастополе осуществляет деятельность региональное отделение общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России». Сотрудничая с вышеуказанной организацией, раз в квартал необходимо проводить форсайт-сессии или мероприятия, информирующие представителей бизнеса о возможностях и выгодах государственно-частного партнерства.

В рейтинге по уровню развития ГЧП [8] первые места занимают г. Москва, Московская область и г. Санкт-Петербург. Поэтому второе мероприятие –

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО...

пригласить специалистов из Москвы и Санкт–Петербурга обучать кадровый состав Правительства Севастополя, как правильно использовать механизм государственно-частного партнерства и впоследствии создать отдел или центр по продвижению проектов ГЧП, перенимая опыт проектов ГЧП в области строительства новых детских садов совместно с частным сектором.

Третье мероприятие – вернуть в муниципальную собственность помещения детских садов, используемые на данный момент не по назначению.

Четвертое мероприятие – открытие дополнительных групп на базе действующих детских дошкольных учреждений.

В некоторых детсадах существуют «заброшенные» группы, которые простаивают и не функционируют. Таких групп в детсадах от 2 до 4 в зависимости от детского учреждения. При использовании инструмента ГЧП частные партнеры ремонтируют группу и продолжают ресурсное обеспечение данной группы в течение действия концессионного соглашения, публичный партнер осуществляет ремонт детской летней площадки, прилегающей к группе.

Рассчитаем выгоду для частного сектора и государства при реализации проекта ГЧП в области дошкольного образования при реконструкции двух групп действующего дошкольного учреждения. Предположим, что соглашение заключается на 5 лет, и на данный срок обе группы передаются в аренду (пользование) частному партнеру.

Определим капитальные затраты, эксплуатационные затраты и вычислим выручку от реализации проекта ГЧП. Расчеты вышеуказанных показателей приведены в таблице 1.

Таблица 1

Расчет экономических показателей проекта ГЧП в сфере дошкольного образования

№	Стоимость материалов и работ в расчете на 1 группу	Описание	Общая стоимость, тыс. руб.
Капитальные затраты			
1.	Ремонт в санузле	Покраска стен, укладка плитки, покупка и установка поддона, раковин, кранов, бойлера	120*2=240
2.	Ремонт в спальне	Закупка кроватей, стола, стула, шкафа для воспитателя, поклейка обоев, стоимость штор	107*2=214
3.	Ремонт в игровой комнате	Закупка шкафов, стеллажа, столов и стульев для детей, стола и стула воспитателя, укладка линолеума, тюль, стеллажи, диванчики для детей	138*2=276
4.	Ремонт в раздевалке	Закупка 30 шкафчиков	75*2=150
5.	Ремонт летней площадки	Закупка домика и лодки на детскую площадку	120*2=240
	Итого капитальные затраты		1 120
	Выручка годовая		30*12*8=2 880

№	Стоимость материалов и работ в расчете на 1 группу	Описание	Общая стоимость, тыс. руб.
Эксплуатационные затраты			
1.	Фонд оплаты труда	2 воспитателя с окладом по 23 тыс. руб. и няня – 12 тыс. руб.	$12 \cdot (117,74 \cdot 1,302) = 1839,57$
2.	Дидактические материалы	из расчета 5 тыс. руб. в месяц	$5 \cdot 12 = 60$
	Итого эксплуатационные затраты (годовые)		1 899,57

Общие капитальные затраты на проект реконструкции двух групп детского сада составили 1,12 млн руб. Так как проект осуществляется за счет механизма государственно-частного партнерства, то часть затрат на себя берет государство (ремонт летней площадки), и часть вносит частный сектор. Итого капитальные затраты бизнеса по рассматриваемому проекту равны 880 тыс. руб. Что касается дальнейших затрат по эксплуатации объекта ГЧП, в каждую группу необходимо нанять двух воспитателей, которые работают посменно, и няню, а также закупить дидактические материалы. Согласно инструменту государственно-частного партнерства, публичный партнер оставляет за собой право на период действия концессионного соглашения освободить частного партнера от уплаты налога на прибыль по проекту дошкольного образования, а также передать во временное пользование объект концессионного соглашения, которым являются две группы дошкольного учреждения. Заработная плата сотрудников двух групп за вычетом НДФЛ составляет 117,74 тыс. руб. Ежемесячная выручка рассчитывается из расчета наполняемости группы 30 детей и платы за детский сад в размере 398 руб. в день.

После определения экономических показателей проекта вычислим интегральный экономический эффект проекта государственно-частного партнерства по развитию сферы дошкольного образования города Севастополя. Расчеты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Расчет интегрального экономического эффекта проекта ГЧП

№	Показатель	Годовые значения показателей, тыс. руб.					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024
1.	Выручка	0	2865,6	2980,224	3099,433	3223,410	3352,347
2.	Капиталовложения	880	0	0	0	0	0
3.	Эксплуатационные затраты	0	1899,57	1975,553	2054,575	2136,758	2222,228
4.	Чистый денежный поток	-880	966,030	1004,671	1044,858	1086,652	1130,118
5.	Коэффициент дисконтирования	1	0,86	0,80	0,74	0,69	0,64
6.	Чистый дисконтированный денежный поток (NPV)	-880	832,063	803,105	775,154	748,177	722,138
7.	Интегральный экономический эффект	-880	-47,937	75,5167	1530,322	2278,498	3000

Значение интегрального экономического эффекта составило 3 млн рублей, что говорит о том, что проект не только окупится, но и станет выгодным к началу 2021 года. Построим финансовый профиль проекта (рисунок 3).

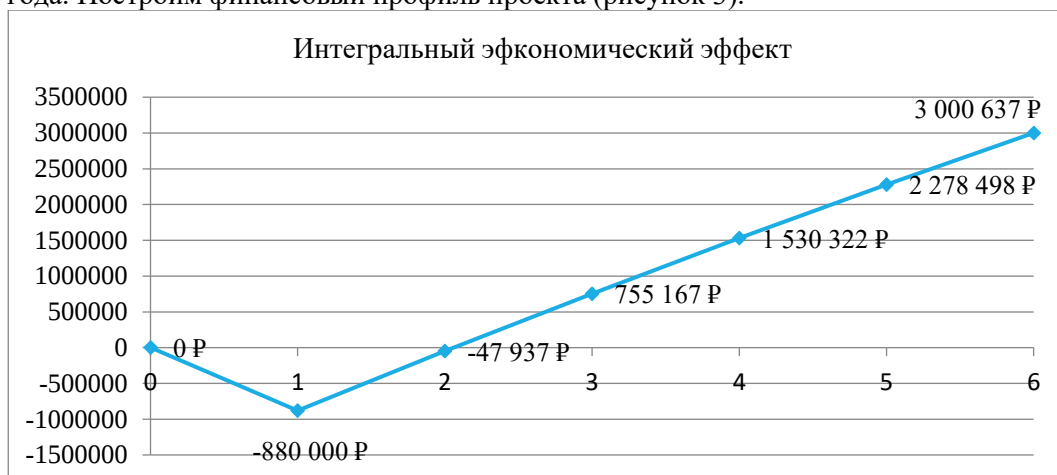

Рис. 3. Финансовый профиль проекта ГЧП

В результате анализа экономической эффективности рассматриваемого проекта было выявлено, что срок окупаемости проекта 1 год после открытия новых групп; интегральный экономический эффект в 2024 году составит 3 млн руб. Предположим, что в каждом пятом дошкольном учреждении Севастополя (всего их 79) есть хотя бы одна пустующая группа (это 15 групп), нуждающаяся в реконструкции и подлежащая концессии. Тогда экономия бюджетных средств (выгода публичного партнера) за 5 лет составит 58,043 млн руб. Экономия бюджетных средств включает 440 тыс. руб. на ремонт 1 группы и экономию в связи с отсутствием выплаты заработной платы персоналу (воспитатели и няни) в размере 10,2888 в год, за 5 лет – 51,443 млн руб.

Достаточно длительный срок окупаемости связан с тем, что проект имеет немалую длительность, которая, в свою очередь, связана с регламентом документального оформления. Необходимо отметить, что проект решает острые социальные проблемы в целом. Успешная реализация проекта непременно увеличит объем оказываемых услуг дошкольного образования, снизит нехватку мест в детских садах и создаст дополнительных шесть рабочих мест.

После окончания срока концессионного соглашения реконструированные группы переходят обратно под управление и бюджетирование государственной структуре.

ВЫВОДЫ

Ввиду сложившейся острой социальной проблемы в области дошкольного образования города Севастополя необходимо найти инструмент для их разрешения. Таковым инструментом является механизм государственно-частного партнерства, который имеет трехстороннюю выгоду: для публичного партнера (экономия

бюджетных средств), для бизнеса (получение прибыли от участия в проекте ГЧП) и для общества (создание дополнительных мест в дошкольных учреждениях). Важно отметить и неординарную форму решения вопроса: исходя из отечественного опыта реализации проектов ГЧП в области дошкольного образования, проекты ГЧП реализуются посредством строительства новых дошкольных учреждений. Однако учитывая специфику региона и его неготовности к реализации проектов ГЧП, реконструкция отдельных групп дошкольных учреждений является частичным решением острой социальной проблемы дошкольного образования, а также повышает уровень осведомленности и участия бизнеса в проектах государственно-частного партнерства.

Перспективами для дальнейшего исследования возможность применения инструмента ГЧП в области реконструкции «заброшенных» групп дошкольных учреждений в других городах России с учетом специфики региона.

Список литературы

1. Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/
2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/
3. Закон города Севастополя от 21 июля 2017 № 357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.gov.ru/files/strategy/357-zs.pdf>
4. Постановления Правительства г. Севастополя № 973-ПП от 13.10.2016 г. «Об утверждении Плана мероприятий (“дорожная карта”) “Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования в г. Севастополе”».
5. Официальный портал органов государственной власти Правительства Севастополя [Электронный ресурс]. URL: <https://sev.gov.ru>
6. Официальный сайт Департамента образования города Севастополя [Электронный ресурс]. URL: do.sev.gov.ru
7. Информационный портал «Сбор данных о деятельности на принципах ГЧП в субъектах РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/privgovpartnerdev>
8. Исследование «Развитие государственно-частного партнерства в России. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» // Ассоциация «Центр развития ГЧП», Министерство экономического развития Российской Федерации. М.: Ассоциация «Центр развития ГЧП», 2018. 36 с.

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

УДК 339.9.01

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ОЧЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шутаева Е. А., Дякун А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: shutaeva2003@mail.ru

Данное исследование направлено на изучение показателей социально-экономического развития стран ОЧЭС. В статье рассматривается уровень и качество жизни населения как интегральный показатель социально-экономического развития региональной экономики и социализации общества в целом. Дан анализ одного из индикаторов развития человеческого потенциала стран ОЧЭС – индекса человеческого развития с учётом его компонентного состава, отражающего достижения страны по трем основным направлениям: долгая и здоровая жизнь, знания, достойный уровень жизни.

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, индекс человеческого развития, социально-экономическое развитие, социализация, ОЧЭС.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях основным критерием оценки социально-экономического развития отдельных стран и регионов, а также прогресса общества в целом, является всестороннее развитие человека и удовлетворение его растущих потребностей. Это и обусловило повышение интереса экономической науки к человеку, его качественным характеристикам, особенностям их формирования и развития в условиях глобализации. В состав ресурсов экономического развития любой территории входят нематериальные активы (уровень образования населения, уровень культуры населения, здоровье населения, комфортность проживания, профессиональные знания, навыки и прочее), носителями которых является человек. Следовательно, эффективное развитие национальной экономики невозможно без устойчивого повышения жизненного уровня населения. На этапе формирования постиндустриального общества особую роль играют не количественные, а качественные характеристики населения, которые и определяют потенциал социально-экономического развития отдельных стран. Актуальность и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью изучения и контроля показателей качества и уровня жизни населения как определённой страны, так и мирового сообщества в целом.

Изучению человеческого потенциала и факторов его формирования, вопросов повышения благосостояния и уровня жизни были посвящены работы многих известных экономистов. Исследования в этой области осуществляли Дж. М. Кейнс, В. Леонтьев, А. Маршалл, А. Питу, С. Фишер [1–5] и другие. Немалый вклад в изучение уровня жизни населения с учётом особенностей российской экономики внесли отечественные экономисты: Н. И. Бузляков, С. Ю. Глазьев, Т. И. Заславская, Е. И. Капустин, А. А. Разумов, Н. М. Римашевская, А. Р. Сафиуллин, Е. В. Фахрутдинова, М. А. Хажеева [6–14] и многие другие.

Несмотря на наличие большого спектра концепций и теорий, посвященных проблемам обеспечения качества жизни, социального расслоения общества, проблеме бедности, ощущается острая потребность в исследованиях, основанных на комплексном, системном подходе к формированию научно-обоснованной методологии изучения уровня и качества жизни населения с учетом многогранности и междисциплинарности данных категорий. Применительно к России изучение уровня жизни населения усложняется трансформационными преобразованиями, что усиливает значимость дальнейшего исследования проблем, разработки направлений и практических мер по обеспечению его повышения. Неоспорим факт того, что исследование человека как живого носителя знаний, творческих способностей и сил, при помощи которых он изменяет окружающую среду и формирует современное общество, имеет особую важность и актуальность как для российской, так и мировой научной мысли.

Цель статьи – провести сравнительный анализ показателей уровня и качества жизни населения стран ОЧЭС и определить основные направления их улучшения с учётом потенциала интеграционного взаимодействия стран.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Термин «качество жизни» появился и получил распространение в пятидесятых годах двадцатого века. Качество жизни можно определить как совокупность показателей общего благосостояния людей, характеризующих уровень материального потребления (уровень жизни), а также потребление непосредственно не оплачиваемых благ [15]. Качество жизни является концепцией, которая выходит за пределы подхода, связанного с условиями жизни, обращённого на материальные ресурсы (деньги, доступ к товарам и услугам), находящихся в распоряжении людей, и принимает во внимание такие критерии, как самочувствие, степень свободы, стиль жизни. Данная концепция многогранна и измеряется как объективными, так и субъективными показателями. Качество жизни определяется как индивидуальное восприятие людьми их жизненных условий в контексте культуры, систем ценностей, в которых они живут, по отношению к их целям, ожиданиям, стандартам и заботам. То есть речь идёт о достаточно широкой концепции, отражающей комплексное взаимовоздействие физического здоровья, психологического состояния, личных верований и социальных взаимоотношений.

Уровень жизни как показатель благосостояния населения является сложным социально-экономическим понятием. Анализ уровня жизни, прежде всего, показывает степень удовлетворения потребностей, необходимых для жизнедеятельности населения. Важнейшие среди них – потребность в пище, воде, одежде, жилье, которые входят в состав физиологических элементов уровня жизни в определённый промежуток времени (как правило, за временную единицу берётся год), а также необходимость в социальных и духовных запросах населения, характерных для уровня развития данной страны.

Поддержание общественного уровня здоровья и обеспечение достойного заработка граждан, а также пенсий являются важными элементами качества жизни

населения большинства стран современного мира. В состав основных факторов, определяющих уровень и качество жизни населения, входят рождаемость, смертность и продолжительность жизни, санитарно-гигиеническая обстановка, количество потребляемого продовольствия, жилищные условия, качество образования и культуры, уровень занятости, условия труда, уровень безработицы, ВВП на душу населения, прожиточный минимум, минимальная заработная плата, баланс доходов и расходов, состояние транспортной инфраструктуры, уровень социального обеспечения и ряд других показателей [16]. Поскольку качество и уровень жизни населения признаны международным сообществом как одни из основных показателей, определяющих уровень социально-экономического развития, особый интерес представляет изучение этих показателей в рамках конкретной территории (регион, страна, группа стран).

Для всех стран ОЧЭС ключевым вопросом государственной политики является повышение качества жизни граждан. Из всей совокупности факторов и показателей, определяющих уровень социализации экономики стран-членов данного интеграционного объединения, для анализа нами были выбраны те, которые в наибольшей степени отражают уровень и качество жизни населения: уровень безработицы, уровень занятости, ВВП на душу населения, прожиточный минимум, минимальная заработная плата, пенсионный возраст, индекс человеческого развития.

Проблема бедности и, как следствие, безработица на протяжении многих лет остаются одними из главных проблем всех, без исключения, стран мира. Анализ уровня безработицы в странах ОЧЭС за период 2017–2018 гг. (табл. 1), свидетельствует о незначительном снижении этого показателя лишь в восьми странах. По ряду стран (Армения, Болгария, Молдова, Сербия, Украина) прогнозные показатели 2019 года значительно превышают показатели двух предшествующих лет.

Таблица 1.

Безработное население стран ОЧЭС, в %

Страна	2017	2018	2019*
Азербайджан	5,0	5,0	5,0
Албания	12,9	12,7	12,7
Армения	15,7	15,3	16,9
Болгария	6,0	6,1	7,0
Греция	18,7	18,5	17,5
Грузия	14,0	13,9	13,7
Молдова	3,0	2,2	4,1
Россия	4,8	4,9	4,5
Румыния	3,9	3,8	3,6
Сербия	11,9	11,3	12,3
Турция	11,6	12,3	11,7
Украина	8,3	8,0	8,4

*Прогнозные показатели

Источник: составлено авторами по данным [17]

Наивысший уровень безработицы в странах ОЧЭС как среди молодёжи, так и среди населения в целом, наблюдается в Греции, чей показатель на 2018 год достиг

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ОЧЭС...

39,10 % и 18, 5% соответственно (рис. 1). Значительно ниже уровень безработицы среди молодого населения в Болгарии, Азербайджане, Молдове, что обусловлено активным оттоком молодёжи с целью трудоустройства в другие страны.

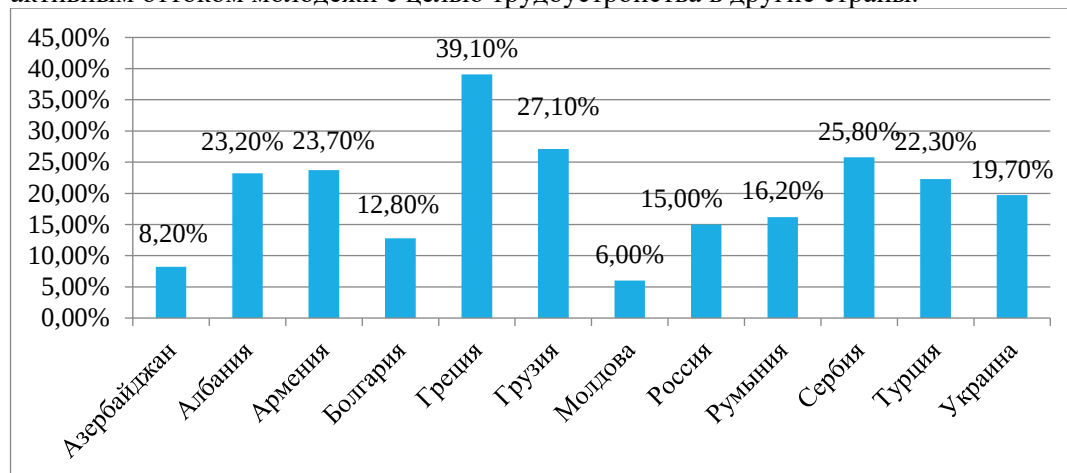

Рис. 1. Количество безработной молодёжи в странах ОЧЭС, 2018 год

Источник: составлено авторами по данным [17]

Среди стран ОЧЭС по показателю ВВП на душу населения в 2018 году лидирующие позиции занимает Греция, демонстрируя, при этом минимальный уровень занятости (табл. 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ показателей уровня и качества жизни населения стран ОЧЭС за 2018 г.

Страна	ВВП на душу населения (дол. США)	Уровень занятости (%)	Минимальная заработная плата, (руб.)	Прожиточный минимум, (руб.)
Азербайджан	5805,10	95,0	5485,00	5946, 55
Албания	4868,20	87,3	15464,15	2224, 39
Армения	4219,40	84,7	7359, 69	8343,17
Болгария	8311,93	93,9	19332,62	13643,19
Греция	23027,41	81,6	56222,23	9638,04
Грузия	4290,17	86,1	8679,38	5232, 22
Молдова	2165,16	97,8	9285,29	7390, 20
Россия	11441,00	95,2	11163,00	9489,00
Румыния	10932,33	96,2	30231,96	16125, 18
Сербия	5992,28	87,7	20961,67	18532, 39
Турция	14933,27	88,4	31403, 85	21105, 03
Украина	2991,63	92,0	10104,40	4455, 85

Источник: составлено авторами по данным [17]

Практически во всех странах (исключение составляют Армения и Греция) существует разница в возрасте выхода на пенсию для мужчин и женщин (табл. 3).

Таблица 3.

Пенсионный возраст женщин и мужчин в странах ОЧЭС на 2018г.

Страна	Пенсионный возраст мужчин	Пенсионный возраст женщин
Азербайджан	63	60
Албания	65	60
Армения	63	63
Болгария	64	61
Греция	67	67
Грузия	65	60
Молдова	63	58
Россия	60	55
Румыния	65	60
Сербия	65	62
Турция	60	58
Украина	60	58

Источник: составлено авторами по данным [19]

В ряде стран актуален вопрос повышения пенсионного возраста. С начала 2019 года в России вступила в силу новая пенсионная реформа, к 2023 году возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин увеличится на 5 лет. Постепенное повышение возраста выхода на пенсию в России вызвало немало дискуссий среди экономистов, социологов и общественности. Так, в 2016 году средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин действительно всего на полтора года превысила новый нормативный пенсионный возраст и составила 66,5 лет. У женщин ситуация намного оптимистичнее, их продолжительность жизни равнялась 77,1 лет, что на 14 лет больше нового пенсионного возраста – 63 года. Но из приведённых оценок вовсе не следует, что по достижении новых пенсионных возрастов мужчины проживут только полтора года, а женщины – 14 лет. В рамках исследования НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ) была опровергнута точка зрения, что треть населения до пенсионного возраста не доживёт. Согласно оценкам специалистов ВШЭ, которые опираются на данные Росстата, даже в среднем варианте прогноза до 65 лет доживёт 82,6 % мужчин в возрасте 55 лет (1963 г. р.) и почти 87 % мужчин в возрасте 59 лет (1959 г. р.); среди женщин до 63 лет доживут 93,5 % в возрасте 47 лет (1971 г. р.) и 94,4 % в возрасте 54 лет (1964 г. р.) [18]. То есть специалисты ВШЭ не увидели «демографических ограничений для повышения пенсионного возраста», но тем не менее настаивают на том, что повышение планки выхода на пенсию – очень сложная задача, решение которой однозначно связано с необходимостью улучшения показателей качества и уровня жизни населения.

В целях сокращения числа безработного населения и улучшения социально-экономического положения граждан правительства стран ОЧЭС принимает ряд мер и документов, целью которых является повышение оперативности рынка труда как посреднического института, создание условий профессиональной переподготовки, финансового стимулирования и т. д. Осуществляются программы защиты занятости в сотрудничестве с общественными и частными организациями. В России в качестве

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНАХ ОЧЭС...

первоочередной задачи правительства определено улучшение жизни населения посредством реализации четырёх приоритетных национальных проектов: «Здоровье», «Образование», «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» и «Развитие агропромышленного комплекса» (на период с 2005 по 2018 годы), а начиная с 2019 года, согласно Указу президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», национальные проекты реализуются по трём направлениям: «Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост». Все названные сферы затрагивают каждого человека, определяют качество жизни и формируют «человеческий капитал» – образованную и здоровую нацию. Также активная политика государства ведётся в отношении иждивенческой нагрузки всех типов. Производятся выплаты пособий и льгот для многодетных семей, пенсионеров и инвалидов. В Российской Федерации введена в действие программа материнского капитала, которая направлена на помощь домохозяйствам с дополнительной финансовой нагрузкой в связи с появлением новых детей.

Особый интерес представляет рассмотрение одного из индикаторов развития человеческого потенциала – индекса человеческого развития (ИЧР). Чем выше значение показателя ИЧР, тем выше возможности для реализации человеческого потенциала благодаря росту образования, долголетия и дохода и, соответственно, выше уровень социализации экономики и общества в целом. Среди стран ОЧЭС наивысшим уровнем социализации отличаются Греция, Россия, Болгария, Румыния, а минимальные значения характерны для Молдовы, Украины, Армении (таблица 4). При этом следует отметить, что во всех странах интеграционного объединения, за исключением лишь Молдовы, значение ИЧР превышает среднемировой показатель.

Таблица 4.

Индекс человеческого развития стран ОЧЭС, 1990–2017 гг.

Страна	1990	2000	2010	2012	2014	2015	2016	2017	
									% к 1990 году
Азербайджан	...	0,640	0,740	0,745	0,758	0,758	0,757	0,757	118,3*
Албания	0,645	0,669	0,741	0,767	0,773	0,776	0,782	0,785	121,7
Армения	0,631	0,647	0,728	0,737	0,745	0,748	0,749	0,755	119,6
Болгария	0,694	0,712	0,779	0,786	0,797	0,807	0,810	0,813	117,1
Греция	0,753	0,796	0,856	0,854	0,864	0,866	0,868	0,870	115,5
Грузия	...	0,673	0,735	0,750	0,765	0,771	0,776	0,780	115,9*
Молдова	0,651	0,597	0,670	0,684	0,696	0,693	0,697	0,700	107,5
Россия	0,734	0,720	0,780	0,798	0,807	0,813	0,815	0,816	111,2
Румыния	0,701	0,709	0,797	0,795	0,802	0,805	0,807	0,811	115,7
Сербия	0,718	0,711	0,759	0,768	0,775	0,780	0,785	0,787	109,6
Турция	0,579	0,655	0,734	0,760	0,778	0,783	0,787	0,791	136,6
Украина	0,705	0,671	0,733	0,743	0,7480	0,743	0,746	0,751	106,5
Мир	0,598	0,642	0,698	0,709	0,718	0,722	0,726	0,728	121,7

*к 2000 году

Источник: составлено авторами по данным [19]

Во всех странах ОЧЭС отмечается увеличение ИЧР. За анализируемый период наибольших результатов достигла Турция, где к 2017 году значение показателя увеличилось на 36 % по сравнению с 1990 годом. Если в 2000 году разрыв в показателе максимального и минимального значения совокупного ИЧР составлял 1,33 раза, то в 2017 уже 1,24. В целом, на фоне усиливающейся глобальной дифференциации стран современного мира в рамках анализируемой группы стран разрыв между «бедными» и «богатыми» сокращается, хотя и незначительно. При этом, начиная с 2000 года, лидирующие позиции по показателю совокупного ИЧР занимает Греция, а Молдова выступает в качестве стабильного аутсайдера.

Индекс человеческого развития представляет собой сводный суммарный индекс качества жизни и характеризует достижения той или иной страны по трем основным направлениям: долгая и здоровая жизнь, знания, достойный уровень жизни (табл. 5).

Таблица 5.

Индекс человеческого развития и его компоненты стран ОЧЭС, 2017 год

Страна	Индекс человеческого развития	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	Ожидаемые годы обучения	Средние годы обучения	Валовой национальный доход на душу населения, дол. США
Азербайджан	0,757	72,1	12,7	10,7	15600
Албания	0,785	78,5	14,8	10,0	11886
Армения	0,755	74,8	13,0	11,7	9144
Болгария	0,813	74,9	14,8	11,8	18740
Греция	0,870	81,4	17,3	10,8	24648
Грузия	0,780	73,4	15,0	12,8	9186
Молдова	0,700	71,7	11,6	11,6	5554
Россия	0,816	71,2	15,5	12,0	24233
Румыния	0,811	75,6	14,3	11,0	22646
Сербия	0,787	75,3	14,6	11,1	13019
Турция	0,791	76,0	15,2	8,0	24804
Украина	0,751	72,1	15,0	11,3	8130
Мир	0,728	72,2	12,7	8,4	15295

Источник: составлено авторами по данным [19]

Как уже отмечалось ранее, по суммарному индексу и по показателю ожидаемая продолжительность жизни лидирует Греция, по направлению знания – Россия и Грузия, достойный уровень жизни – Турция. То есть индекс человеческого развития может рассматриваться как суммарный показатель уровня развития человеческого потенциала в стране, показатель качества и уровня жизни.

ВЫВОДЫ

Именно уровень и качество жизни должны стать основой для перехода стран к стабилизации и росту экономики, основой для качественно нового этапа социализации экономики и общества в целом. Все страны ОЧЭС по основным показателям качества и уровня жизни демонстрируют стабильную тенденцию роста, превышая в большинстве случаев среднемировые значения. Однако, несмотря на

активное международное экономическое сотрудничество между странами в рамках стратегии интеграционного взаимодействия и политику правительств, направленную на решение целого ряда проблем экономического и социального характера, проблемы бедности и безработицы всё ещё остаются актуальными для всех стран членов ОЧЭС.

Важнейшим параметром обеспечения ключевых направлений развития человеческого общества, социализации общества и экономики, а также качества жизни становится не просто обеспечение условий в обществе для долголетия, образованности и достойного уровня жизни, а именно обеспечение применительно ко всем членам общества условий для равных возможностей долголетия, образования, принятых стандартов уровня жизни. Эта необходимость обостряется в ходе научно-технического прогресса (необходимость образованной, интеллектуальной рабочей силы) и усиливающегося интеграционного взаимодействия в условиях глобализации.

Список литературы

1. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Экономика, 1993. 112 с.
2. Леонтьев В. В. Межотраслевая экономика: Пер. с англ. М.: ОАО Издательство «Экономика», 1997. 479 с.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 3. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1993. 352 с.
4. Питу А. Экономическая теория благосостояния. Т.1. / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1995. 512 с.
5. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М.: «Дело ЛТД», 1993. 864 с.
6. Бузляков Н. И. Методы планирования повышения уровня жизни. М.: Экономика, 1969. 222 с.
7. Глазьев С. Ю. Политика экономического роста и интересы России // Пути стабилизации экономики России/ Под ред. Г. Б. Клейнера. М.: Информэлектрон, 1999. С. 129–161.
8. Заславская Т. И. Новые данные о доходах россиян // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 4. С. 7–16.
9. Капустин Е. И. Уровень, качество и образ жизни населения России. М.: Наука, 2006. 324 с.
10. Разумов А. А., Перова Н. Т. Проблемы измерения бедности в современной России: доклад // Уровень жизни населения регионов России. 1996. № 8. С. 4–19.
11. Римащевская Н. М., Бочкарева В. К., Волкова Г. Н., Кислицына О. А. Население: уровень жизни и здоровье: проект «Таганрог – IV, 1998 г.» / Рос. акад. наук. Институт соц.-экон. проблем народонаселения. М., 2001. 181 с.
12. Сафиуллин А. Р. Экономика благосостояния. Теория и практика: учебное пособие. Ульяновск: УлГТУ, 2007. 111 с.
13. Фахрутдинова Е. В. Отечественные и зарубежные критерии оценки качества жизни населения // Вестник Самарского финансово-экономического института. 2011. № 4. С. 17–24.
14. Хажеева М. А. Методологические подходы к основам благосостояния населения и его уровневые характеристики в информационной экономике: монография. Иркутск: ИрГУПС, 2012. 180 с.
15. Аванесов Е. К. Качество жизни и стандартизация индикаторов устойчивого развития // Экономика качества. 2014. № 1 (5) [Электронный ресурс]. URL: <http://eq-journal.ru/pdf/05/Аванесов.pdf>
16. Shutaeva E. A., Pobirchenko V. V., Kakutich E. Y. Socialisation as a factor of the world economy development in the conditions of globalisation // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1–1 (66–1). С. 465–469.
17. Trading Economics [Электронный ресурс]. URL: <https://tradingeconomics.com/indicators>
18. Денисенко М. Б., Овчарова Л. Н., Варшавская Е. Я. Демографический контекст повышения возраста выхода на пенсию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/data/2018/07/02/1153116734.pdf>
19. Программа развития ООН. Отчёты о человеческом развитии [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/trends>

Статья поступила в редакцию 08.04.2019

SUMMARIES

DIGITAL AND NON-DIGITAL FACTORS AFFECTING THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY OF SEVASTOPOL

Balashov E. L., Zubovich K. E.

In the Russian Federation, special attention to the development of the digital economy is associated with the appeal of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on the December 1th, 2016 with an annual Address in which a proposal was formulated as "to launch a large-scale system program for the development of the economy of a new technological generation, the so-called digital economy". The government of the Russian Federation developed and approved the program "Digital economy of the Russian Federation" in July 2017 and in December 2017 and February 2018 as part of the implementation of the Address. — approved action plans for the implementation of certain areas of the program.

Sevastopol has not remained outside the strategically important activities for the formation of the digital economy. Since November 2017, within the framework of the adopted all-Russian program and Strategy of social and economic development of the city of Sevastopol until 2030, we have implemented a priority project "Smart city". In January 2018, the government of Sevastopol approved the concept of forming a digital environment "Smart city".

Given the global technological changes, urban renewal should be based on the use of digital technologies. We have to think about solutions that will allow us combine infrastructure with unmanned transport, digital Maritime and air navigation, and improve logistics. This is very important for the city of Sevastopol.

The paper presents the results of the assessment of the current state of the digital economy in the city of Sevastopol. The analysis was carried out using the methodology developed for the evaluation of the digital economy. Much attention is spent to the so-called non-digital factors affecting the development of the digital economy (government policy and regulation, leadership and institutions, human capital, economic environment), equally in the evaluation of the main directions in which the digital transformation of society, business and the state.

Keywords: Digital Economy, ICT (information and communication technologies, socio-economic development, "Smart City".

INNOVATION IN INDUSTRIAL CLUSTERS OF THE REGION IN TERMS OF SPATIAL ECONOMICS

Barmuta K. A.

In article modern problems of development of the industry of the Rostov region are revealed. The necessity of integration of enterprises of the real sector of the region's

economy with scientific, infrastructure and non-profit organizations in the form of creating innovative industrial clusters. The main directions of increasing the synergetic effect of their functioning in the development of modern spatial economy are formed.

Keywords: real sector of economy, industrial cluster, innovative activity, spatial economy, region, synergetic effect, state support, intellectual property.

INFORMATION SECURITY OF DIGITALIZATION OF ECONOMY OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Boychenko O. V., Gunko A. V.

In order to stimulate the investment attractiveness of the region from the perspective of Informatization and digitalization, the following vectors of development of the digital economy in Kazakhstan and Russia as a whole can be identified: universal connectedness of all sectors of the economy (the Internet of everything); smart solutions for business and cities; formation of conditions for the development of digital infrastructure, training, research competencies and technological achievements, information security; improvement and revision of the open data portal of the Republic of Kazakhstan and Sevastopol; stimulating business forums, conferences and seminars, including at the Federal level.

In addition, under the sanctions, according to analysts, the adoption of the draft law "on VAT for foreign IT-companies", which would provide them with appropriate preferences for this type of tax, domestic companies, in turn, it is advisable to provide a reduced VAT rate of 10% for certain print media and book products related to education, science and culture, for all types of media, including digital media, according to the draft law of the Ministry of communications of Russia proposed in 2017.

Thus, the Government of the Republic of Crimea has defined strategic goals for the development of the digital economy. However, a detailed sector development programme has yet to be developed. The government of Kazakhstan is aimed at ensuring a high level of competitiveness in this direction, financial resources to achieve the strategic goals and indicators of the digital sector of the economy are available, only the realization of this potential is necessary. In General, the current level of development of the digital sector of the region's economy against the background of international comparisons can be assessed as low primarily due to the lack of detailed plans for the development of the digital sector and the low level of development of the content and media sector.

Keywords: digital economy, information security, information and communication technologies, digitalization, informatization

THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Enchenko I. V.

Development of the sphere of physical culture and sports is one of the most important tasks of our country today. Issues of development of this sphere are considered at all levels of government. Programs of development of physical culture and sports both at the level of

sports of the highest achievements, and at the level of mass sports are actively developed. With 2014 in the Russian federal assembly the Republic of Crimea included. For five years in the Republic of Crimea there were serious changes in all spheres of life, including in the sphere of physical culture and sports.

The author carries out research of development of physical culture and sports in the Republic of Crimea, the key indicators of development of this branch are analyzed. The article presents data on the number of people engaged in physical culture and sports, sex and age involved, providing the Republic of Crimea sports facilities, regulatory indicators of the unified capacity of sports facilities, the level of delivery of the all-Russian sports complex "Ready for work and defense", financing of physical culture and sports, staffing industry, as well as the number of people involved in adaptive physical culture, the number of sports facilities, designed for physical culture and sports of people with disabilities, financing of adaptive physical culture.

Keywords: physical culture, sport, adaptive physical culture, sport economy, complex "Ready for work and defense".

FORMATION OF REGIONAL SOCIO-ECONOMIC POLICY OF COUNTRIES IN EAST ASIA

Kuznetsov M. M.

"Development state" refers to the synthesis of very specific aspects of each East Asian case separately and is reduced to an ideal type of government structure together with local realities and cultural values.

Note that the "state of development" is between the model of the market economy and the administrative command, however, does not apply to any of these theoretical foundations. However, the "state of development" cannot be attributed to a mixed type.

First, this model has not acquired a single variant of distribution, it has certain unchanged basic characteristics, and can be transformed without losing them.

Secondly, it is characterized by new features that have been formed and still have development, with the possibility of improving the model as a whole.

In essence, the "development state" is an exceptional representation of government, as it is characterized by a holistic coordination and competence for the implementation of all plans in economic development. What is confirmed by the real presence of the state, the ability to establish a coordinated economic management, appropriate and cost-effective organization, with the possibility of strengthening long-term economic policy.

Thus, the practical application of this model is informed government intervention along with an Autonomous and entrenched bureaucracy focused on the growth of government policy.

At the same time, there is interaction and positive competition between the public and private sectors, which is positively reflected in the achievement of a clearly defined goal – national development

In the regional socio-economic policy of the East Asian countries, a huge role is played by the government, which, within the framework of the "development state" model, develops and ensures the implementation of a certain national political position aimed at

economic growth, rapid industrialization and technological progress, which is enhanced by the effect of time.

Keywords: regional policy, economic development, “state of development”, East Asia.

OVERSIGHT OF PAYMENT SYSTEMS: HISTORY, ESSENCE AND SPECIFICS

Kurianova I. V.

Abstract. In this article we were comprehensive studied theoretical and methodological foundations for the payment systems oversight by the central banks. Methodical approaches to determination of the essence of the payment systems oversight were deepened, were outlined the origins of payment systems oversight as well as its main instruments, objectives scope, subjects and distinctive features with the regulation of payment systems, banking supervision and financial monitoring. Have been highlighted an important role of the cooperative oversight of payment systems in a maintaining the financial stability.

Keywords: payment systems oversight (oversight of payment systems), payment systems, central banks.

AGILE AND THE SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOR: THE PRACTICE OF APPLYING AGILE METHODS IN RUSSIA

Lozgageva T. M., Tabekina O. A., Fedotova O. V.

The article presents the results of a comparative analysis of the scientific organization of labor and Agile flexible approach. The authors note the similarity of these approaches and the continuity of flexible NOTE technologies. The examples of Agile implementation in Russian companies show the interest of Russian business in the application of flexible methods and approaches to management, including lean production as one of the methods of the Agile family.

Keywords: scientific organization of labor, flexible methods of management, Agile, lean manufacturing, lean technologies.

RUSSIA'S ECONOMIC GROWTH IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL COMPARISON

Nikitina M. G., Butsenko I. N., Fahretdinova N. I.

The article on the basis of statistical data of international organizations and the Russian Federation conducted a comparative analysis of indicators characterizing the state and dynamics of economic growth in Russia in the context of individual countries. The main positions of Russia in dynamics on the main indicators of economic growth of national economy are allocated, interpretation of the received static data is given.

Keywords: economic growth, GDP, GDP per capita, sectoral structure of the economy, gross fixed capital formation, labour productivity, unemployment rate, inflation rate, innovation index, human development index, global competitiveness index.

PRECONDITIONS FOR EMERGENCE OF NEW THEORIES OF ECONOMIC GROWTH

Reus S. P.

Publications on theories in the time aspect are analyzed, theoretical approaches as the main provisions of the theory of economic growth are analyzed. The mechanism of emergence and systematization of new theories as part of the economic cycle is considered. The prerequisites for the emergence of new economic theories as a way out of socio-economic crises are substantiated.

Keywords: theories of economic growth, economic cycle, scientific and technological progress, social and economic events, new economic ideas.

ON THE RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS OF «DEBT SECURITY» AND «DEBT SUSTAINABILITY»

Rogatenyuk E. V.

The presence of public debt inevitably causes the problem of ensuring debt security – a certain level of domestic and foreign debt, the optimal balance between them. Based on the importance of this problem, the article clarifies the economic content of the concepts of «debt security» and «debt sustainability», which allowed to choose the indicators of debt sustainability and the criteria for their evaluation; to classify the subjects by groups of debt sustainability and to justify measures in relation to them.

Keywords: public debt, debt sustainability, debt security, indicators, threshold values of indicators.

INTERNATIONAL MIGRATION AND THE FORMATION OF ETHNIC COMMUNITIES IN THE METROPOLITAN AREAS OF LONDON AND NEW YORK

Seredina M. I.

The author briefly analyzes the theory of "world cities" and talks about the formation of megacities and the role of international migration in the formation of the economy of megacities on the example of the most important ethnic communities of London and New York. In London, four ethnic communities – Hindus, Chinese, Russians and Jews-are briefly considered, and in New York – Jewish, Russian and Chinese. Conclusions are written about the role of international migration in the formation of the economy of these megacities.

Keywords: world cities, megacities, migration theories, London, New York, ethnic communities, multiculturalism, "melting pot" theory

INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF RUSSIA AND THE BLACK SEA COUNTRIES

Tverdohlebov N. I.

The Black Sea countries objectively compete in the global market for foreign direct investment, the flow of which largely depends on the level of competitiveness of national economies. In this connection, the study of the comparative competitiveness of the Black Sea countries based on the annual Global Competitiveness Rating of the World Economic Forum (WEF) is relevant. Analysis of the strengths and weaknesses of the competitiveness of the Black Sea countries makes it possible to determine the priority areas of economic development policy of the subjects of the Southern Federal District of the Russian Federation, including the Republic of Crimea.

In terms of the overall level of competitiveness, Russia leads among the six Black Sea countries, Bulgaria and Romania occupy the closest positions to it, and Ukraine is the clear outsider. Despite the crisis in the economy, caused, among other things, by sanctions from Western countries, the Russian Federation was able to improve its position in the WEF competitiveness ranking. In 2014, it occupied 53rd place among 144 countries of the world and was inferior to Turkey (45), then in 2018 it was able to rise to 43 among 140.

If we consider the positions in certain categories of rating, then the strengths, where the Russian Federation is significantly ahead of the other five Black Sea countries, include the size of the domestic market (6th place), the development of modern information communications (25) and the ability to innovate (36). In four categories, Russia shares leadership with one or two neighboring countries — infrastructure (51), macroeconomic stability (55), professional training (50), and business development dynamics (51). The weaknesses of competitiveness include five categories, where Russian estimates are inferior to two or three countries out of six - the quality of institutions (72), the development of the financial market (86), public health (100), the market for goods and services (83) and the labor market (67). The assessment of the level of health of the population of the Russian Federation looks quite controversial, since it is reduced to one very conditional indicator - the expected duration of healthy life.

In general, despite the fact that the authors of the new rating method have reduced the proportion of estimated indicators, many of them raise questions about the adequacy of their quantitative assessment and the impact on the designated factors of competitiveness.

Under the conditions of the sanctions regime of the western countries, the Republic of Crimea develops international relations, actively attracts investments from abroad, competing in this sphere with the neighboring Black Sea countries. To increase the competitiveness of our region, it is necessary to pay close attention to the socio-economic factors that ensure successful development in the conditions of the Fourth Industrial Revolution.

Keywords: country competitiveness, Black Sea countries, Global Competitiveness Index, World Economic Forum.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF PRESCHOOL EDUCATION IN SEVASTOPOL

Khlebnikova V. V., Pisaryuk S. N.

The article formulates the problems of the social sphere in the field of preschool education in the city of Sevastopol. Confirmation of the relevance of the research topic is the survey of city residents about the quality of services provided in the field of pre-school education conducted by the authors and the subsequent analysis and presentation of the survey results of respondents. As a tool for solving problems, it is proposed to use a public-private partnership mechanism and a series of activities to raise awareness and attract capital from a private partner in public-private relations. To do this, in article calculates the benefits for private and public partners on the example of the reconstruction of non-functioning groups of a preschool institution. All of the above measures to address the acute social problem of lack of places in kindergartens and violations of the principle of accessibility of preschool education in preschool institutions of the city together open up prospects for the development of public-private partnership in preschool education in one of the subjects of the Russian Federation - a city of federal importance Sevastopol.

Keywords: public-private partnership, pre-school education, the principle of accessibility, the trilateral benefit.

LEVEL AND QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN THE COUNTRIES OF BSEC: COMPARATIVE ANALYSIS

Shutaieva E. A., Dyakun A. A.

This study is aimed at studying the indicators of socio-economic development of the BSEC countries. The article discusses the level and quality of life of the population as an integral indicator of the socio-economic development of the regional economy and the socialization of society as a whole. An analysis is made of one of the indicators of human development in the BSEC countries - the human development index, taking into account its component composition, reflecting the country's achievements in three main areas: a long and healthy life, knowledge, a decent standard of living.

Keywords: standard of living, quality of life, human development index, socio-economic development, socialization, BSEC.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балашов Е. Л., кандидат экономических наук, доцент кафедры управления Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе

Бармута К. А., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»

Бойченко О. В., доктор технических наук, профессор кафедры бизнес-информатики и математического моделирования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Буценко И. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Гуныко А. В., магистрант кафедры финансов предприятия и страхования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Дякун А. А., магистрант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Енченко И. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики спорта ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта»

Зубович К. Е., магистрант кафедры управления Филиала МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе

Кузнецов М. М., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Курьянова И. В., ассистент кафедры финансов предприятия и страхования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Лозгачева Т. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева»

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Писарюк С. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнес-аналитики ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Реус С. П., аспирант кафедры государственных финансов и банковского дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Рогатенюк Э. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры государственных финансов и банковского дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Середина М. И., кандидат социологических наук, доцент департамента мировой экономики и мировых финансов ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Табеккина О. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева»

Твердохлебов Н. И., кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента устойчивого развития ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Фахретдинова Н. И., магистрант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Федотова О. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Хлебникова В. В., кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента и бизнес-аналитики ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Шутаева Е. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

Балашов Е. Л., Zubovich К. Е.

Цифровые и нецифровые факторы, влияющие на развитие цифровой экономики Севастополя3

Бармута К. А.

Инновационная активность промышленных кластеров региона в условиях пространственной экономики8

Бойченко О. В., Гунько А. В.

Информационная безопасность цифровизации экономики Республики Крым17

Енченко И. В.

Развитие физической культуры и спорта в Республике Крым26

Кузнецов М. М.

Становление региональной социально-экономической политики стран Восточной Азии35

Курьянова И. В.

Оверсайт платежных систем: история, сущность и специфика.....41

Лозгачева Т. М., Табекина О. А., Федотова О. В.

Agile и научная организация труда: практика применения гибких методов в России48

Никитина М. Г., Буценко И. Н., Фахретдинова Н. И.

Экономический рост России в контексте международных сопоставлений.....60

Реус С. П.

Предпосылки возникновения новых теорий экономического роста.....75

Рогатенюк Э. В.

О соотношении понятий «долговая безопасность» и «долговая устойчивость»91

Середина М. И.

Международная миграция и формирование этнических общин в Лондоне и Нью-Йорке100

Твердохлебов Н. И.

Международная конкурентоспособность России и черноморских стран.....110

Хлебникова В. В., Писарюк С. Н.

Перспективы развития государственно-частного партнерства в сфере дошкольного образования в Севастополе119

Шутаева Е. А., Дякун А. А.

Уровень и качество жизни населения в странах ОЧЭС: сравнительный анализ128

Summaries136

Сведения об авторах.....143

Содержание145

Contents.....146

CONTENTS

Balashov E. L., Zubovich K. E.	
Digital and non-digital factors affecting the development of the digital economy of Sevastopol.....	3
Barmuta K. A.	
Innovation in industrial clusters of the region in terms of spatial economics.....	8
Boychenko O. V., Gunko A. V.	
Information security of digitalization of economy of the Republic of Crimea	17
Enchenko I. V.	
The development of physical culture and sports in the Republic of Crimea	26
Kuznetsov M. M.	
Formation of regional socio-economic policy of countries in East Asia.....	35
Kurianova I. V.	
Oversight of payment systems: history, essence and specifics.....	41
Lozgacheva T. M., Tabekina O. A., Fedotova O. V.	
Agile and the scientific organization of labor: the practice of applying agile methods in Russia.....	48
Nikitina M. G., Butsenko I. N., Fahretdinova N. I.	
Russia's economic growth in the context of international comparison.....	60
Reus S. P.	
Preconditions for emergence of new theories of economic growth.....	75
Rogatenyuk E. V.	
On the relationship of the concepts of «debt security» and «debt sustainability».....	91
Seredina M. I.	
International migration and the formation of ethnic communities in the metropolitan areas of London and New York	100
Tverdohlebov N. I.	
International competitiveness of Russia and the Black Sea countries	110
Khlebnikova V. V., Pisaryuk S. N.	
Prospects for the development of public-private partnership in the field of preschool education in Sevastopol	119
Shutaieva E. A., Dyakun A. A.	
Level and quality of life of the population in the countries of BSEC: comparative analysis	128
Summaries	136
Authors Data	143
Contents	146